ISSN 0869-5873 (Print)
ISSN 3034-5200 (Online)

Российская Академия Наук

2026, том 96, номер 10 Октябрь

ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

HERALD OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

НАУКА
1727

ISSN 0869-5873 (Print)
ISSN 3034-5200 (Online)

Российская Академия Наук

ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК / HERALD OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Научный и общественно-политический журнал

2026 Том 96 № 10

Основан в 1931 г.
Выходит 12 раз в год

Журнал издаётся под руководством Президиума РАН

Главный редактор
В.Я. Панченко

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.В. Адрианов (ННЦМБ ДВО РАН, Владивосток, РФ), В.П. Анаников (ИОХ РАН, Москва, РФ), А.Л. Асеев (НГУ, Новосибирск, РФ), А.Р. Бахтизин (ЦЭМИ РАН, Москва, РФ), С.И. Безродных (ОМН РАН, Москва, РФ), В.В. Бражкин (ИФВД РАН, Троицк, РФ), Ф.Г. Войтоловский (ИМЭМО РАН, Москва, РФ), А.В. Гавриленко (РНЦХ ИМ. АКАД. Б.В. ПЕТРОВСКОГО, Москва, РФ), А.Д. Гвишиани (ГЦ РФ, Москва, РФ), Ю.Г. Горбунова (МГУ, Москва, РФ), В.И. Данилов-Данильян (ИВП РАН, Москва, РФ), Л.М. Зелёный (ИКИ РАН, Москва, РФ), Н.А. Зиновьева (ФГБНУ “ФИЦ ВИЖ”, Подольск, РФ), Н.И. Иванова (ИМЭМО РАН, Москва, РФ), В.С. Комлев (ИМЕТ РАН, Москва, РФ), С.Н. Кочетков (ИМБ РАН, Москва, РФ), С.В. Кривовичев (КНЦ РАН, Апатиты, РФ), А.П. Кулешов (Сколтех, Москва, РФ), Ю.Ф. Лачуга (Отделение сельхознаук РАН, Москва, РФ), Я.П. Лобачевский (ФНАЦ ВИМ, Москва, РФ), А.В. Лопатин (ПИН РАН, Москва, РФ), Г.Г. Матишов (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону, РФ), А.М. Молдован (ИРЯ РАН, Москва, РФ), О.С. Нарайкин (НИЦ “Курчатовский институт”, Москва, РФ), В.В. Наумкин (ИВ РАН, Москва, РФ), С.А. Недоспасов (ИМБ РАН, Москва, РФ), А.Д. Некипелов (МГУ, Москва, РФ), Р.И. Нигматулин (ИО РАН, Москва, РФ), Н.Э. Нифантьев (ИОХ РАН, Москва, РФ), М.А. Островский (ИБХФ РАН, Москва, РФ), В.В. Полонский (ИМЛИ РАН, Москва, РФ), И.В. Решетов (Первый МГМУ им. И. М. Сеченова, Москва, РФ), Г.Н. Рыкованов (ФГУП РФЯЦ–ВНИИТФ, Снежинск, РФ), А.В. Сиренов (СПбИИ РАН, Санкт-Петербург, РФ), В.А. Сойфер (Самарский университет, Самара, РФ), О.Н. Соломина (ИГ РАН, Москва, РФ), Г.Т. Сухих (НМИЦ АГП им. В.И. Кулакова, Москва, РФ), И.А. Тайманов (ИМ СО РАН, Новосибирск, РФ), В.А. Тишков (ИЭА РАН, Москва, РФ), В.А. Ткачук (МГУ, Москва, РФ), А.В. Торкунов (МГИМО МИД России, Москва, РФ), И.В. Тункина (Архив РАН, Санкт-Петербург, РФ), М.А. Федонкин (ГИН РАН, Москва, РФ), Т.Я. Хабриева (ИЗиСП, Москва, РФ), В.Ю. Хомич (ИЭЭ РАН, Санкт-Петербург, РФ), В.И. Цетлин (ИБХ РАН, Москва, РФ), В.А. Черешнев (ИИФ УрО РАН, Екатеринбург, РФ), М.Ф. Черныш (ФНИСЦ РАН, Москва, РФ), В.П. Чехонин (РАН, Москва, РФ), А.П. Шкуринов (МГУ, Москва, РФ), И.А. Щербаков (ИОФ РАН, Москва, РФ), А.В. Юревич (ИП РАН, Москва, РФ)

Заместитель главного редактора
Г.А. Заикина

Заведующая редакцией
О.Н. Смола

Адрес редакции: 119071, Москва, Ленинский пр-т, д. 14

E-mail: vestran@pran.ru, vestnik.ran@yandex.ru
Сайт: https://heraldras.ru

Москва
ФГБУ “Издательство “Наука”

© Российская академия наук, 2026

ISSN 0869-5873 (Print)
ISSN 3034-5200 (Online)

Российская Академия Наук

VESTNIK ROSSIYSKOY AKADEMII NAUK / HERALD OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Scientific and Socio-Political Journal

2026 Vol. 96 No. 10

Founded in 1931
Published monthly

The journal publication is guided by the Presidium of the Russian Academy of Sciences

Editor-in-Chief
V.Ya. Panchenko

EDITORIAL BOARD

A.V. Adrianov (NSCMB FEB RAS, Vladivostok, Russian Federation), V.P. Ananikov (IOC RAS, Moscow, Russian Federation), A.L. Aseev (NSU, Novosibirsk, Russian Federation), A.R. Bakhtizin (CEMI RAS, Moscow, Russian Federation), S.I. Bezrodnykh (DMS RAS, Moscow, Russian Federation), V.V. Brazhkin (IHPP RAS, Troitsk, Russian Federation), V.P. Chekhonin (RAS, Moscow, Russian Federation), V.A. Chereshnev (IIP UB RAS, Yekaterinburg, Russian Federation), M.F. Chernysh (FRSC RAS, Moscow, Russian Federation), V.I. Danilov-Danilyan (IWP RAS, Moscow, Russian Federation), M.A. Fedonkin (GIN RAS, Moscow, Russian Federation), A.V. Gavrilenko (PETROVSKY NRCS, Moscow, Russian Federation), Yu.G. Gorbunova (MSU, Moscow, Russian Federation), A.D. Gvishiani (GC RAS, Moscow, Russian Federation), N.I. Ivanova (IMEMO RAS, Moscow, Russian Federation), T.Ya. Khabrieva (ILCL RAS, Moscow, Russian Federation), V.Yu. Khomich (IEE RAS, Saint Petersburg, Russian Federation), S.N. Kochetkov (IMB RAS, Moscow, Russian Federation), V.S. Komlev (IMET RAS, Moscow, Russian Federation), S.V. Krivovichev (KSC RAS, Apatity, Russian Federation), A.P. Kuleshov (Skoltech, Moscow, Russian Federation), Yu.F. Lachuga (Division of Agricultural Sciences RAS, Moscow, Russian Federation), Ya.P. Lobachevsky (FNAC VIM, Moscow, Russian Federation), A.V. Lopatin (PIN RAS, Moscow, Russian Federation), G.G. Matishov (SSC RAS, Rostov-on-Don, Russian Federation), A.M. Moldovan (IRYa RAS, Moscow, Russian Federation), O.S. Naraikin (NRC "Kurchatov Institute", Moscow, Russian Federation), V.V. Naumkin (IOS RAS, Moscow, Russian Federation), S.A. Nedospasov (IMB RAS, Moscow, Russian Federation), N.E. Nifantiev (IOC RAS, Moscow, Russian Federation), R.I. Nigmatulin (IO RAS, Moscow, Russian Federation), A.D. Nekipelov (MSU, Moscow, Russian Federation), M.A. Ostrovsky (IBCP RAS, Moscow, Russian Federation), V.V. Polonsky (IMLI RAS, Moscow, Russian Federation), I.V. Reshetov (First MSMU named after I.M. Sechenov, Moscow, Russian Federation), G.N. Rykovanov (FSUE RFNC-VNIITF, Snezhinsk, Russian Federation), I.A. Shcherbakov (GPI RAS, Moscow, Russian Federation), A.P. Shkurinov (MSU, Moscow, Russian Federation), A.V. Sirenov (SPb FRC RAS, Saint Petersburg, Russian Federation), V.A. Soifer (Samara University, Samara, Russian Federation), O.N. Solomina (IG RAS, Moscow, Russian Federation), G.T. Sukhikh (NMRC OGP named after V.I. Kulakov, Moscow, Russian Federation), I.A. Taimanov (IM SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation), V.A. Tishkov (IEA RAS, Moscow, Russian Federation), V.A. Tkachuk (MSU, Moscow, Russian Federation), A.V. Torkunov (MGIMO MFA Russia, Moscow, Russian Federation), V.I. Tsetlin (IBCh RAS, Moscow, Russian Federation), I.V. Tunkina (Archives of the RAS, Saint Petersburg, Russian Federation), F.G. Voitolovsky (IMEMO RAS, Moscow, Russian Federation), A.V. Yurevich (IP RAS, Moscow, Russian Federation), L.M. Zelenyi (SRI RAS, Moscow, Russian Federation), N.A. Zinovieva (FGBSI "FRC VIZh", Podolsk, Russian Federation)

Deputy Editor-in-Chief
G.A. Zaikina

Editorial Manager
O.N. Smola

Address: Leninsky Prospekt, 14, Moscow, 119071 Russia

E-mail: vestran@pran.ru, vestnik.ran@yandex.ru
Website: https://heraldras.ru

Moscow
"Nauka" Publishers"

© Russian Academy of Sciences, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК /
HERALD OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, 2026, том 96, № 10** **Октябрь**

Официальный отдел

Центр кристаллизации
К 80-летию со дня рождения Михаила Валентиновича Ковальчука 827

С кафедры президиума РАН

Особенности текущей модели развития российской экономики
А.А. Широв 833

Финансовый и управленческий механизмы достижения целей национального развития
А.Н. Клепач 843

Вызовы российской экономики и экономическая политика
Б.И. Нигматулин, Р.И. Нигматулин 855

Проблемы экологии

Инвазионные чужеродные виды: научные основы и приоритеты регулирования
А.Б. Петровский, А.Н. Решетников, Л.А. Хляп, А.С. Шестаков, А.В. Суров, В.В. Рожнов, А.А. Котов, О.В. Морозова, Н.Н. Дергунова, Ф.А. Осипов, В.Г. Петросян, С.В. Найденко 869

За рубежом

Трансформация социально-экономического положения китайских семей в Китае и в США (1970–2025)
Н.Е. Петровская, М.А. Черных 883

Франко-германский тандем: проблемы и перспективы экономического взаимодействия
Е.А. Сидорова 893

В мире книг

Рецензия на книгу В.А. Тишкова “Очерки теории этничности. Ревизия категорий и практик”
Н.В. Ссорин-Чайков 908

CONTENTS

**VESTNIK ROSSIYSKOY AKADEMII NAUK /
HERALD OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, 2026, vol. 96, no. 10** **October**

Official Department

A Center of Crystallization
To the 80th Anniversary of the Birth of Mikhail Kovalchuk 827

From the Rostrum of the RAS Presidium

Features of the current model of development of the Russian economy
A.A. Shirov 833

Financial and managerial mechanisms for achieving national development goals
A.N. Klepach 843

Challenges of the Russian economy and economic policy
B.I. Nigmatulin, R.I. Nigmatulin 855

Ecological Problems

Invasive alien species: scientific basis and management priorities
A.B. Petrovskiy, A.N. Reshetnikov, L.A. Khlyap, A.S. Shestakov, A.V. Surov, V.V. Rozhnov, A.A. Kotov, O.V. Morozova, N.N. Dergunova, F.A. Osipov, V.G. Petrosyan, S.V. Naidenko 869

Abroad

Transformation of socio-economic status of Chinese families in China and in the U.S. (1970–2025)
N.E. Petrovskaya, M.A. Chernykh 883

Franco-German tandem: Problems and prospects of economic cooperation
E.A. Sidorova 893

In the book world

Review of the book: V.A. Tishkov. Essays in theory of ethnicity. Revision of categories and practices
N.V. Ssorin-Chaikov 908

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ
OFFICIAL SECTION

ЦЕНТР КРИСТАЛЛИЗАЦИИ

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МИХАИЛА ВАЛЕНТИНОВИЧА КОВАЛЬЧУКА

Кристалл – форма существования вещества, к которому стремится Природа, утверждал российский геохимик академик А.Е. Ферсман. Но чтобы из расплава образовался кристалл, необходим центр, вокруг которого формируется чёткая структура. Одним из ключевых организаторов науки в нашей стране стал Михаил Валентинович Ковальчук – идеолог развития нанотехнологий в России, автор концепции конвергенции естественно-научного и гуманитарного знания, инициатор создания природоподобных технологий и систем, разработчик целой сети крупнейших международных и национальных научно-исследовательских мегапрограмм.

21 сентября 2026 г. яркому российскому учёному, специалисту в области рентгеновской физики, кристаллографии и нанодиагностики, доктору физико-математических наук, профессору, члену-корреспонденту РАН исполнилось 80 лет.

ТОЧКА РОСТА

Символично, что научная биография М.В. Ковальчука многие годы была связана с Институтом кристаллографии имени А.В. Шубникова РАН. Здесь он прошёл путь от стажёра-исследователя до директора, пост которого занимал с 1998 по 2013 г. Именно здесь проявился его талант организатора, кристаллизующего вокруг себя идеи, людей, исследовательские институты и целые научные школы.

Под его руководством институт был переориентирован на решение принципиально новых задач: создание наноматериалов, развитие нанодиагностики, нанобиотехнологий, а также космического материаловедения. Были сформулированы новые научные приоритеты, создана передовая научно-исследовательская инфраструктура. Она обеспечивала уникальные исследовательские возможности, в том числе для кристаллизации белков, формирования систем молекулярных плёнок.

В 2016 г. по инициативе М.В. Ковальчука на базе Института кристаллографии имени А.В. Шубникова РАН, Института проблем лазерных и информационных технологий РАН, Института фотонных технологий РАН, Института систем обработки изображений РАН и Центра фотохимии РАН была создана новая междисциплинарная структура, получившая название “Федеральный научно-исследовательский центр кристаллографии и фотоники”.

В 2005 г. М.В. Ковальчук возглавил Курчатовский институт, один из крупнейших и известнейших в мире научных центров, и это существенно расширило сферу ответственности учёного. Например, именно в эти годы и во многом благодаря активной позиции М.В. Ковальчука значительно укрепилось положение России в глобальных международных научных проектах. По инициативе Михаила Валентиновича Российская Федерация стала одним из основных партнёров в проекте создания европейского рентгеновского лазера на свободных электронах XFEL в г. Гамбург (ФРГ). Также благодаря М.В. Ковальчуку активно развивалось взаимодействие с Европейским центром синхротронного излучения ESRF, в рамках которого подписан Протокол о создании Платформы сотрудничества Россия–ESRF, одна из основных целей которой – развитие инфраструктуры

синхротронных исследований и собственных научных программ на территории России. В 2011 г. в Москве руководителями основных международных синхротронных центров была подписана декларация, поддержавшая создание в России синхротронных источников нового поколения. Бурное развитие этого направления исследований в нашей стране – несомненная заслуга М.В. Ковальчука.

СВЕТ ИСТИНЫ

Вследствие удивительного сочетания фундаментальных свойств, изучение которых позволяет исследовать сокровенные тайны мироздания, и важности практического использования в самых разных областях человеческой деятельности – от медицины до материаловедения – синхротронное излучение не только завоевало настоящее в физическом эксперименте, но и стало инструментом будущего. М.В. Ковальчук, прекрасно сознавая это, сделал данное направление исследований одним из ключевых инструментов развития экспериментальной физики в России.

С начала 1980-х годов учёный, одним из первых в нашей стране, начал развивать исследования с помощью синхротронного излучения. Используя уникальный опыт работы на ряде зарубежных источников синхротронного излучения, он приступил к разработке экспериментальных станций, сначала для Зеленоградского, а затем и Курчатовского синхротронов. В 1999 г. по инициативе академика Е.П. Велихова М.В. Ковальчук был назначен директором-организатором Курчатовского центра синхротронных исследований (КЦСИ).

Реализация синхротронного проекта – значительный вклад М.В. Ковальчука в развитие экспериментальных и технологических возможностей России в проведении исследований в области фундаментальных наук, материаловедения, нано- и биотехнологий, молекулярной биологии и медицины, а также методов диагностики с атомарным разрешением. Эта работа была отмечена Премией Правительства РФ.

М.В. Ковальчук стал инициатором и разработчиком Федеральной научно-технической программы развития синхротронных и нейтронных исследований и исследовательской инфраструктуры. Программа утверждена постановлением Правительства РФ и рассчитана на период до 2030 года и дальнейшую перспективу. В рамках этой программы планируется создание нового синхротрона “РИФ” на острове Русский в Дальневосточном федеральном университете. Также идёт восстановление единственного уникального источника синхротронного излучения – технологического накопительного комплекса (ТНК) в Зеленограде, который не был запущен вследствие развала Советского Союза. Модернизация и запуск комплекса запланированы на 2028 г. Наряду с этим по инициативе М.В. Ковальчука было поддержано строительство ускорителя NICA в ОИЯИ (Дубна) и источника синхротронного излучения “СКИФ” (Кольцово, Новосибирской области).

При всей своей значимости синхротронный проект был лишь частью более масштабного плана, нацеленного М.В. Ковальчуком на возрождение отечественной науки.

ФУНДАМЕНТ БОЛЬШОЙ НАУКИ

Современные научные установки, позволяющие проводить исследования на передовом крае науки, сравнимы по размерам с крупными городами и стоят десятки миллиардов долларов. Без них современная наука невозможна, но для их создания в России необходимо было определить чёткий баланс между возможностями экономики и актуальностью решаемых с помощью таких мегаустановок задач.

В сложный для всей российской науки период М.В. Ковальчуком была выдвинута и под его руководством реализована концепция формирования и развития национальной сети экспериментальных систем класса мегасайенс. Ввод в эксплуатацию первого и до сих пор единственного на постсоветском пространстве специализированного источника синхротронного излучения “КИСИ-Курчатов” в 1999 г. стал начальным этапом в реализации этой концепции, нацеленной на восстановление и развитие отечественного научно-технологического комплекса.

Под руководством М.В. Ковальчука был реализован подход: создать в России сеть уникальных экспериментальных установок класса мегасайенс как базы для развития всего научно-технологического комплекса страны. Под его руководством в Курчатовском институте была сформирована научная программа, ориентированная на междисциплинарные исследования на крупных установках – синхротронных и нейтронных источниках, ускорительных комплексах.

В 2010-е годы под руководством М.В. Ковальчука были реализованы такие важнейшие мегапроекты, как пуск крупнейшего в мире источника нейтронов “ПИК” в г. Гатчина Ленинградской области, модернизация и переоснащение уникальным экспериментальным оборудованием “КИСИ-Курчатов”, создание современного термоядерного реактора Токамак Т-15МД на площадке НИЦ “Курчатовский институт” в Москве, пуск которого состоялся в 2021 году. Это позволило не только перевести на принципиально новый уровень термоядерные исследования в России, но и обеспечило развитие работ в поддержку проекта международного термоядерного экспериментального реактора ITER.

По инициативе М.В. Ковальчука на площадке ИФВЭ НИЦ “Курчатовский институт” в подмосковном Протвино в настоящее время идёт работа над первой в мире мегаустановкой “СИЛА” (“СИнхротрон–ЛАзер”), которая объединит в себе возможности источника синхротронного излучения четвёртого поколения и лазера на свободных электронах. Эта уникальная установка изменит подход к исследованиям в медицине, энергетике, сельском хозяйстве и оборонной промышленности, позволив учёным всесторонне изучать структуру и свойства материалов на субатомном уровне. Кроме того, в Протвино возобновлены регулярные исследования на одном из крупнейших в мире ускорителей протонов У-70 (основная исследовательская установка Института физики высоких энергий). За последние годы здесь было модернизировано опытное производство и создан комплекс ядерной медицины.

Таким образом, благодаря созданию мегаустановок удалось восстановить компетенции отечественной науки в области физики высоких энергий. Помимо этого, реализация вышеперечисленных проектов позволила сформировать национальную междисциплинарную инфраструктуру для исследований и разработок, в том числе для развития природоподобных технологий.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРИРОДЕ

Для ответа на глобальный вызов XXI века – необходимость обеспечить устойчивое развитие цивилизации в условиях истощающихся ресурсов – следующим этапом научной и организаторской деятельности М.В. Ковальчука и возглавляемого им коллектива стало развитие принципиально нового научно-технологического направления – природоподобных технологий, которые воспроизводят системы и процессы живой природы в виде технических систем и технологических процессов, интегрированных в естественный природный ресурсооборот. Они не наносят урон окружающей среде, а существуют с ней в гармонии и позволяют восстановить нарушенный человеком баланс между биосферой и техносферой.

Концепция природоподобных технологий начала разрабатываться в НИЦ "Курчатовский институт" под руководством М.В. Ковальчука в 2009 г. В том же году был создан не имеющий мировых аналогов Курчатовский комплекс нано-, био-, инфо-, когнитивных и социогуманитарных (НБИКС) наук и природоподобных технологий, где идут масштабные исследования и разработки в области создания технологий, основанных на принципах функционирования живой природы.

В Курчатовском НБИКС-центре сосредоточено уникальное рентгеновское оборудование, атомно-силовые и электронные микроскопы, различные технологические приборы для нанобиотехнологий и микроэлектроники, зоны чистых комнат и многое другое. Существенная часть этого уникального оборудования разработана и изготовлена отечественными компаниями. Основная цель конвергенции указанных направлений – формирование новой технологической культуры, нацеленной в первую очередь на создание гибридных материалов и систем на их основе. Причём речь идёт о принципиально новом поколении антропоморфных систем бионического типа, воспроизводящих конструкции живой природы – биоробототехнические системы.

Исследования процессов и механизмов деятельности живой природы на базе национальных экспериментальных установок мегасайенс стали ядром метрологического комплекса – принципиально новой природоподобной технологической базы России. Сегодня соответствующие задачи реализуются в том числе в рамках Федеральной научно-технической программы развития синхротронных и нейтронных исследований и исследовательской инфраструктуры на период до 2030 года и дальнейшую перспективу, а также Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019–2030 годы.

В 2016 г. развитие природоподобных технологий было обозначено как перспективное направление в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации до 2030 года. В 2023 г. вышел Указ Президента России "О развитии природоподобных технологий в Российской Федерации", а в феврале 2026 г. Правительство РФ утвердило трёхлетний план мероприятий по развитию данных технологий.

ОТ БИОТЕХНОЛОГИЙ К БИОЭКОНОМИКЕ

Ещё одна сфера, в которой стараниями М.В. Ковальчука происходит восстановление научного потенциала, – это биотехнологии. По его инициативе был создан НТЦ биоэкономики и биотехнологий, куда вошли восемь крупных биологических научных центров России. В настоящее время НИЦ "Курчатовский институт" реализует целый ряд биологических проектов для решения задач в области сельского хозяйства и здравоохранения на нескольких площадках, включая Москву, Гатчину, Сочи и Обнинск.

По инициативе М.В. Ковальчука в состав НИЦ "Курчатовский институт" вошёл Комплекс медицинской приматологии в Сочи, где разрабатываются проблемы космической биологии и ведутся медико-биологические и когнитивные исследования. С данным научным учреждением связано имя ведущего специалиста в области медицинской приматологии, патологической анатомии и радиобиологии академика РАН Б.А. Лапина. В 2023 г. по инициативе М.В. Ковальчука в селе Весёлое Адлерского района города Сочи появились сквер и улица имени академика Бориса Лапина.

Указом Президента Российской Федерации от 8 августа 2024 г. на базе Курчатовского института создан Национальный центр генетических ресурсов автохтонных сортов винограда. С помощью современных технологий обеспечивается научно-технологическое развитие виноградарства и виноделия в России, создаётся полный отечественный технологический цикл, что способствует укреплению технологического суверенитета отрасли. Для этих целей в НИЦ "Курчатовский институт" консолидированы ведущие научные организации страны в области виноградарства и виноделия: Институт виноградарства и виноделия "Магарач" (Ялта), ВНИИиВ им. Я.И. Потапенко (Новочеркасск), Анапская зональная опытная станция виноградарства и виноделия.

В начале 2026 г. по инициативе М.В. Ковальчука разработана "Стратегия долгосрочного развития биоэкономики в Российской Федерации на период до 2036 года и дальнейшую перспективу". Так создаётся экономическая система, основанная на использовании биотехнологий и природных биоресурсов, для производства товаров и услуг на принципах безотходности и ресурсосбережения, высокой энергоэффективности, экономической и экологической целесообразности для решения задач социально-экономического развития и повышения качества жизни населения с одновременным сокращением негативного антропогенного воздействия на окружающую среду. Биоэкономика – это фактически первый этап создания природоподобной техносферы.

Впрочем, в качестве руководителя организации, которая стояла у истоков создания ядерного щита страны, М.В. Ковальчук не оставил без должного внимания и традиционные для Курчатовского института направления деятельности.

МИРНЫЙ АТОМ ДЛЯ ЗЕМЛИ, КОСМОСА И ЧЕЛОВЕКА

Сегодня НИЦ "Курчатовский институт" – неотъемлемый элемент развития атомной энергетики страны – от контроля безопасности эксплуатации АЭС до научных разработок энергетики будущего. Стратегическая цель – реализация концепции замкнутого ядерного цикла и построение природоподобной, полностью экологичной атомной энергетики. Указом Президента России В.В. Путина Государственная премия РФ в области науки и технологий за 2023 год была присуждена М.В. Ковальчуку и его коллегам за цикл фундаментальных и прикладных научно-исследовательских, опытно-конструкторских и опытно-технологических работ, которые внесли выдающийся вклад в разработку научно-технических основ, обоснование и реализацию стратегии двухкомпонентного развития ядерной энергетики РФ.

НИЦ "Курчатовский институт" – головная научная организация по вопросам развития космической ядерной энергетики и космического материаловедения. М.В. Ковальчук – руководитель приоритетного технологического направления "Технологии прямого преобразования тепловой энергии в электрическую и электродвижения на основе сверхпроводимости".

Также М.В. Ковальчуком предложена концепция и сформулированы основные принципы ускоренного безопасного развития ядерной медицины на базе ядерно-физических научных центров. В Курчатовском институте в предыдущее десятилетие была создана инфраструктура для масштабного производства радиофармпрепаратов. Функционирует новейший отечественный научно-образовательный медицинский центр ядерной медицины и адронной терапии, в рамках которого созданы Экспериментально-клинический комплекс ионной лучевой терапии на действующем Ускорительном комплексе У-70 и прототип типового отечественного клинического центра ионной углеродной терапии в Протвино, Онкоофтальмологический комплекс "ОКО" совместно с Радиоизотопным комплексом для получения широкого спектра радиоизотопов на площадке в Гатчине.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Широта научной эрудиции, выдающиеся организаторские способности и умение принимать выверенные решения стратегического характера позволяют и, думается, даже обязывают М.В. Ковальчука уделять внимание и другим сферам деятельности, связанным с обеспечением интересов государства в самых чувствительных областях.

В последнее десятилетие благодаря инициативам М.В. Ковальчука в НИЦ "Курчатовский институт" возрождён целый ряд важных направлений прикладных исследований и разработок в целях национальной безопасности. Указом Президента Российской Федерации на М.В. Ковальчука возложено общее руководство научно-исследовательскими проектами Военного инновационного технополиса "Эра" Минобороны России.

Кроме того, важнейшим стратегическим направлением, в котором активно участвует по инициативе М.В. Ковальчука Курчатовский институт, стало в последние годы развитие арктических территорий и обеспечение судоходства по Северному морскому пути. Указом Президента Российской Федерации в 2025 г. М.В. Ковальчук назначен председателем Научно-экспертного совета и заместителем председателя Морской коллегии РФ.

Современный Курчатовский институт является крупнейшим материаловедческим центром страны по широкому спектру практических проектов – от разработки материалов и технологий для ракетно-космической и авиационной отрасли, атомного подводного кораблестроения и ледокольного флота, создания с помощью аддитивных технологий изделий для авиации и флота до биосовместимых материалов медицинского применения. Также активно идёт производство материалов для микроэлектроники. М.В. Ковальчук – руководитель приоритетного технологического направления "Технологии материаловедения".

М.В. Ковальчук стал инициатором развития в НИЦ "Курчатовский институт" ещё одного нового междисциплинарного направления – исторического материаловедения, основанного на использовании естественно-научных методов для изучения объектов культурного наследия совместно с ведущими гуманитарными институтами и музеями нашей страны.

ГОРИЗОНТЫ ПОЗНАНИЯ

Не забыты и такие важнейшие для будущего страны вопросы, как образование и популяризация достижений науки, благо темперамент и энергия М.В. Ковальчука позволяют ему ярчайшим образом проявлять себя на этом поприще.

Под его руководством и при его непосредственном участии в последнее десятилетие была создана инновационная система образования в области конвергентных наук и технологий, в том числе организован первый в мире факультет нано-, био-, информационных и когнитивных технологий в Московском физико-техническом институте, базовый факультет в Национальном исследовательском ядерном университете МИФИ. Кроме того, НИЦ "Курчатовский институт" реализует масштабный проект междисциплинарного довузовского образования (Курчатовский проект), в котором участвуют несколько десятков школ Москвы, Санкт-Петербурга, Пскова, республики Крым.

Большое значение имеют реализованные по инициативе М.В. Ковальчука проекты возрождения культурно-просветительских площадок Дома учёных им. А.П. Александрова в Москве и мемориальной дачи И.В. Курчатова в Крыму, а также Дома учёных в подмосковном академическом посёлке Мозжинка.

С 2007 г. М.В. Ковальчук – автор и ведущий научно-популярного телевизионного цикла “Истории из будущего”, а с 2019-го – “Картина мира с Михаилом Ковальчуком”. В рамках этих циклов вышло более 500 передач, рассказывающих о наиболее актуальных проблемах и направлениях современной науки и технологий.

* * *

После 20 лет руководства М.В. Ковальчуком создан поистине новый Курчатовский институт XXI века. Это ведущий научный центр России и мира, междисциплинарная национальная лаборатория мирового масштаба. Наряду с сохранением и развитием традиционных направлений, связанных с атомной и термоядерной энергетикой, здесь с успехом ведутся исследования по всем направлениям технологических прорывов в нашей стране.

За последние годы М.В. Ковальчук выдвинул целый ряд проектов национального масштаба в области генетических технологий, исследований и разработок в сфере мегасайенс, развития атомной науки и техники. Данные инициативы были поддержаны руководством страны. Указами Президента РФ В.В. Путина НИЦ “Курчатовский институт” определён головной научной организацией этих ключевых научно-технических программ.

Коллеги и друзья тепло и сердечно поздравляют Михаила Валентиновича со славным юбилеем и желают ему крепкого здоровья, неиссякаемой энергии, творческого вдохновения, новых открытий и достижений на благо российской науки!

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

М.В. Ковальчук родился в Ленинграде 21 сентября 1946 г.

В 1970 г. окончил физический факультет Ленинградского университета, его дипломная работа была посвящена рентгеновской физике. Эту тематику М.В. Ковальчук продолжал развивать после переезда в 1973 г. в Москву в Институте кристаллографии им. А.В. Шубникова АН СССР. В 1978 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему “Метод трёхкристального рентгеновского спектрометра и исследование структурного совершенства тонких кристаллических слоёв”.

В 1987 г. создал и возглавил в ИК им. А. В. Шубникова АН СССР лабораторию рентгеновской оптики и синхротронного излучения.

В 1988 г. защитил докторскую диссертацию на тему “Метод стоячих рентгеновских волн в исследовании структуры приповерхностных слоёв полупроводников”, ставшую определяющей в создании и практическом использовании метода стоячих волн. Данный подход объединил возможности рентгеновской дифракции и спектроскопии. Это дало мощный инструмент для изучения структуры вещества на уровне поверхности материалов, тонких слоёв, двумерных систем. Цикл работ в последующем был отмечен премией имени Е.С. Фёдорова РАН. Также М.В. Ковальчук выполнил пионерские исследования по выходу фотоэлектронов при двух- и многоволновой дифракции, что заложило основы фазочувствительных (рентгеноголографических) методов.

С 1998 по 2013 гг. – директор Института кристаллографии имени А.В. Шубникова РАН.

В 1998 г. М.В. Ковальчуку было присвоено учёное звание профессора. В 2000 г. он был избран членом-корреспондентом Российской академии наук по Отделению общей физики и астрономии (физика конденсированного состояния). Является иностранным членом Национальной академии наук Беларуси.

В 1999 г. стал директором-организатором Курчатовского центра синхротронных исследований (КЦСИ), создание которого инициировал президент Российского научного центра “Курчатовский институт” академик РАН Е.П. Велихов.

В 2005–2010 гг. – директор Российского научного центра “Курчатовский институт”. В 2010–2015 гг. – основатель и первый директор Национального исследовательского центра “Курчатовский институт”, под эгидой которого сегодня объединена значительная часть научного потенциала страны в области ядерной физики, энергетики, материаловедения, информационных технологий, биологии и генетики. С 2016 г. – президент НИЦ “Курчатовский институт”.

В 2009 г. по инициативе М.В. Ковальчука создан Курчатовский центр конвергентных нано-, био-, инфо-, когнитивных и социогуманитарных наук и технологий (Курчатовский НБИКС-центр), научное руководство которым он осуществляет.

С 2001 г. – учёный секретарь Совета при Президенте Российской Федерации по науке, технологиям и образованию, с 2012 г. – член Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию, руководитель межведомственной рабочей группы по направлению “Приоритетные и междисциплинарные научные исследования” при Совете при Президенте РФ по науке и образованию.

Председатель Научно-экспертного совета и заместитель председателя Морской коллегии РФ.

Руководитель приоритетного технологического направления “Технологии прямого преобразования тепловой энергии в электрическую и электродвижения на основе сверхпроводимости”.

Руководитель приоритетного технологического направления “Технологии материаловедения”.

Член научно-технического совета госкорпорации “Росатом”, Совета фонда “Сколково”.

Научный руководитель Федерального государственного автономного учреждения «Военный инновационный технополис “ЭРА”».

Председатель Национального комитета кристаллографов России.

Научный руководитель Всероссийского общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР).

Президент Политехнического музея (Москва).

Декан физического факультета СПбГУ, научный руководитель факультета нано-, био-, информационных и когнитивных технологий МФТИ, заведующий кафедрой оптики, спектроскопии и физики наносистем физического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и кафедрой нейтронной и синхротронной физики СПбГУ.

Главный редактор журналов “Кристаллография” РАН, “Российские нанотехнологии”, “Биотехнология”, “Вопросы атомной науки и техники. Серия Термоядерный синтез”, «Вестник Военного инновационного технополиса “Эра”».

Автор и ведущий научно-популярных телепрограмм “Истории из будущего” (выходит в эфир с 2007 г.) и “Картина мира с Михаилом Ковальчуком” на телеканале “Россия–Культура” (с 2019 г.).

Михаил Валентинович Ковальчук – Герой Труда Российской Федерации, полный кавалер орденов “За заслуги перед Отечеством”, лауреат премий Правительства РФ в области науки и техники (2006) и в области образования (2012), Государственной премии РФ в области науки и технологий (2023).

Г.Я. КРАСНИКОВ, президент РАН,
С.М. АЛДОШИН, вице-президент РАН,
Н.К. ДОЛГУШКИН, вице-президент РАН,
С.Н. КАЛМЫКОВ, вице-президент РАН,
Ю.Н. КУЛЬЧИН, вице-президент РАН,
Н.А. МАКАРОВ, вице-президент РАН,
В.Я. ПАНЧЕНКО, вице-президент РАН,
М.А. ПИРАДОВ, вице-президент РАН,
В.Н. РУДЕНКО, вице-президент РАН,
А.И. РУДСКОЙ, вице-президент РАН,
С.Л. ЧЕРНЫШЕВ, вице-президент РАН,
В.В. КВЕДЕР, академик-секретарь Отделения физических наук РАН

С КАФЕДРЫ ПРЕЗИДИУМА РАН
FROM THE ROSTRUM OF THE RAS PRESIDIUM

DOI: 10.7868/S3034520026100017 Оригинальная статья

ОСОБЕННОСТИ ТЕКУЩЕЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

А.А. Широв*

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН,
117418, Москва, Российская Федерация
**E-mail: schir@ecfor.ru*

Аннотация. Статья посвящена ключевым факторам развития современной российской экономики. Показано, что модель развития, связанная с адаптацией к санкционным ограничениям, постепенно себя исчерпывает, нарастают ограничения развития среднесрочного характера. Рассмотрены потенциальные возможности роста российской экономики в период до 2035 г. По мнению автора, наиболее серьёзными ограничениями сейчас являются параметры развития внешней торговли. На основе анализа импортозависимости российской экономики сделан вывод, что в период после 2022 г. значимое импортозамещение было достигнуто только на рынке промежуточной продукции. Проанализированы динамические и структурные характеристики инвестиционной деятельности в текущих условиях.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, прогноз развития экономики, экономический анализ, научно-технологический прогноз, затраты, эффективность

Финансирование. Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 “Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве”.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Ссылка для цитирования: Широв А.А. Особенности текущей модели развития российской экономики. *Вестник РАН / Herald of the Russian Academy of Sciences.* 2026. Том 96. № 10. С. 833–842. https://doi.org/10.7868/S3034520026100017

Поступила в редакцию 03.06.2026
После доработки 15.06.2026
Принята к публикации 25.06.2026

ШИРОВ Александр Александрович – член-корреспондент РАН, директор ИПН РАН, Москва, Российская Федерация, e-mail: schir@ecfor.ru, https://orcid.org/0000-0002-6805-9952.

© Широв А.А., 2026

С КАФЕДРЫ ПРЕЗИДИУМА РАН
FROM THE ROSTRUM OF THE RAS PRESIDIUM

DOI: 10.7868/S3034520026100017 Original article

FEATURES OF THE CURRENT MODEL OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ECONOMY

A.A. Shirov*

Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences,
117418, Moscow, Russian Federation
**E-mail: schir@ecfor.ru*

Abstract. The article is devoted to the key factors of the development of the modern Russian economy. It is shown that the development model associated with adaptation to sanctions restrictions is gradually exhausting itself, medium-term development constraints are increasing. The potential growth opportunities of the Russian economy in the period up to 2035 are considered. According to the author the most serious constraints now are the parameters of the foreign trade. The import dependence of the Russian economy is analyzed. It is shown that in the period after 2022 significant import substitution was achieved only in the intermediate market. The dynamic and structural characteristics of investment activity in the current conditions are considered.

Keywords: socio-economic development, forecast of economic development, economic analysis, scientific and technological forecast, costs, efficiency Financing

Funding. The article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 “Global and regional centers of power in the emerging world order”.

Conflict of interests. The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Shirov A.A. Features of the current model of development of the Russian economy. *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk / Herald of the Russian Academy of Sciences.* 2026, vol. 96, no. 10, pp. 833–842. (In Russ.) https://doi.org/10.7868/S3034520026100017

Received June 03, 2026
Revised June 15, 2026
Accepted June 25, 2026

SHIROV Alexander A. – Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute of Scientific Research of the RAS, Moscow, Russian Federation, e-mail: schir@ecfor.ru, https://orcid.org/0000-0002-6805-9952.

© Shirov A.A., 2026

Тема развития российской экономики всегда актуальна, но сейчас – особенно. С начала 2025 г. экономическая динамика находится в стадии замедления, а в первом квартале 2026 г., впервые с 2022 г., Росстат зафиксировал отрицательные темпы роста год к году. В этих условиях важно понять, что происходит в экономике, какие факторы вызывают замедление роста и каким образом можно в обозримой перспективе вернуться на траекторию расширения экономической активности.

Экономическая динамика. Анализ экономической динамики за последние четыре года позволяет утверждать, что отечественная экономика показала способность к быстрому росту в ответ на серьёзные внешнеэкономические вызовы [1]. Однако длительное нахождение в режиме компенсации санкционных ограничений снизило потенциал адаптационной модели развития. Ей на смену должна прийти модель, которая обеспечит необходимый баланс спроса и предложения на внутреннем рынке, поддержит инвестиции в модернизацию базового ядра производств гражданского назначения.

Торможение экономической динамики, начавшееся в 2025 г., затронуло прежде всего предприятия реального сектора, не связанные с обеспечением национальной безопасности. На этом фоне существенно возросли риски рецессии. В этих условиях необходимо в первую очередь проанализировать факторы роста, которые двигали российскую экономику вперёд, и причины, по которым их воздействие стало постепенно затухать (рис. 1).

Модель адаптации к санкционному давлению, которая реализовывалась в 2022–2024 гг., позволила существенно увеличить ВВП (на 9%), инвестиции (на 25%), потребление домашних хозяйств (на 15%). С учётом масштаба санкционного давления это был серьёзный положительный результат. Для его достижения потребовалось проведение активной бюджетной и денежно-кредитной политики. В первой половине 2023 г. отмечались отрицательные значения ключевой ставки (за вычетом инфляции). Однако развитие в режиме финансового форсажа не могло продолжаться долго. Уже во второй половине 2023 г. было зафиксировано существенное ускорение роста цен и возникла необходимость ужесточения денежно-кредитной политики. Бюджетный импульс позволил поддерживать рост ещё на протяжении полутора лет [2, 3], после чего возможности адаптационной модели развития экономики оказались исчерпаны и она перешла в стадию замедления темпов роста.

Ключевым фактором экономического роста в последние годы было потребление домашних хозяйств, то есть спрос населения, который расширялся на фоне сокращения безработицы и роста заработных плат (рис. 2). Это, бесспорно, поддерживало экономику, но и создавало определённые дисбалансы, в том

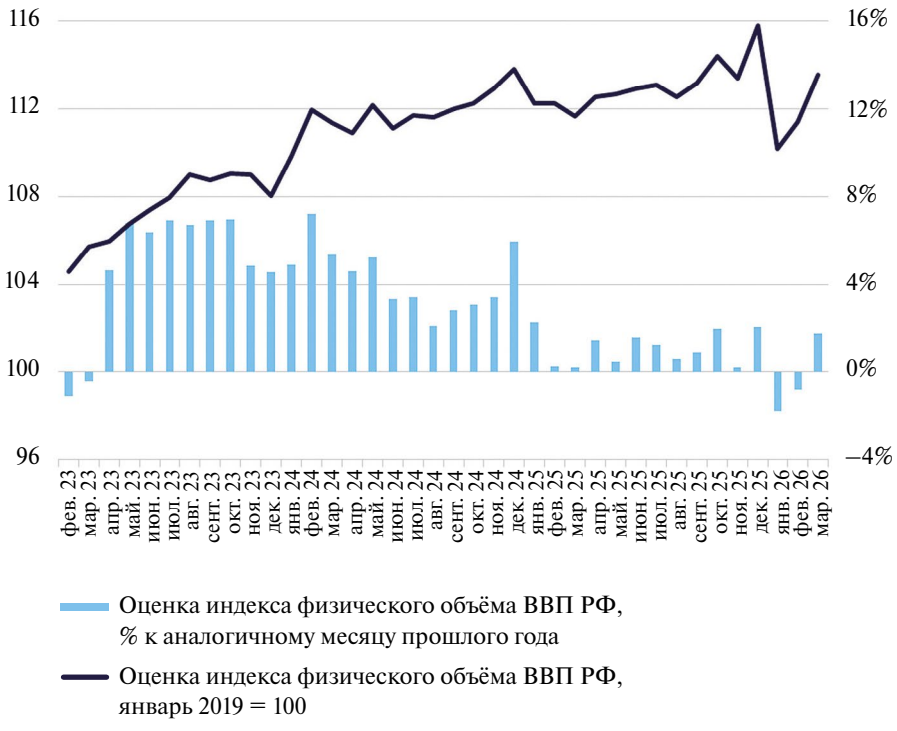

Рис 1. Динамика ВВП в 2023–2026 гг.

Источник: Росстат, расчёты ИНП РАН.

Fig. 1. GDP dynamics in 2023–2026

Source: Rosstat, calculations by the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences.

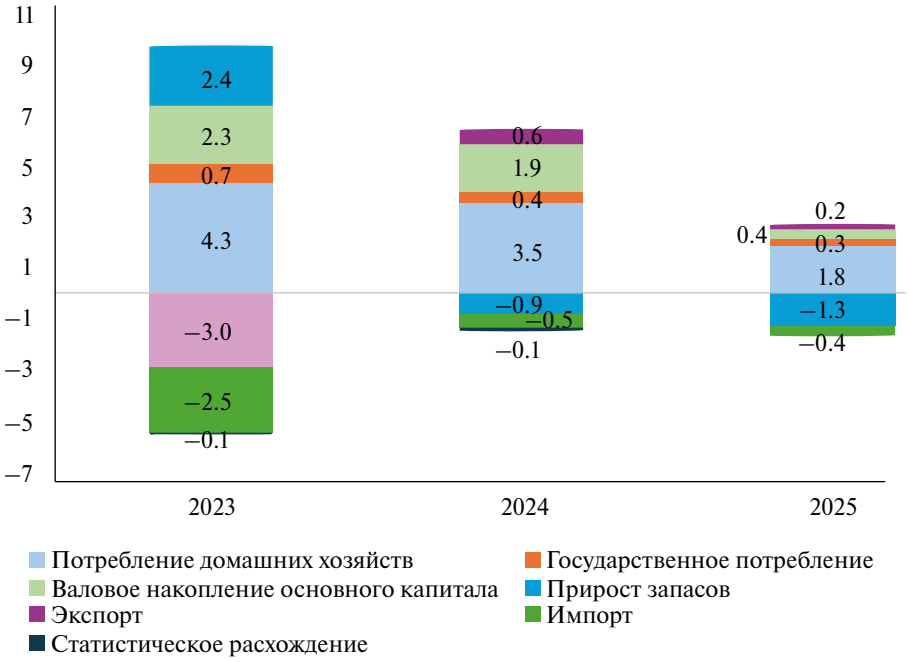

Рис. 2. Вклад элементов конечного спроса в формирование ВВП в 2023–2025 гг., проц. пункты

Источник: Росстат, расчёты ИНП РАН.

Fig. 2. Contributions of final demand elements to GDP formation in 2023–2025, percentage points

Source: Rosstat, IEF RAS calculations.

числе способствовало росту инфляции [4]. Повышение цен стало следствием того, что спрос увеличивался существенно быстрее предложения, и на фоне ограничений на поставки импортных товаров это способствовало формированию локальных дефицитов на ряде товарных рынков.

Вторым по значимости фактором роста российской экономики, особенно в 2023–2024 гг., были инвестиции в основной капитал. Инвестиции расширялись в условиях увеличения оборонных расходов, а также в связи с освобождением ряда ниш на внутреннем рынке после ухода из России зарубежных компаний [5]. Наконец, третьим фактором стал рост запасов, который особенно сильно повлиял на нашу экономику в 2023 г. Предприятия промышленности и торговли ориентировались на растущий спрос и наращивали закупки сырья, комплектующих и готовой продукции. Однако к 2025 г. фактически единственным значимым фактором роста осталось потребление населения, которое поддерживал опережающий рост зарплат на фоне дефицита квалифицированной рабочей силы на рынке труда [6].

Ограничения экономического роста. Постепенно сформировалось ключевое ограничение текущей экономической динамики: внешняя торговля вносит устойчивый отрицательный вклад в формирование ВВП. Таким образом фактор, который поддерживал нашу экономику практически на протяжении всего постсоветского периода, перестал играть роль драйвера роста и стал, по сути, его тормозом [7].

В этих условиях необходимо оценить потенциал роста российской экономики – возможные темпы её роста в среднесрочной перспективе (рис. 3). Для этого в ИНП РАН использовались сценарные расчёты на комплексе межотраслевых моделей российской экономики, используемых для целей макроструктурного прогнозирования [8]. Одной из задач сценарного моделирования является выявление наиболее важных ограничений текущего экономического развития.

Если попытаться оценить ограничения экономического роста в нашей стране со стороны труда и демографии, то они серьёзны, но не являются непреодолимыми [9]. Это важный фактор, ограничивающий экономическую динамику, но с учётом имеющейся рабочей силы и потенциала увеличения производительности труда ВВП России может ежегодно расти в среднем до 2035 г. примерно на 4%. Главный фактор здесь – высокий потенциал роста эффективности использования трудовых ресурсов в наиболее трудоёмких секторах – торговле, финансах и страховании, сельском хозяйстве, транспорте, строительстве [10].

Более существенным ограничением является капитал, то есть технологическое развитие нашей экономики [11]. В связи с санкциями возможности импорта наиболее эффективного технологического оборудования ограничены, а потенциал отечественного научно-технологического комплекса пока недостаточен для решения задачи модернизации российской промышленности. Здесь ограничения среднегодовых темпов роста ВВП составляют около 3.5%.

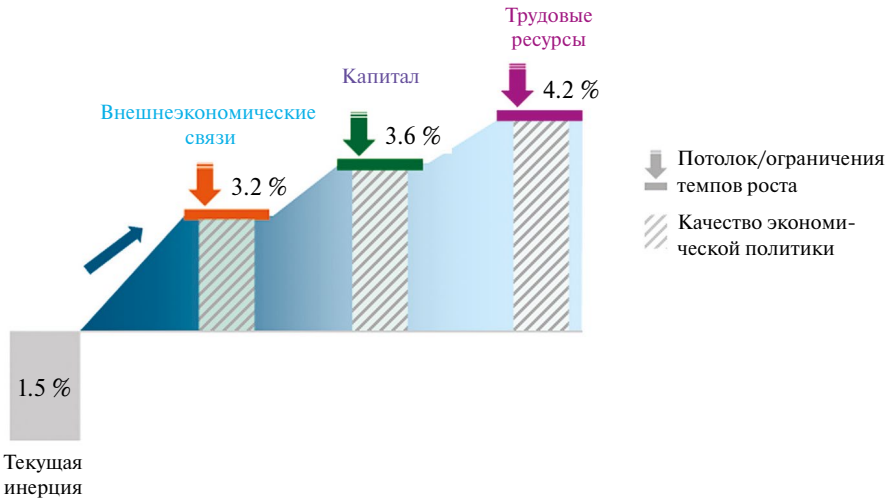

Рис. 3. Оценка потенциала среднегодовых темпов роста ВВП
Источник: Росстат, расчёты ИНП РАН.
Fig. 3. Estimated average annual GDP growth potential
Source: Rosstat, IEF RAS calculations.

Наконец, самым значимым препятствием для роста в среднесрочной перспективе в последние годы стали внешнеэкономические связи. То есть ключевое ограничение сейчас состоит в том, что экономика не может получать тот доход от внешнего мира, который получала раньше. Это создаёт ограничение порядка 3% роста ВВП, который ещё нужно реализовать, поскольку текущая инерция составляет около 1.5%. Разрыв между 1.5 и 3% – это то поле, на котором работает экономическая политика. Эффективное, качественное или менее качественное управление экономикой определяет итоговые темпы роста: достигнут ли они 3% или будут существенно ниже.

Проблема приоритетов. В экономике очень многое зависит от сложившейся системы приоритетов [12]. Прежде всего они определяют распределение ограниченных ресурсов. Если мы посмотрим на текущую пирамиду приоритетов (рис. 4), то на первом месте находится обеспечение национальной безопасности. Это означает, что оборонно-промышленный комплекс и связанные с ним отрасли будут в полной мере обеспечены финансовыми, кадровыми и материальными ресурсами.

Второе место отводится социальной политике. Для обеспечения этого приоритета требуется бюджетный фундамент, который формируют сырьевые сектора экономики. Соответственно, они имеют институциональную, а при некоторых условиях и налогово-финансовую поддержку.

На третьем уровне – научно-технологическая политика как важный фактор развития экономики в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Для решения этой задачи сформировано девять национальных проектов научно-технологического лидерства. Однако практика показывает, что в условиях замедления темпов экономического роста даже этот, достаточно высокий уровень приоритета, имеет значимые финансовые ограничения [13].

Всё это происходит потому, что остальная экономика функционирует в режиме замещения качественных ресурсов массовыми [14]. Компенсация массовыми ресурсами – возможный способ развития, особенно в условиях ограничений. Но это путь, который не позволяет развиваться устойчиво и не создаёт значимого потенциала роста в будущем. Требуется расширение объёма качественных ресурсов, имеющихся в стране, и повышение общей эффективности экономики. Нужно также принимать во внимание, что “остальная экономика” формирует доходы, которые обеспечивают оборонно-промышленный комплекс, социальную политику и развитие технологий. И если экономика растёт медленно, то поддерживать эти приоритеты становится всё труднее. В связи с этим наличие в структуре приоритетов экономической

Рис. 4. Пирамида приоритетов экономической политики
Источник: составлено автором.
Fig. 4. Pyramid of economic policy priorities
Source: compiled by the author.

политики устойчивого и динамичного роста является необходимым условием решения стоящих перед российским обществом задач.

Имея в виду текущую структуру приоритетов, можно отметить, что высокая ключевая ставка, уровень которой подвергается серьёзной критике, является одним из инструментов перераспределения всех видов ресурсов в пользу оборонно-промышленного и бюджетного секторов. Это тоже необходимо учитывать при оценке перспектив смягчения денежно-кредитной политики.

Инвестиции и экономический рост. Развитие экономики в той или иной степени связано с инвестициями [15]. Именно они в наибольшей степени создают тот самый потенциал роста, который обеспечивает устойчивость экономической динамики. Без достаточного объёма инвестиций невозможно нормально развиваться. Однако наряду с увеличением спроса, расширением потенциала роста и повышением эффективности инвестиции могут оказывать и отрицательное влияние на экономическую динамику. В каком случае это происходит?

Это происходит тогда, когда имеется большое количество высококапиталоёмких проектов, которые забирают на себя ресурсы, необходимые для производства первичных, то есть массовых, продуктов – сырья, энергии и т.д. Если уровень эффективности в экономике не повышается, приходится использовать всё большее количество массовых ресурсов, вкладывая всё новые средства в проекты в энергетике и добыче полезных ископаемых. Это, в свою очередь, отнимает средства, которые могли бы быть израсходованы на модернизацию производства, развитие машиностроения, высокотехнологичной медицины, образования и так далее. Аналогичная ситуация может складываться в условиях избыточных вложений в развитие крупных инфраструктурных проектов. Таким образом, экономическая политика должна быть направлена на балансировку структуры капитальных вложений, в том числе через стимулирование инвестиций в активную часть основных фондов (машины и оборудование).

В 2023–2024 гг. динамика инвестиций находилась на высоком уровне, но она характеризовалась определёнными структурными дисбалансами (рис. 5). За последние 10 лет наиболее заметно выросли вложения в программное обеспечение (объекты интеллектуальной собственности). Дело в том, что программное обеспечение, цифровая экономика, искусственный интеллект – это менее капиталоёмкий способ повышения эффективности производства. Если нет средств на радикальную модернизацию, можно использовать программные, цифровые решения. В этом суть цифровой экономики: она позволяет перейти от организационных мер к реальному повышению эффективности за меньшие деньги.

Тем не менее цифровизация не может полностью решить проблему модернизации, поскольку основой производства остаются промышленные технологии реального сектора. Они позволяют эффективно производить продукты из металла, пластика, дерева и т.д. В такой крупной стране, как Россия, даже если развивается цифровая экономика, но нет эффективно работающего реального сектора, ожидать устойчивого экономического роста достаточно трудно. Сейчас это наглядно видно на примере цифровых платформ [16], которые делают нашу жизнь удобнее, но в условиях недостатка предложения отечественной продукции способствуют расширению спроса на импортируемые товары. Можно сделать вывод, что только при условии эффективного развития базовых технологий реального сектора,

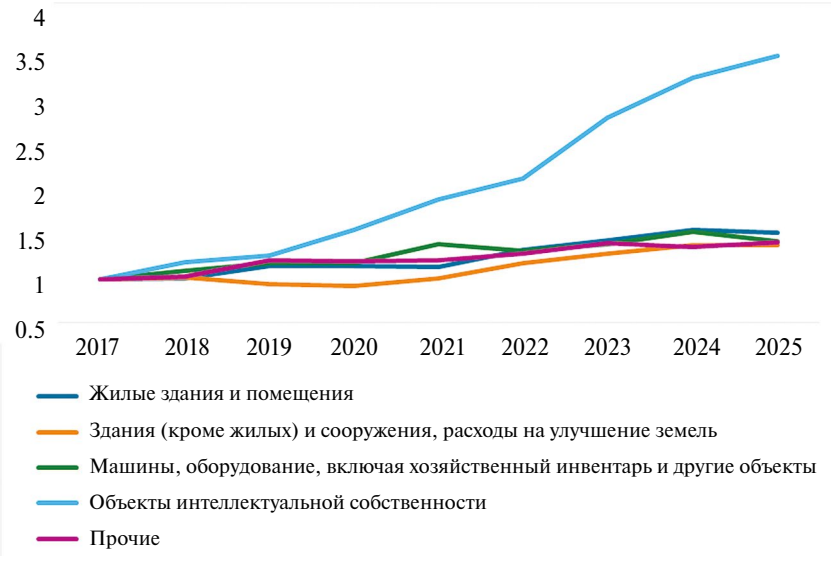

Рис. 5. Инвестиции по видам фондов, в ценах 2017 г. (индекс, 2017=1)
Источник: Росстат, расчёты ИНП РАН.
Fig. 5. Investments by fund type, in 2017 prices (index, 2017=1)
Source: Rosstat, IEF RAS calculations.

обеспечивающих рынок конкурентоспособной продукцией, цифровизация может оказывать существенное позитивное влияние на экономическую динамику.

Что касается других направлений вложения средств, то в большинстве из них, к сожалению, отмечается стагнация. В видовой структуре инвестиций увеличивается доля строительно-монтажных работ, а доля вложений в машины и оборудование снижается. Как уже отмечалось, сокращение инвестиций в машины и оборудование означает снижение потенциала экономического роста, потому что именно активная часть основных фондов является реальным источником развития, расширяет пространство экономической деятельности, повышает конкурентоспособность экономики.

Перспективы импортозамещения. Конкурентоспособность экономики во многом зависит от соотношения отечественной и импортной продукции на внутреннем рынке. В этой связи импортозамещение – важный элемент адаптации российской экономики к жёстким санкционным ограничениям [17]. Анализ рядов таблиц "затраты-выпуск", имеющихся в распоряжении ИНП РАН, показывает, что единственное направление, по которому достигнуты существенные успехи в области импортозамещения, – это промежуточное потребление: сырьё, материалы, комплектующие. По потребительской и инвестиционной продукции положительных результатов пока недостаточно. Дело в том, что для замещения импорта в части промежуточной продукции зачастую достаточно использовать довольно простые, доступные технологии, реализуемые на имеющемся оборудовании. В то же время для расширения выпуска отечественных потребительских и инвестиционных товаров требуются не просто вложения средств, а научно-исследовательские работы, инжиниринг, внедрение. Эта длинная и не всегда эффективная цепочка взаимодействий по большинству значимых для экономики позиций ещё не пройдена. Период времени, необходимый для реального импортозамещения по конечному спросу, ещё не наступил, не говоря уже о множестве проблем с финансированием и эффективностью реализации проектов в этой области.

Тем не менее проблема очень серьёзна. Страна по-прежнему зависит от импортного оборудования, в активной части основных фондов импорт сейчас составляет более 70%. Это означает, что российские производители зависят от зарубежных комплектующих, а если оборудование современное, то и от обновления программного обеспечения. Если такой уровень технологической зависимости сохранится, то любая модернизация будет связана с опережающим ростом импорта, который будет сдерживать экономический рост. Технологическая зависимость – одно из ключевых ограничений для устойчивого экономического роста в нашей стране [18].

Когда речь идёт об ограничениях внешнеэкономического характера, во внимание принимаются не только экспортные возможности [19], но и спрос на импорт. Между импортом технологического оборудования (по сути, импортом иностранных достижений в области исследований и разработок) и валютной динамикой существует очевидная взаимосвязь. Циклы укрепления курса рубля позволяют наращивать импорт технологического оборудовании и наоборот. Также следует иметь в виду, что импорт позитивно влияет на производительность нашей экономики. Возникает противоречие: с одной стороны, на первом этапе модернизации экономики значительные объёмы технологического импорта необходимы, с другой стороны, расширение поставок зарубежных машин и оборудования поддерживает зависимость от импорта. Поэтому экономическая политика должна быть направлена на постепенное повышение технологического уровня производств, ориентированных на предложение потребительских и инвестиционных товаров в целях снижения зависимости от импорта.

Выбор направления развития и модернизации отдельных секторов экономики является ключевым элементом экономической политики, где сходятся научно-технологический прогноз и стратегия развития экономики. Нужно понимать, какие рынки необходимо защищать, какими способами и в какой степени эти рынки могут быть насыщены отечественной продукцией, в том числе производимой в рамках новых технологических проектов.

Денежно-кредитная политика. Нельзя обойти стороной денежно-кредитную политику. На фоне борьбы с инфляцией высокая ключевая ставка становится механизмом перераспределения ресурсов. Когда идёт дискуссия о политике Центрального банка, следует понимать, что денежно-кредитная политика – это один из инструментов, позволяющих достигать цели национальной безопасности – через направление ресурсов в бюджетный сектор. Но если бесконечно перераспределять ресурсы в пользу одного из секторов, возникает ситуация, когда объём доходов других секторов становится недостаточным для нормального функционирования экономики и обеспечения макрофинансовой стабильности. Именно поэтому речь идёт о поиске разумного баланса между динамикой ключевой ставки, параметрами бюджета и развития экономики. Этот баланс, на наш взгляд, предполагает снижение ключевой ставки (за вычетом инфляции) до уровня в 3–4%. Это сформирует условия для роста ВВП, а значит, и роста доходов бюджетной системы.

Ситуация осложняется тем, что в экономике одновременно действуют высокая ключевая ставка и крепкий курс рубля. В 2025 г. рубль укрепился на 20–30% (в зависимости от валюты). Это ограничивает возможности наших экспортёров и снижает доходы бюджетной системы. В таких условиях возникает дискуссия о равновесном курсе рубля и мерах политики, способствующих его нормализации.

В периоды прошлых экономических шоков ослабление курса рубля выступало наиболее сильным инструментом стабилизации экономики и бюджетной системы [20]. В случае девальвации росли доходы экспортёров и бюджета, повышалась конкурентоспособность отечественных производителей на внутреннем рынке. Однако после 2022 г. эластичность нашей экономики по отношению к изменению курса рубля радикально снизилась. В условиях внешних ограничений импорт уже реагирует не столько на курс, сколько

на возможности его доставки на российский рынок. Примечательно, что ни события 2022 г., ни девальвации в 2023 и 2024 гг. не привели к сильной реакции импорта на курс рубля (рис. 6).

Здесь возникает риск, связанный с тем, что если девальвация курса рубля окажется избыточной, может возникнуть своеобразный инфляционый налог, который заплатит вся экономика в пользу бюджетной системы и российских экспортёров. Спрашивается: какой уровень девальвации был бы разумным в текущих условиях? Наша позиция состоит в том, что уровень девальвации 10–15% является приемлемым. При большем ослаблении курса рубля баланс плюсов и минусов для российской экономики становится отрицательным, происходит снижение темпов экономического роста, хотя бюджеты и экспортёры решают свои локальные проблемы.

Экономический анализ как основа принятия решений. Описав текущую ситуацию в нашей экономике, следует обосновать необходимые решения в области экономической политики, которые могли бы обеспечить устойчивый рост в среднесрочной перспективе. Это возможно только в том случае, если мы понимаем, что происходит в экономике, и качество анализа экономической ситуации находится на высоком уровне. Здесь необходимо придерживаться трёх основных принципов: оперативность, многоуровневость и фундаментальность. Следует обратить внимание на последний принцип. Чтобы обеспечить фундаментальность экономического анализа, требуются усилия всего научного сообщества. Ключевое направление здесь – сочетание научно-технологического и социально-экономического прогнозов. Если есть чёткое понимание того, как технологии влияют на экономику, какие есть возможности для их развития, какие ресурсы в нашем распоряжении, тогда можно встроить этот важнейший элемент в конструкцию стратегии развития экономики, тогда в распоряжении тех, кто принимает решения в области экономической политики, появляется необходимая информация надлежащего качества.

В заключение можно сделать ряд ключевых выводов.

1. В 2025 г. и первой половине 2026 г. происходило последовательное замедление темпов экономического роста, вызванное исчерпанием возможностей адаптационной модели развития экономики.

2. Среднесрочный потенциал экономического роста российской экономики сохраняется на уровне 3–3.5%.

3. Механизмы распределения ресурсов в экономике определяются сложившейся структурой приоритетов, в которых доминируют цели по обеспечению национальной безопасности и социальной стабильности.

4. Для устойчивого развития российской экономике необходимы не просто инвестиции, а вложения в расширение потенциала роста и повышение его качества.

5. Избыточные инвестиции в развитие инфраструктуры и добычу сырья могут ограничивать потенциал экономического роста.

6. “Мгновенное” импортозамещение реализовано, а рассчитанное на перспективу, связанное

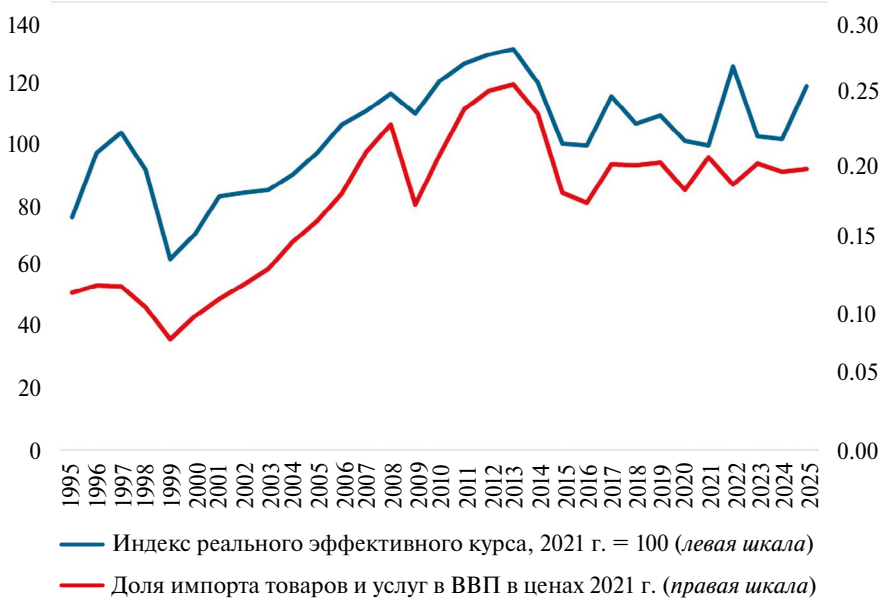

Рис. 6. Индекс реального эффективного валютного курса и доля импорта в ВВП в ценах 2021 г.

Источник: ЦБ РФ, Росстат, расчёты ИНП РАН.

Fig. 6. Real effective exchange rate index and the share of imports in GDP in 2021 prices

Source: Central Bank of the Russian Federation, Rosstat, IEF RAS calculations.

с внедрением в производство новых технологий, требует расширения затрат на НИОКР.

7. Реализация селективной политики по ограничению доли импорта на внутреннем рынке и защите отечественных производителей – необходимое условие эффективного научно-технологического развития.

8. Значение валютного курса изменилось после начала СВО. Позитивная роль девальвации курса уже неочевидна из-за низкой реакции импорта на изменение курса рубля.

9. Необходима смена приоритетов экономической политики, то есть перенос акцента со снижения инфляции на рост доходов (ВВП).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

1. Клепач А.Н. Среднесрочный прогноз развития российской экономики: оценки 2023 года и перспективы 2024–2026 годов. *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2023. Т. 244. № 6. С. 158–174. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2023-244-6-158-174

   [Klepach A.N. Medium-Term Forecast for the Development of the Russian Economy: Estimates for 2023 and Prospects for 2024–2026. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2023, vol. 244, no. 6, pp. 158–174. DOI: 10.38197/2072-2060-2023-244-6-158-174 (In Russ.)]

2. Климанов Т.И. Российская экономика в условиях санкций. *Экономические и социально-гуманитарные проблемы современности*. Материалы VII Международной научно-технической конференции, Рязань, 26–27 ноября 2024 года. Рязань: Московский политехнический университет, 2025. С. 174–177.

   [Klimanov T.I. Russian Economy under Sanctions. *Economic and Socio-Humanitarian Problems of Our Time.* Proceedings of the VII International Scientific and Technical Conference, Ryazan, November 26–27, 2024. Ryazan: Moscow Polytechnic University, 2025. Pp. 174–177. (In Russ.)]

3. Клепач А.Н. Бюджетная политика 2020–2026 годов в условиях турбулентности. *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2024. Т. 245. № 1. С. 122–135. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2024-245-1-122-135

   [Klepach A.N. Budget Policy for 2020–2026 Amid Turbulence. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2024, vol. 245, no. 1, pp. 122–135. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2024-245-1-122-135 (In Russ.)]

4. Баранов А.О., Волкова Е.А., Сомова И.А. Особенности формирования инфляции на потребительские товары и услуги в современной российской экономике. *Журнал Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*. 2025. № 18(6). С. 1198–1210. EDN: FSCWJH

   [Baranov A.O., Volkova E.A., Somova I.A. Features of the formation of inflation for consumer goods and services in the modern Russian economy. *Journal of the Siberian Federal University. Humanities*. 2025, no. 18(6), pp. 1198–1210. EDN: FSCWJH (In Russ.)]

5. Шохин А.Н., Годило Т.С. Адаптивные возможности экономики России: экономическая политика и бизнес-процессы во взаимодействии бизнеса и власти в кризисных условиях. *Бизнес. Общество. Власть*. 2025. № 55. С. 8–38.

   [Shokhin A.N., Godilo T.S. Adaptive Capabilities of the Russian Economy: Economic Policy and Business Processes in the Interaction of Business and Government in Crisis Conditions. *Business. Society. Power.* 2025, no. 55, pp. 8–38. (In Russ.)]

6. Узякова Е. Рынок труда России: текущие тенденции и перспективы развития. *ЭКО*. 2026. Т. 56. № 2. С. 65–84. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2026-2-65-84

   [Uzyakova E. The Russian Labor Market: Current Trends and Development Prospects. *ECO*. 2026, vol. 56, no. 2, pp. 65–84. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2026-2-65-84 (In Russ.)]

7. Изотов Д.А. Внешняя торговля России сырьевыми и промышленными товарами: влияние интеграционных соглашений и санкций. *Балтийский регион*. 2025. Т. 17. № 4. С. 84–106. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2025-4-5

   [Izotov D.A. Russia's Foreign Trade in Raw Materials and Industrial Goods: The Impact of Integration Agreements and Sanctions. *Baltic Region*. 2025, vol. 17, no. 4, pp. 84–106. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2025-4-5 (In Russ.)]

8. Узяков М.Н., Узяков Р.М. Анализ долгосрочного межотраслевого прогноза российской экономики на основе концепции и методики структурно-технологического мультипликатора. *Проблемы прогнозирования*. 2025. № 5 (212). С. 6–22. https://doi.org/10.47711/0868-6351-212-6-22

   [Uzyakov M.N., Uzyakov R.M. Analysis of the long-term inter-sectoral forecast of the Russian economy based on the concept and methodology of the structural-technological multiplier. *Studies on Russian Economic Development.* 2025, no. 5 (212), pp. 6–22. https://doi.org/10.47711/0868-6351-212-6-22 (In Russ.)]

9. Потапенко В.В. Старение населения и демографическая нагрузка на российскую пенсионную систему. *Вестник Института экономики РАН*. 2025. № 5. С. 27–45. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_5_27_45

   [Potapenko V.V. Population Aging and the Demographic Burden on the Russian Pension System. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.* 2025, no. 5, pp. 27–45. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_5_27_45 (In Russ.)]

10. Узяков М.Н., Узякова Е.С. Возможности роста производительности труда и выпуска в странах ЕАЭС. *Проблемы прогнозирования*. 2025. № 1(208). С. 18–31. https://doi.org/10.47711/0868-6351-208-18-31

[Uzyakov M.N., Uzyakova E.S. Potential for Growth in Labor Productivity and Output in the EAEU Countries. *Studies on Russian Economic Development*. 2025, no. 1(208), pp. 18–31. https://doi.org/10.47711/0868-6351-208-18-31 (In Russ.)]

11. Аганбегян А.Г. О возрождении научно-технологического и социально-экономического роста России в перспективе. *Экономическое возрождение России*. 2025. № 4(86). С. 14–35. https://doi.org/10.37930/1990-9780-2025-4-86-14-35

[Aganbegyan A.G. On the revival of scientific, technological and socio-economic growth of Russia in the future. *Economic revival of Russia*. 2025, no. 4(86), pp. 14–35. https://doi.org/10.37930/1990-9780-2025-4-86-14-35 (In Russ.)]

12. Клепач А.Н. Российская экономика в новой геоэкономической реальности. *Новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2): проблемы, факторы и перспективы развития в современной геоэкономической реальности*. Сб. материалов VII Санкт-Петербургского экономического конгресса (СПЭК-2022), Санкт-Петербург, 31 марта – 01 апреля 2022 г. М.: Институт нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, 2022. С. 81–89.

[Klepach A.N. Russian Economy in the New Geoeconomic Reality. *New Industrial Society of the Second Generation (NIS-2): Problems, Factors, and Development Prospects in the Modern Geoeconomic Reality*. Collection of Proceedings of the VII St. Petersburg Economic Congress (SPEK-2022), St. Petersburg, March 31 – April 1, 2022. Moscow: Witte Institute for New Industrial Development, 2022. Pp. 81–89. (In Russ.)]

13. Анализ основных тенденций в сфере финансирования исследований и разработок / И.Э. Фролов, Д.Р. Белоусов, Н.А. Ганичев, А.А. Тресорук. *Трансформация мировой экономики: возможности и риски для России*. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 2024. С. 30–44.

[Analysis of the Main Trends in Research and Development Financing / I.E. Frolov, D.R. Belousov, N.A. Ganichev, A.A. Tresoruk. *Transformation of the Global Economy: Opportunities and Risks for Russia*. Moscow: Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, 2024. Pp. 30–44. (In Russ.)]

14. Ярёменко Ю.В. *Теория и методология исследования многоуровневой экономики*. М.: Наука, 2000.

[Yaremenko Yu.V. *Theory and Methodology of Research of Multilevel Economy*. Moscow: Nauka, 2000. (In Russ.)]

15. *Россия 2035: к новому качеству национальной экономики*. Научный доклад ИНП РАН / А.А. Широв, Б.Н. Порфирьев, И.Н. Шокин и др. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 2024. ISBN: 978-5-605-18411-9. https://doi.org/10.47711/sr1-2024

[*Russia 2035: towards a new quality of the national economy*. Scientific report from the Institute of Economic Forecasting RAS / A.A. Shirov, B.N. Porfiriev, I.N. Shokin et al. Moscow: Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, 2024. ISBN: 978-5-605-18411-9. https://doi.org/10.47711/sr1-2024 (In Russ.)]

16. Милякин С.Р., Скубачевская Н.Д., Ползиков Д.А. Цифровые платформы: механизмы функционирования и влияние на экономику. *Проблемы прогнозирования*. 2025. № 2(209). С. 135–146. https://doi.org/10.47711/0868-6351-209-135-146

[Milyakin S.R., Skubachevskaya N.D., Polzikov D.A. Digital platforms: mechanisms of functioning and impact on the economy. *Studies on Russian Economic Development*. 2025, no. 2 (209), pp. 135–146. https://doi.org/10.47711/0868-6351-209-135-146 (In Russ.)]

17. Simachev Y., Kuzyk M., Zudin N. Import Dependence and its Substitution in the Russian Manufacturing: Business Viewpoint. *Foresight and STI Governance*. 2016, vol. 10, no 4, pp. 25–45. https://doi.org/10.17323/1995- 459X.2016.4.25.45

18. *Трансформация российской экономики в условиях формирования технологического суверенитета* / Е.Б. Ленчук, И.А. Николаев, Л.Н. Лыкова и др. СПб.: Алетейя, 2024. ISBN: 978-5-00165-910-5

[*Transformation of the Russian economy in the context of the formation of technological sovereignty* / E.B. Lenchuk, I.A. Nikolaev, L.N. Lykova, et al. St. Petersburg: Aleteya, 2024. ISBN: 978-5-00165-910-5 (In Russ.)]

19. Гусев М.С. Потенциал и ограничения экспортоориентированного сценария развития. *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. 2023. Т. 21. № 3. С. 6–34. https://doi.org/10.47711/2076-3182-2023-3-6-34

[Gusev M.S. Potential and Limitations of an Export-Oriented Development Scenario. *Scientific Articles – Institute of Economic Forecasting Russian Academy of Sciences*. 2023, vol. 21, no. 3, pp. 6–34. https://doi.org/10.47711/2076-3182-2023-3-6-34 (In Russ.)]

20. Глазунов С.Н. Курс рубля и экономика России. *Современная экономика: проблемы и решения*. 2014. № 1(49). С. 19–28.

[Glazunov S.N. The ruble exchange rate and the Russian economy. *Modern economy: problems and solutions*. 2014, no. 1(49), pp. 19–28. (In Russ.)]

С КАФЕДРЫ ПРЕЗИДИУМА РАН
FROM THE ROSTRUM OF THE RAS PRESIDIUM

DOI: 10.7868/S3034520026100025 Оригинальная статья

ФИНАНСОВЫЙ И УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМЫ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

А.Н. Клепач*

Государственная корпорация ВЭБ.РФ, Москва, Российская Федерация
**E-mail: klepach@yandex.ru*

Аннотация. Российская экономика находится в фазе адаптации к вызовам, обусловленным санкциями и затяжными военными действиями. Это кардинально меняет подходы к взаимодействию денежно-кредитной и бюджетной политики. Мощный бюджетный импульс 2023–2025 гг. обеспечил ускорение роста, однако сверхжёсткая денежно-кредитная политика высоких процентных ставок, кредитных ограничений и завышенного курса рубля нейтрализует его эффект и стала важнейшим барьером на пути устойчивого экономического роста. В результате экономика вползает в стагнацию: по оценкам, рост ВВП в 2026 г. не превысит 0.3–0.7%. Существующая модель приводит к углублению структурных дисбалансов между оборонно-промышленным комплексом и гражданскими отраслями, потере инвестиционного потенциала и доходов бюджета вследствие завышенного курса. Исторический опыт стран, ведущих локальные войны, показывает, что жёсткая антиинфляционная политика в условиях высокого оборонного бремени не обеспечивает ни победы над инфляцией, ни динамичного роста. Сохранение текущего курса чревато новой волной торможения после возможного снижения оборонных расходов и усилением зависимости от внешних шоков. Выход из порочного круга “высокая инфляция – высокие ставки – низкий рост” требует перехода к стимулирующей денежно-кредитной политике в сочетании с активным использованием институтов развития и золотовалютных резервов. Снижение ключевой ставки до 7%, а в 2027 г. – до 5%, умеренное ослабление рубля, докапитализация институтов развития и адресная поддержка критического импорта и экспорта способны обеспечить темпы роста 3–3.5% уже в 2028–2030 гг., восстановить баланс между развитием и финансовой стабильностью и создать условия для достижения национальных целей.

Ключевые слова: денежно-кредитная политика, бюджетный импульс, институты развития, барьеры роста

Финансирование. Статья подготовлена без дополнительного финансирования.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Ссылка для цитирования: Клепач А.Н. Финансовый и управленческий механизмы достижения целей национального развития. *Вестник РАН / Herald of the Russian Academy of Sciences.* 2026. Том 96. № 10. С. 843–854. https://doi.org/10.7868/S3034520026100025

Поступила в редакцию 23.06.2026
После доработки 29.06.2026
Принята к публикации 05.07.2026

КЛЕПАЧ Андрей Николаевич – кандидат экономических наук, член Правления ВЭО России, главный экономист государственной корпорации развития ВЭБ.РФ, заслуженный экономист РФ, Москва, Российская Федерация, e-mail: klepach@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-4175-4701.

© Клепач А.Н., 2026

С КАФЕДРЫ ПРЕЗИДИУМА РАН
FROM THE ROSTRUM OF THE RAS PRESIDIUM

DOI: 10.7868/S3034520026100025 Original article

FINANCIAL AND MANAGERIAL MECHANISMS FOR ACHIEVING NATIONAL DEVELOPMENT GOALS

A.N. Klepach*

VEB.RF State Corporation, Moscow, Russian Federation
**E-mail: klepach@yandex.ru*

Abstract. The Russian economy is in a phase of adaptation to the challenges posed by sanctions and prolonged military operations. This fundamentally alters the interaction between monetary and fiscal policy. The powerful fiscal impulse of 2023–2025 accelerated growth, yet an ultra-tight monetary policy of high interest rates, credit constraints and an overvalued ruble neutralizes its effects and has become the principal barrier to sustainable economic growth. As a result, the economy is sliding into stagnation: GDP growth in 2026 is unlikely to exceed 0.3–0.7% according to estimates. The current model deepens structural imbalances between the defence-industrial complex and civilian sectors, erodes investment potential and deprives the budget of revenues due to the overvalued exchange rate. Historical experience of countries engaged in local wars demonstrates that tight anti-inflationary policy under conditions of high defence burden fails to achieve either victory over inflation or dynamic growth. Continuation of the present course risks a new round of deceleration once defence spending declines and increases vulnerability to external shocks. Breaking the vicious circle of "high inflation – high rates – low growth" requires a shift to an accommodative monetary policy combined with active use of development institutions and gold and foreign exchange reserves. Reducing the key rate to 7% and further to 5% in 2027, a moderate weakening of the ruble, recapitalization of development institutions and targeted support for critical imports and exports can deliver growth rates of 3–3.5% already in 2028–2030, restore balance between development and financial stability, and create conditions for achieving national goals.

Keywords: monetary policy, fiscal impulse, development institutions, barriers to growth

Funding. This article was prepared without additional funding.

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Klepach A.N. Financial and managerial mechanisms for achieving national development goals. *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk / Herald of the Russian Academy of Sciences.* 2026, vol. 96, no. 10, pp. 843–854. (In Russ.) https://doi.org/10.7868/S3034520026100025

Received June 23, 2026
Revised June 29, 2026
Accepted July 05, 2026

KLEPACH Andrey N. – PhD (Economics), Member of the Board of the VEO of Russia, Chief Economist of the State Development Corporation VEB.RF, Honored Economist of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: klepach@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-4175-4701.

© Klepach A.N., 2026

Цели национального развития в течение последних десяти лет сохраняли преемственность, однако реальные условия и возможности их достижения претерпели существенные изменения под влиянием внешних шоков. В соответствии с указами Президента РФ № 474 от 21 июля 2020 г. и № 309 от 7 мая 2024 г. в качестве главных приоритетов определены сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи, развитие талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности, обеспечение комфортной и безопасной среды для жизни. Эти приоритеты предполагают устойчивое и динамичное развитие экономики, достижение технологического лидерства, цифровую трансформацию государственного и муниципального управления[1].

СВО и антироссийская блокада не привели к отказу от достижения этих национальных целей, но значительно изменили подходы и возможности их реализации и достижения целевых показателей, многие их которых перенесены с 2024 на 2030 г. и, по-видимому, потребуют новой корректировки. На первый план выдвинуты задачи национальной безопасности и экономического обеспечения победы. В этих условиях вопрос взаимодействия и сбалансированности бюджетной и денежно-кредитной политики приобрёл иное, чем в мирное время, измерение [1].

Мощный бюджетный импульс позволил резко ускорить рост экономики и доходов населения в 2023–2024 гг. В целях повышения устойчивости бюджетной системы в 2025–2026 гг. были повышены налоги на доходы населения и более существенно на крупный и малый бизнес. Рост бюджетной нагрузки помог ограничить увеличение дефицита бюджета и выделить ресурсы на финансирование национальных проектов. В то же время он способствовал снижению темпов роста инвестиций [2] (по оценке Института исследований и экспертизы ВЭБ, в текущем году на 0.9 п. пунктов), хотя и не был основным фактором их сокращения.

В 2025 г. Правительство РФ и Банк России в целях повышения сбалансированности экономики и снижения инфляции приняли решение затормозить экономический рост и охладить экономику, что проявилось в поддержании высоких процентных ставок, крепкого курса рубля и введении пруденциальных норм[2], ограничивающих кредитование экономики [3]. Однако это решение, на наш взгляд, не повысило, а, скорее, ухудшило сбалансированность экономики и уже стало важным фактором торможения экономического роста, хотя и способствовало снижению инфляции.

ТОРМОЖЕНИЕ РОСТА И УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Действительно, торможение роста в 2025–2026 гг. из-за накопившихся структурных и управленческих проблем было неизбежно, но цена вопроса оказалась выше официальных ожиданий, а спада в первом квартале можно и нужно было избежать. После снижения ВВП в первом квартале на 0.2% к прошлому году во втором полугодии, по оценке Института исследований и экспертизы ВЭБ (ИнВЭБ), рост вряд ли превысит 0.3–0.6%. Сверхжёсткая денежно-кредитная политика привела к потере 0.8–1 п. пункта роста ВВП в 2025 г. [4] и ведёт к потере как минимум 0.5–0.8 п.п. в 2026 г. В целом рост экономики в 2026 г. не превысит 0.3–0.7%, что характерно для стагнации.

Таким образом, мощный бюджетный импульс, обеспечивший, по экспертным оценкам, около +2 п.п. ежегодного прироста ВВП в 2024–2025 гг.[3], в значительной мере нейтрализуется сверхжёсткой денежно-кредитной политикой (ДКП). А значит, необходимы новые принципы балансировки бюджетной и денежно-кредитной политики [5] для перехода к устойчивому росту экономики вместо чередования охлаждений и перегревов. Российская “экономическая весна” не наступит, если продолжить следовать принятому курсу ДКП.

Разные секторы российской экономики характеризуются неодинаковой чувствительностью к жёсткости ДКП и мерам бюджетного стимулирования. В результате повышения оборонных расходов и ограничения бюджетного финансирования гражданских секторов в условиях ужесточения кредита и дороговизны денег резко усилился разрыв между динамикой оборонно-промышленного комплекса и гражданских отраслей, ориентированных на внутренний потребительский и инвестиционный спрос. В отличие от 2022–2023 гг., в 2025 г. подъём в обрабатывающей промышленности практически полностью был обеспечен оборонно-промышленным комплексом. В гражданской сфере рост наблюдался только в фармацевтике, цветной металлургии и производстве удобрений. В целом в 2025 г. при росте обрабатывающей промышленности, по предварительной оценке, на 2% (год к году, в ценах 2023 г.), экспортно ориентированные отрасли снизили выпуск на 0.6%, ориентированные на внутренний потребительский и инвестиционный спрос – на 3.3%, тогда как оборонные отрасли увеличили выпуск на 22.5% (оценка ИнВЭБ).

Потенциал роста российской экономики, несмотря на демографические ограничения, оценивается

[1] Указ Президента РФ № 474 “О национальных целях развития Российской Федерации до 2030 года” (http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726?ysclid=mqpbsnti30693124565); Указ Президента РФ № 309 “О национальных целях развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года” (http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542?ysclid=mqpbya5ud7526217433).

[2] Пруденциальные нормы – это нормативы и обязательные требования, которые устанавливаются законом и Банком России для кредитных организаций. Их цель – обеспечить надёжность, ликвидность и платёжеспособность банков, управлять банковскими рисками, защитить интересы акционеров и вкладчиков. В данном случае речь идёт о пруденциальных мерах Банка России, ужесточающих требования к капиталу и резервам банков при кредитовании отдельных отраслей и заёмщиков (в частности, в 2025 г. — ограничения по ипотеке и потребительским кредитам).

[3] Оценки выполнены Институтом исследований и экспертизы ВЭБ.РФ на основе квартальных и месячных данных Росстата, Минфина России и Банка России с использованием моделей факторного анализа и экспертных корректировок. Методология подробно изложена в регулярных макроэкономических обзорах ИнВЭБ.

экспертами минимум в 3–4% в год [6][4]. Отклонение динамики экономики вниз от её потенциала – это прямой результат сверхжёсткой денежно-кредитной политики (сверхвысокая процентная ставка, завышенный курс рубля и ограничения кредитования), вклад которой в снижение роста оценивается почти в 50%, а ужесточение санкций и потери от ударов ВСУ – в 25–30%, 20–25% торможения обусловлены разбалансированностью промышленной или структурной политики, которая привела к спаду в автопроме, сельском хозяйстве, железнодорожном машиностроении и строительстве.

Значительный негативный эффект в дополнение к издержкам сверхжёсткой денежно-кредитной политики имела чрезмерная либерализация ключевых рынков для китайских производителей, которая в сочетании с ограничением кредита для российских производителей (и покупателей российской продукции) вызвала кризисное состояние в большинстве гражданских отраслей. Например, в 2025 г. производство легковых автомобилей выросло благодаря сборке китайских моделей, однако добавленная стоимость отрасли сократилась. Причина заключается в низкой доле отечественной добавленной стоимости при "отвёрточной" сборке: по оценкам, она минимум в 5 раз меньше, чем при полноценном российском производстве. Неконкурентоспособные условия кредитования дополняются дискриминационной для отечественных производителей системой отраслевого регулирования, которая не может обеспечить реальный технологический суверенитет [7]. Краткосрочный выигрыш в наполнении рынка достигается долгосрочным ухудшением конкурентоспособности отечественных производителей.

Кроме того, тяжёлое финансовое состояние Газпрома и РЖД привело к значительному сокращению их инвестиционных программ, что стало важным дополнительным фактором общего инвестиционного спада. Российская экономика вползает в стагнацию, и пока явных эффективных мер стимулирования роста не видно. Существующая модель денежно-кредитной политики не ослабляет, а усиливает сложившиеся структурные дисбалансы, тогда как возможности бюджетной поддержки в условиях высоких оборонных расходов и снижающихся бюджетных доходов уменьшаются.

ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА И АНТИИНФЛЯЦИОННЫЙ ФЕТИШИЗМ

Поиск баланса между жёсткостью–мягкостью денежно-кредитной политики и бюджетным импульсом в условиях военной экономики принципиально отличается от балансирования в условиях мирного времени, причём как в состоянии перегрева, так и охлаждения. Практически нет примеров, когда страна, ведущая военные действия, одновременно пыталась резко подавить инфляцию, хотя какие-то шаги по её ограничению принимались всегда. Причина в том, что значительную часть экономики, как и финансовых потоков, невозможно регулировать, манипулируя процентными ставками и используя традиционные подходы к таргетированию инфляции, а мультипликатор бюджетных расходов значительно дифференцирован в зависимости от направленности затрат на гражданские или военные нужды [8, 9].

В качестве примера можно привести опыт экономики США в период войн в Корее [10][5] (1950–1953 гг.) и Вьетнаме (1955 г. – начало вовлечения в конфликт между Индией и Китаем, активная фаза с 1964 по 1973 г. с завершением в 1975 г.). В период этих локальных конфликтов высокий уровень оборонных расходов и бюджетного импульса (табл. 1), сопоставимый с уровнем финансирования обороны и безопасности

Таблица 1. Макропараметры экономики США в период локальных войн
Table 1. Macroparameters of the US economy during local wars

Наименование показателя*	Корейская война	Война во Вьетнаме
Военные расходы, % ВВП	10.7	8.4
Инфляция среднегодовая, %	3.0	3.4
Ключевая ставка, %	1.8	4.6
Темп роста ВВП, %	6.4	3.9

* Средние значения показателя за период.

Источник: рассчитано по "Military expenditure by country as percentage of gross domestic product, 1949–2025". SIPRI, 2026; https://www.sipri.org/databases/milex

* Average values for the period.

Source: Calculated from "Military expenditure by country as a percentage of gross domestic product, 1949–2025." SIPRI, 2026; https://www.sipri.org/databases/milex

[4] Консенсусная оценка потенциального роста российской экономики в 3–4% в год подтверждена расчётами ИнВЭБ, ИНП РАН, ЦМАКП и ряда международных организаций (с корректировкой на демографические ограничения и санкционные эффекты).

[5] В период Корейской и Вьетнамской войн США сочетали фискальный стимул с элементами прямого регулирования (контроль цен и зарплат в отдельные периоды), что снижало инфляционное давление при относительно мягкой денежно-кредитной политике.

России, сопровождался политикой низких номинальных и реальных процентных ставок, несопоставимых с теми, которые сейчас практикует Банк России. Это позволяло США обеспечивать и динамичный рост экономики, и повышение доходов населения (построение общества благосостояния) при умеренной инфляции (более низкой, правда, чем в России). В то же время военные дефициты имели и долгосрочные инфляционные последствия, что привело к заметному наращиванию государственного долга.

Каждая страна ищет свой баланс между издержками войны и развития, но нет примеров успешной попытки одновременно одержать победу и в войне, и над инфляцией [11]. В условиях значительного оборонного бремени и внешних шоков жёсткая денежно-кредитная политика и антиинфляционный фетишизм (хотя меры ограничения роста цен, безусловно, необходимы) [12, 13] способствуют, скорее, усилению неравенства гражданских и оборонных секторов, торможению инвестиций и экономики предложения, чем снижению инфляции. Поиск баланса между развитием экономики и снижением инфляции продолжается, но он не может быть найден без учёта структурных параметров экономики и роли военных и геополитических факторов.

СВЕРХКРЕПКИЙ РУБЛЬ: ДОСТИЖЕНИЯ И ИЗДЕРЖКИ

Укрепление номинального курса рубля внесло существенный вклад в снижение инфляции. Инфляция уменьшилась с 9.5% в 2024 г. (дек./дек.) до 5.6% в 2025 г., или на 42%. Укрепление номинального курса на 10% за прошлый год, по нашей оценке, понизило инфляцию на 1.2 п.п., или на треть. Таким образом, 2/3 снижения инфляции, по-видимому, вызвано резким торможением роста потребительского спроса (розничной торговли – на 66%, платных услуг – на 35%), что отчасти вызвано высокими процентными ставками, которые привели к рекордному усилению склонности к сбережению. Кроме того, облегчение импорта плодоовощной продукции, преимущественно китайской, впервые с начала 2000-х годов привело к отрицательному балансу экспорта и импорта сельхозпродукции, что также способствовало снижению цен на плодоовощные товары. Оборотная сторона – падение доходов российских аграриев и усиление импортной зависимости от Китая. Аграрная политика всё больше становится политикой не повышения доходов российских производителей и укрепления продовольственного суверенитета, а политикой ограничения роста цен на продовольствие любой ценой.

В то же время завышенный курс лишает реальный сектор экономики и бюджет значительных доходов [14]. При среднегодовом курсе около 74 руб. за доллар вместо 84 руб. (90 на конец года, которые были заложены в бюджет и более адекватны реалиям экономики), по оценке ИнВЭБ, чистая прибыль экспортёров уменьшается на 3.3 трлн руб., а доходы федерального бюджета – на 1.2–1.5 трлн. Эти потери могут привести к уменьшению темпов роста реального сектора экономики в 2026 г. на 0.5–0.6 п.п., а в 2027 г. – на 0.3–0.4 п.п., что сопоставимо с потерями от высокой процентной ставки.

"ЧЁРНЫЙ ЛЕБЕДЬ" В ПОМОЩЬ БЮДЖЕТУ И УГРОЗА НОВОГО СЕКВЕСТРА

Начало 2026 г. предвещало российскому бюджету значительную потерю доходов из-за усиления вторичных санкций и сокращения импорта российской нефти и нефтепродуктов Индией, Китаем и Турцией. В результате намечавшегося сокращения объёмов экспорта углеводородов и снижения цен на нефть потери федерального бюджета в годовом выражении, по оценке ИнВЭБ, могли достигнуть 2.4 трлн руб., а дефицит вырасти до 6.3–8 трлн руб. против 3.8 трлн в Законе о бюджете (ФЗ № 426).

Однако "чёрный лебедь" в форме неожиданно начавшегося конфликта в Персидском заливе привёл к взлёту цен на нефть, газ и удобрения и, по предварительной оценке, принесёт бюджету в текущем году около 2 трлн руб., несмотря на завышенный курс рубля. Ожидаемый прирост российского экспорта в 2026 г. по сравнению с 2025 г. и сложившимися ранее тенденциями оценивается в 60–140 млрд долл. – в зависимости от продолжительности конфликта в заливе. Однако эффект высоких цен на нефть и газ в результате этого конфликта носит временный характере. Во второй половине года или к его концу соглашение между США и Ираном – раньше или позже – приведёт к нормализации движения танкеров через Ормузский пролив, хотя для восстановления повреждённой инфраструктуры потребуется от полугода до года. Ожидаемые дополнительные экспортные доходы лишь в малой степени скажутся на развитии российской экономики, так как уйдут на пополнение бюджета и Фонда национального благосостояния, а также увеличат отток капитала. Из-за антироссийских санкций дополнительные экспортные доходы в подавляющей части будут оставаться за границей, что увеличит отток капитала (на 30–50 млрд долл. в зависимости от уровня подъёма цен по сравнению с уровнем 2025 г.). Кроме того, повреждение российских нефтеперерабатывающих и азотных заводов, а также нефтяной инфраструктуры не позволит значительно нарастить объёмы экспорта. Потери от повреждения производственного потенциала могут достичь в текущем году около 0.5–0.8 п.п. роста ВВП и уже становятся значимым негативным макроэкономическим фактором.

В 2027–2028 гг. в результате усиления мировой конкуренции и увеличения предложения углеводородов цены на нефть и газ и соответственно экспортные доходы российских компаний с высокой вероятностью понизятся, как и объёмы добычи и экспорта российской нефти и СПГ. В этих условиях высокий курс рубля и жёсткая денежно-кредитная политика будут ухудшать способность отечественной экономики к адаптации [15] и препятствовать выходу на темпы роста, опережающие мировые. Снижение курса рубля может стать сопоставимым с масштабами его укрепления в последние годы, что породит существенный

инфляционный импульс, а значит, приведёт к новой волне повышения ставок Банка России и новому торможению роста.

Выход из порочного круга “высокая инфляция – высокие ставки – низкий рост” финансовые власти страны видят в ограничении, точнее снижении, расходов бюджета и смягчении денежно-кредитной политики по мере ослабления бюджетного импульса и преодоления структурного дефицита бюджета (достижение этой цели сдвигается с 2028 на 2029 г.), когда можно будет вновь начать пополнять Фонд национального благосостояния. “Холодная” (чуть “оттаявшаяся”) денежно-кредитная политика дополнится охлаждением бюджета. Ускорится ли в этих условиях экономический рост, или мы столкнёмся с затяжной стагнацией? На наш взгляд, скорее второе; подобная ситуация в условиях внешних санкций и шоков наблюдалась в российской экономике в 2014–2020 гг. [16].

Возможное сокращение бюджетных расходов в текущем году на 700–1000 млрд руб. в сочетании с перераспределением до 1.5 трлн руб. на нужды обороны и безопасности (чтобы сохранить их номинальный уровень как минимум не ниже прошлого года) в условиях сохранения жёсткой денежно-кредитной политики может привести к снижению экономического роста на 0.5 п.п. в 2026 г. или, скорее, в 2027 г., учитывая, что последствия секвестра скажутся на росте ВВП с некоторым лагом [17, 18][6]. В наибольшей степени замедлится рост инвестиций – за счёт сокращения инвестиционных расходов федерального бюджета на 1.5 п.п. и повышения неопределённости для частных инвесторов. Рост потребительских расходов уменьшится на 0.4 п.п.[7] Однако основные риски бюджета проявятся позже. Прогнозируемое снижение нефтегазовых доходов бюджета, в том числе из-за крепкого курса рубля, потребует снижения (в номинальном и реальном выражении) расходов федерального бюджета в 2027–2028 гг. по сравнению с параметрами Закона о бюджете (ФЗ № 426) или соответствующего увеличения уровня дефицита и государственного долга (табл. 2).

Прогнозируемая среднесрочная динамика общих параметров федерального бюджета ставит вопрос об изменении бюджетного правила и уровня цены отсечения, которая в этих условиях не может опуститься до 50 долл./барр. без существенного сокращения расходов бюджета. Ожидаемое после завершение СВО снижение уровня оборонных расходов на 1.5–2% ВВП (при этом уровень оборонных расходов останется выше, чем до СВО) позволит уменьшить дефицит бюджета, то есть сработает на дальнейшее повышение устойчивости бюджетной системы. Однако оборотной стороной этого решения станет дальнейшее охлаждение экономики, которое вряд ли будет полностью компенсировано стимулирующей денежно-кредитной политикой. На наш взгляд, бóльшая часть высвобождаемых бюджетных ресурсов после СВО должна стать источником увеличения расходов на развитие инфраструктуры, науки и человеческого капитала, которые пострадали в последние годы. Среднесрочную и тем более долгосрочную конструкцию бюджета развития, соответствующую достижению поставленных национальных целей, ещё только предстоит выработать, но вряд ли высокие темпы развития можно обеспечить без наращивания внутреннего долга, понижения ставок и относительного уменьшения стоимости заимствований.

Политика возврата к бюджетному правилу [19][8], как и политика дорогого кредита и ограничения объёмов кредитования [20], вне увязки с приоритетными направлениями нацпроектов и программ бюджета не столько снижает инфляцию, сколько тормозит предложение, особенно в рыночных секторах, и способствует расширению неплатежей. Сложился конфликт между действиями, направленными на увеличение производственного и оборонного потенциала, и решением задачи финансовой стабильности и подавления инфляции, которая превратилась в фетиш и фактически обеспечивает перераспределение прибылей в пользу финансового сектора экономики. Такая макроэкономическая раздвоенность разбалансирует экономику и не позволяет достичь в полной мере ни одной из заявленных целей. Она уже сейчас ведёт к стагнации и спаду в отраслях, работающих на рынок (без доступа к средствам бюджета), и после завершения СВО (при сокращении оборонных расходов) может привести к общему спаду в экономике или возобновлению стагнации образца 2014–2020 гг.

Ограничение государством дефицита бюджета путём сокращения реальных расходов на науку и технологии при низких вложениях бизнеса в эту сферу, а также рассогласованность и разобщённость системы управления НИОКР препятствуют научно-технологическому развитию России и способствуют нарастанию технологического отставания страны. Невозможно выиграть геополитическое соперничество при стагнирующей и тем более при падающей гражданской экономике и долгосрочном содержании сфер, обеспечивающих развитие человеческого капитала, в том числе науки, на голодном пайке. С завершением активной фазы СВО противоборство не прекратится, глобальный конфликт будет расширяться, вовлекая в себя не только европейский регион, но в перспективе Китай

[6] Оценка влияния возможного секвестра бюджета на динамику ВВП выполнена с учётом мультипликативных эффектов и временны́х лагов (6–12 месяцев) на основе моделей ИнВЭБ.

[7] Эксперты справедливо отмечают, что цена секвестра возрастает именно при слабом росте, кредитных ограничениях и несогласованности фискальной и денежной политики, то есть в конфигурации, характерной для России 2025–2026 гг. Важен не только объём сокращения бюджетных расходов, но и их структура и риск потери будущего темпа и качества роста при опережающем снижении расходов на инфраструктуру, науку и человеческий капитал.

[8] Бюджетное правило – это долговременные количественные ограничения, которые накладываются на основные параметры бюджета: уровень государственного долга, величину бюджетного дефицита, расходы и доходы. Такой механизм предназначен для обеспечения долгосрочной устойчивости бюджетной системы и макроэкономической стабильности.

Таблица 2. Параметры федерального бюджета Российской Федерации в 2024–2029 гг.
Table 2. Federal budget parameters Russian Federation for 2024–2029

Показатель	2024	2025	2026		2027		2028		2029
	отчёт		ИнВЭБ	426-ФЗ	ИнВЭБ	426-ФЗ	ИнВЭБ	426-ФЗ	ИнВЭБ
Трлн руб.									
Доходы, всего	36.7	37.3	40.0	40.3	39.7	42.9	41.3	45.9	46.2
Нефтегазовые	11.1	8.5	9.2	8.9	6.8	9.1	6.0	9.7	8.6
Ненефтегазовые	25.6	28.8	30.8	31.4	32.9	33.9	35.3	36.2	37.6
Расходы	40.2	42.9	43.5	44.1	44.5	46.1	47.1	49.4	49.3
Профицит (+) / дефицит (-)	-3.5	-5.6	-3.5	-3.8	-4.8	-3.2	-5.8	-3.5	-3.1
Госдолг*	26.2	32.7	36.0	38.1	41.7	42.6	47.6	47.7	50.5
% ВВП**									
Доходы, всего	18.1	17.4	17.3	17.1	16.4	16.8	15.8	16.6	16.5
Нефтегазовые	5.5	4.0	4.0	3.8	2.8	3.5	2.3	3.5	3.1
Ненефтегазовые	12.6	13.4	13.3	13.3	13.6	13.3	13.5	13.1	13.4
Расходы	19.9	20.0	18.8	18.7	18.3	18.0	18.0	17.9	17.6
Профицит (+) / дефицит (-)	-1.7	-2.6	-1.5	-1.6	-2.0	-1.2	-2.2	-1.3	-1.1
Госдолг**	13.0	15.3	15.5	16.2	17.2	16.7	18.2	17.3	18.1

*По 426-ФЗ – верхний предел государственного долга.
**Использованы оценки ВВП: ИнВЭБ – базовый прогноз Института ВЭБ, 426-ФЗ – базовый прогноз Минэкономразвития России.

*According to Federal Law 426 – the upper limit of the state debt.
**GDP estimates used: InVEB – baseline forecast of the VEB Institute, 426-FZ – baseline forecast of the Ministry of Economic Development of Russia.

и страны Азии. Перед лицом этих глобальных вызовов и трансформаций слабая экономика, каковы бы ни были военные успехи России, может поставить страну в зависимую и даже проигрышную позицию в мировом геополитическом конфликте.

Проводимая ограничительная денежно-кредитная политика не работает на решение задач экономики победы, тем более в условиях затяжного военного противоборства или войны на истощение, а в долгосрочном плане препятствует переходу к инновационной конкурентоспособной на мировом уровне экономики, обеспечивающей благосостояние для всех.

Преодолеть разбалансированность денежно-кредитной и бюджетной политики можно не только секвестром бюджета и ограничением кредитования производственного сектора. В российской экономике наряду с резервами совершенствования управления и высвобождения творческой энергии народа есть пространство для макроэкономического манёвра [21], особенно в связи с традиционным избытком сбережений над накоплениями (табл. 3). Национальные сбережения снижались с 29% в 2011 до 22% ВВП в 2018 г., но в последующие годы вновь увеличились до ~30% ВВП (всплеск наблюдался в 2022 г.). В среднесрочной перспективе они останутся примерно на текущем высоком уровне. На фоне высоких процентных ставок сбережения населения в 2025 г. достигли рекордного уровня в 15% ВВП, превысив половину всех сбережений. При смягчении денежно-кредитной политики ожидается постепенное сокращение сбережений населения до 10% ВВП к 2030 г. Чистый отток капитала (разница между сбережениями и инвестициями) в среднесрочной перспективе останется выше 2% ВВП, и его снижение может стать важным дополнительным источником инвестиций. Накопленные запасы в виде международных финансовых активов избыточны и могли бы быть направлены на цели развития российской экономики.

Талица 3. Динамика национальных сбережений и накоплений, %
Table 3. Dynamics of national savings and accumulation, %

% ВВП	2011	2013	2014	2021	2022	2023	2024	2025	2026	2030
Валовое сбережение	28.7	24.2	24.4	30.5	33.4	29.7	29.9	28.0	29.7	30.0
Финансовые и нефинансовые корпорации	15.3	14.2	14.0	18.3	21.0	18.2	17.1	14.6	19.5	19.7
Домашние хозяйства и НКООДХ	4.6	4.8	4.8	5.6	9.4	9.7	10.7	14.8	11.2	9.3
Государственное управление	8.8	5.2	5.6	6.6	3.0	1.8	2.1	-1.4	-1.0	1.0
Валовое накопление основного капитала	21.3	21.9	21.4	19.3	20.1	22.2	22.8	23.6	23.2	25.9
Финансовые и нефинансовые корпорации	13.6	14.1	13.0	13.2	13.1	14.6	16.4	17.9	18.3	20.4
Домашние хозяйства и НКООДХ	3.8	5.5	4.9	3.1	3,.4	3.8	3.4	2.9	2.1	3.0
Государственное управление	3.8	2.3	3.5	3.0	3.6	3.8	3.0	2.9	2.8	2.5
Сбережения минус инвестиции*	4.3	1.0	1.9	7.6	10.2	2.4	2.9	1.6	3.8	1.6
Финансовые и нефинансовые корпорации	-0.5	-0.4	0.8	2.0	5.2	-1.2	-3.1	-5.9	-1.3	-3.0
Домашние хозяйства и НКООДХ	1.8	1.9	1.1	3.2	6.6	6.4	7.7	12.4	9.5	6.6
Государственное управление	3.0	-0.5	0.0	2.4	-1.6	-2.8	-1.7	-4.9	-4.4	-2.0

* Чистое кредитование (+) / чистое заимствование с учётом трансфертов и запасов.

Источник: до 2021 г. – система национальных счетов Росстата за соответствующий год, после 2021 г. – оценки на основе неполных данных.

* Net lending (+) / net borrowing taking into account transfers and stocks.

Source: up to 2021 – Rosstat's system of national accounts for the corresponding year; after 2021 – estimates based on incomplete data.

ПЕРВООЧЕРЕДНЫЕ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕРЫ, СТИМУЛИРУЮЩИЕ РОСТ

1. Переход к стимулирующей денежно-кредитной политике предполагает ощутимое снижение ключевой ставки – до 7% (или 1.5–2% в реальном выражении). В 2027 г. ставка должна снизиться до приемлемых для бизнеса 5%. Это не спровоцирует оттока вкладов населения, так как доходность остаётся высокой, но может частично перераспределить накопления в более рискованные сегменты рынка. Ослабление пруденциальных (противорисковых) ограничений также должно повысить доступность кредита для бизнеса. Инфляционный эффект активного снижения ставки будет минимальным, если эта мера простимулирует рост предложения, в том числе потребительских товаров и услуг. Высокий уровень сбережений населения потенциально угрожает усилением инфляционных процессов, но он также создаёт окно возможностей для наращивания производства товаров длительного пользования (в частности, путём привлечения иностранных инвестиций вместо импорта готовой продукции), расширения жилищного строительства по доступным ценам и постепенного перехода к более сбалансированным тарифам жилищно-коммунального хозяйства (с уменьшением перекрёстного субсидирования).

2. Снижение ставки, невозобновление "зеркальных операций" по бюджетному правилу[9], а также допэмиссия под существующие золотовалютные резервы способствовали бы снижению среднегодового уровня курса в текущем году с 81 до 84 руб., и к концу года он мог бы находиться вблизи отметки 87–90 руб. Чистая

[9] "Зеркальные операции" в рамках бюджетного правила – это действия Банка России на внутреннем валютном рынке, которые он совершает в ответ на операции Минфина с Фондом национального благосостояния. Суть в том, что ЦБ покупает или продаёт иностранную валюту в том же объёме, но в противоположном направлении по отношению к прямым конверсионным операциям Минфина. Эти операции представляют собой механизм стерилизации дополнительных нефтегазовых доходов бюджета путём их размещения на счетах в Банке России с последующим приобретением иностранной валюты для ФНБ; их приостановка в 2022–2025 гг. фактически означала смягчение бюджетного правила.

прибыль экспортёров благодаря дополнительному ослаблению рубля увеличится на 1.5 трлн руб., а доходы консолидированного бюджета за счёт экспортёров вырастут на 0.7 трлн руб. Ослабление курса, сопровождаемое существенным смягчением кредитных условий, будет способствовать дополнительному росту ВВП в 2026 г. на 0.2 п.п. и инвестиций в 2026–2027 гг. на 1.5–2%.

3. Нарастание проблемы неплатежей между предприятиями и со стороны Министерства обороны РФ создаёт запрос на дополнительное увеличение эмиссии и повышение доступности кредита, а также точечную реструктуризации части задолженности ведущих системообразующих компаний (Объединённая авиастроительная корпорация, Объединённая судостроительная корпорация, Роскосмос, РЖД, Росатом), включая конверсию части банковской, дебиторской и кредиторской задолженности в государственный долг. В результате ценовых дисбалансов и неплатежей Министерства обороны в стране формируется второй теневой госдолг, который нуждается в урегулировании.

4. Поддержка инвестиций путём докапитализации в 2026 г. институтов развития (включая Промсвязьбанк как опорный банк ОПК) за счёт депозитов (или субордов) Банка России помогла бы преодолеть дефицит их инвестиционных ресурсов [22]. Это значительно расширило бы финансирование приоритетных проектов технологического лидерства и развития инфраструктуры и позволило бы избежать ожидаемого спада инвестиций. При докапитализации на 0.8–1 трлн руб. потенциальный среднегодовой рост ВВП за счёт дополнительных инвестиций может составить до 0.4–0.8 п.п. в год в среднесрочной перспективе. Запрос на финансирование со стороны институтов развития тем острее, чем сильнее ухудшается финансовое состояние предприятий и чем меньше их бюджетная поддержка.

5. При нарастающих бюджетных ограничениях и оскудении Фонда национального благосостояния (ФНБ) в российской экономике есть значительный “резерв главного командования” в виде золотовалютных резервов[10] (незамороженные ЗВР достигали в начале текущего года 450 млрд долл., и они продолжают увеличиваться). Часть резервов Банка России и валютной части ФНБ целесообразно направить на поддержку кредитования российского экспорта – как путём кредитов российским экспортёрам и инвесторам в зарубежные активы, так и кредитов странам-импортёрам, особенно тем, в которых российский бизнес мог бы реализовать комплексные инвестиционные проекты. Сохраняя безопасный уровень золотовалютных резервов (на уровне финансирования шестимесячного импорта и первоочередных платежей по госдолгу), можно высвободить на поддержку критического импорта и инвестиций за рубежом в приоритетные проекты за пять лет до 300–500 млрд долл. (с учётом ожидаемого положительного торгового сальдо и при условии покупки Банком России ограниченного объёма валюты). Это повысило бы инвестиционный потенциал страны на 20–24% и поддержало бы рост денежной массы при гибком управляемом снижение курса рубля. Благодаря стимулированию экспорта и критического импорта дополнительное увеличение ВВП за пять лет составило бы до 6–7 п.п., что позволило бы выйти на темпы роста, превышающие мировые. Инфляционный эффект такого кредитования был бы ничтожным, но придал бы мощный и качественный импульс российскому экспорту и влиянию за рубежом.

6. В среднесрочной перспективе необходимо выработать долгосрочную устойчивую модель тарифов на железнодорожные перевозки и ценообразования на газ и электроэнергию; такая модель призвана обеспечить конкурентоспособность российской электроэнергии и товаров на мировом рынке и снизить перекрёстное субсидирование внутри страны. Кроме того, необходимо оптимизировать инвестиционную программу Газпрома и уточнить приоритеты инвестиционных проектов и развития технологий в газовом комплексе России, включая баланс между СПГ, трубопроводным газом, углём и атомной энергией.

Реализация комплекса этих мер может повысить темпы роста российской экономики в 2027 г. до 2–2.5% и в 2028–2030 гг. минимум до 3–3.5%.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И ВЫЗОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Динамичный экономический рост (3–4% в год) может обеспечить соответствующее повышение реальных доходов населения. При стагнации или росте на 1–2% в год, по-видимому, произойдёт не только торможение роста зарплат, но и новая стагнация реальных доходов населения, как это было в 2020–2024 гг.

Традиционно уязвимая группа – пенсионеры. Необходимо создать условия для существенного повышения их благосостояния: коэффициент замещения заработной платы пенсией нужно увеличить к 2033–2035 гг. с нынешних 23% до 30–33%[11] [23]. К 2030 г. это сделать не удастся, иначе придётся повышать налоги, хотя, вероятно, на это придётся пойти к 2035 г.

Для ветеранов СВО целесообразно ввести специальные выплаты на уровне средней зарплаты по стране (возможны и дополнительные региональные выплаты) как минимум на полгода для адаптации к мирной жизни. По примеру других стран полезно было бы запустить льготную программу кредитов на основание собственного дела.

Необходимо восстановить сравнительные уровни доходов специалистов, обеспечивающих воспроизводство человеческого капитала и знаний (учёные, врачи, учителя); соотношение их зарплат относительно

[10] Имеется в виду возможность частичного использования золотовалютных резервов Банка России и валютной части ФНБ для предоставления целевых кредитов российским экспортёрам, инвесторам в зарубежные активы и странам-импортёрам российской продукции.

[11] Коэффициент замещения пенсией заработной платы в России остаётся одним из самых низких среди стран ОЭСР и БРИКС. Повышение до 30–33% требует как увеличения страховых взносов, так и роста общей производительности экономики.

средних в регионах и по России в целом ухудшилось в результате роста зарплат в производственном секторе. Сейчас относительный уровень зарплат врачей и учителей вернулся к 2013 г., нивелировав прогресс, достигнутый за предыдущее десятилетие. Отношение заработной платы в общем образовании к средней по стране уменьшилось с 76% в 2018 г. до 69% в 2025 г., в высшем образовании – с 131 до 121%, в здравоохранении – с 93 до 83%. Одновременно увеличилась межрегиональная дифференциация зарплат бюджетников. Назрела потребность в изменении подхода к заработной плате целевиков: в качестве ориентира следует выбрать средний уровень зарплаты и социальных обязательств по России в целом, а также конкурентоспособность с зарплатами за рубежом.

Значительным достижением за последние годы стало снижение уровня бедности. Однако необходимо ориентироваться на сокращение не только бедности, но и численности малообеспеченных слоёв, к которым относится около 49% населения страны (их доход составляет от 1 до 3 прожиточных минимумов). К 2030 г. доля малообеспеченных, по оценке, может уменьшиться до 45% – при условии поступательного роста благосостояния, а не его стагнации. Неустойчивость материального положения значительной части населения – потеря работы одним из родителей, рождение ребёнка и даже переход на сокращённую рабочую неделю – сразу, почти без временно́го лага, снижает уровень жизни людей. По данным Росстата, 40% бедных – это дети в возрасте до 16 лет.

Нерешённой остаётся задача, поставленная в Концепции долгосрочного развития России до 2020 года, по увеличению доли среднего класса до 40 и более процентов населения. Эта цель актуальна и сейчас. Вопрос в том, какая модель экономики и экономического роста позволит её решить. Очевидно, что речь может идти об экономике высоких, а не низких зарплат, низкой, а не высокой безработицы. Выход видится не в торможении роста, а в его ускорении и повышении производительности труда. Динамичный рост предполагает использование макрофакторов производительности, ориентацию на серийность, а не на штучное производство, которые сильнее влияют на производительность, чем робототехника и автоматизация, при всей их востребованности.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПЕРЕХОДА К НОВОЙ ЭКОНОМИКЕ РАЗВИТИЯ

Сейчас можно с уверенностью говорить об исчерпании сложившейся модели развития, которая опирается на мощный бюджетный импульс и жёсткую денежно-кредитную политику, которая превратилась в один из ключевых барьеров роста. Возникшие дисбалансы противоречат не только задачам развития, но и задаче обеспечения устойчивости и динамизма военной экономики в условиях затяжного конфликта. Нарастающие бюджетные ограничения повышают спрос не только на более мягкую денежно-кредитную политику, но и на более активную, качественно иную роль институтов развития. Речь идёт о переходе к многоуровневой и многосекторной экономике вместо политики применения общих норм к различным секторам и субъектам. Государство должно наконец взять на себя часть рисков бизнеса по примеру облигационных займов компаний во времена царской России, которые гарантировались казначейством на срок до 80 лет и которыми, например, в значительной мере финансировалось строительство железных дорог. Сейчас механизм госгарантий практически не работает, так как государство отказывается брать на себя риск, что свидетельствует о недоверии бизнесу, включая компании с госучастием.

В качестве резерва главного командования следует рассматривать использование потенциала накопленных государственных сбережений в сочетании со стимулированием пенсионных накоплений населения и созданием защищённых механизмов их инвестирования.

Несмотря на обилие стратегий и стратегических решений, работающая система стратегического управления и поощрения инициативы так и не сформирована. Целесообразно повысить роль Министерства экономического развития в координации экономических процессов и изменить отношение к госпрограммам, превратив их из придатка бюджета в его основу, а бюджет – в инструмент реализации программного стратегического управления. По-видимому, как предлагают многие эксперты, необходимо выделить стратегическое управление в функцию отдельного агентства или надведомственного института, обособив его от оперативной управленческой текучки. В целях улучшения надведомственной координации фундаментальных и прикладных исследований следует пойти на воссоздание ГКНТ (или достройку Комиссии по научно-технологическому развитию Российской Федерации) с участием РАН. Научно-технологическая гонка в мире обостряет запрос на новую систему управления российской наукой и технологическими разработками, а также создание долгосрочного комплексного прогноза или группы прогнозов научно-технологического развития, которые сейчас отсутствуют в большинстве сфер деятельности.

Каковы бы ни были институциональные преобразования, они не дадут необходимого эффекта без укрепления доверия, ответственной свободы предпринимательства и созидательной инициативы профессиональных сообществ (врачи, учителя, инженеры, учёные, рабочие и крестьяне – творческий класс в широком смысле). Необходим разумный доверительный контроль и совместное созидание вместо фетиша мелочной избыточной регламентации (в том числе цифровой), презумпции вины и недоверия, когда органы правопорядка становятся барьером продуктивной деятельности, а боязнь ответственности парализует работу. В российском обществе, несмотря на все испытания и вызовы, есть огромный пока ещё не в полной мере раскрытый потенциал очищения и созидания, который может быть реализован и который превратит Россию в центр притяжения для всех людей доброй воли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Денежно-кредитная и бюджетная политика в России: особенности взаимодействия. Научный доклад ИНП РАН. М.: ИНП РАН, 2026.

   [Monetary and fiscal policy in Russia: interactions. Research report of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, 2026. (In Russ.)]

2. Unsal F., Franco G. Monetary Policy and Productivity: Unpacking Multifaceted Links. OECD Economics Department Working Papers. 2025, no. 1843. Paris: OECD Publishing. https://doi.org/10.1787/e1d617b2-en

3. Bernanke B.S., Gertler M. Inside the Black Box: The Credit Channel of Monetary Policy Transmission. Journal of Economic Perspectives. 1995, vol. 9, no. 4, pp. 27–48. https://doi.org/10.1257/jep.9.4.27.

4. Горюнов Е.Л., Дробышевский С.М., Мау В.А., Трунин П.В. Что мы (не) знаем об эффективности инструментов ДКП в современном мире? Вопросы экономики. 2021. № 2. С. 5–34. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-2-5-34

   [Goryunov E.L., Drobyshevsky S.M., Mau V.A., Trunin P.V. What do we (not) know about the effectiveness of monetary policy instruments in the modern world? Voprosy Ekonomiki. 2021, no. 2, pp. 5–34. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-2-5-34 (In Russ.)]

5. Blanchard O., Dell'Ariccia G., Mauro P. Rethinking Macroeconomic Policy. Journal of Money, Credit and Banking. 2010, vol. 42, suppl. 1, pp. 199–215. https://doi.org/10.1111/j.1538-4616.2010.00334.

6. Glazyev S.Yu., Sukharev O.S. Economic Growth and Monetary Policy in Russia. Journal of New Economy. 2025, vol. 26, no. 1, pp. 6–30. https://doi.org/10.29141/2658-5081-2025-26-1-1

7. Juhász R., Lane N., Rodrik D. The New Economics of Industrial Policy. Annual Review of Economics. 2024, vol. 16, pp. 213–242. https://doi.org/10.1146/annurev-economics-081023-024638

8. Christiano L., Eichenbaum M., Rebelo S. When Is the Government Spending Multiplier Large? Journal of Political Economy. 2011, vol. 119, no. 1, pp. 78–121. https://doi.org/10.1086/659312

9. Auerbach A.J., Gorodnichenko Y. Measuring the Output Responses to Fiscal Policy. American Economic Journal: Economic Policy. 2012, vol. 4, no. 2, pp. 1–27. https://doi.org/10.1257/pol.4.2.1

10. Ohanian L.E. The Macroeconomic Effects of War Finance in the United States: World War II and the Korean War. American Economic Review. 1997, vol. 87, no. 1, pp. 23–40. https://ideas.repec.org/a/aea/aecrev/v87y1997i1p23-40.html

11. Sargent T.J., Wallace N. Some Unpleasant Monetarist Arithmetic. Federal Reserve Bank of Minneapolis Quarterly Review. 1981, vol. 5, no. 3, pp. 1–17. https://www.minneapolisfed.org/research/quarterly-review/some-unpleasant-monetarist-arithmetic

12. Глазьев С.Ю. О таргетировании инфляции. Вопросы экономики. 2015. № 9. С. 124–135. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-9-124-135

    [Glazyev S.Yu. On inflation targeting. Voprosy Ekonomiki. 2015, no. 9, pp. 124–135. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-9-124-135 (In Russ.)]

13. Картаев Ф.С. Полезно ли инфляционное таргетирование для экономического роста? Вопросы экономики. 2017. № 2. С. 62–74. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-2-62-74

    [Kartaev F.S. Is Inflation Targeting Beneficial for Economic Growth? Voprosy Ekonomiki. 2017, no. 2, pp. 62–74. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-2-62-74 (In Russ.)]

14. Кудрин А.Л. Стабилизационный фонд: зарубежный и российский опыт. Вопросы экономики. 2006. № 2. С. 28–45. https://www.vopreco.ru

    [Kudrin A.L. The Stabilization Fund: Foreign and Russian Experience. Voprosy Ekonomiki. 2006, no. 2, pp. 28–45. https://www.vopreco.ru (In Russ.)]

15. Bianchi F., Melosi L. Inflation as a Fiscal Limit. Federal Reserve Bank of Kansas City, Jackson Hole Economic Policy Symposium Proceedings. 2022. https://www.kansascityfed.org/Jackson%20Hole/documents/9037/JH_Paper_Bianchi.pdf

16. Ершов М.В. Десять лет после глобального кризиса: риски и перспективы. Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 37–53. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-37-53

    [Ershov M.V. Ten Years After the Global Crisis: Risks and Prospects. Voprosy Ekonomiki. 2019, no. 1, pp. 37–53. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-37-53 (In Russ.)]

17. Bajaro D.F.E., Galimberti J.K., Qureshi I.A. Monetary Policy under Fiscal Stress: A Forward-Looking Analysis of Fiscal Dominance. Journal of Macroeconomics. 2025, vol. 86, art. 103701. https://doi.org/10.1016/j.jmacro.2025.103701

18. Blanchard O., Leigh D. Growth Forecast Errors and Fiscal Multipliers. American Economic Review. 2013, vol. 103, no. 3, pp. 117–120. https://doi.org/10.1257/aer.103.3.117
19. Гурвич Е.Т., Соколов И.А. Бюджетные правила: избыточное ограничение или неотъемлемый инструмент бюджетной устойчивости? Вопросы экономики. 2016. № 4. С. 5–29. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-4-5-29
[Gurvich E.T., Sokolov I.A. Fiscal Rules: Excessive Constraint or an Essential Instrument of Budget Stability? Voprosy Ekonomiki. 2016, no. 4, pp. 5–29. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-4-5-29 (In Russ.)]
20. Leigh D., et al. Monetary Policy Transmission to Lending Rates: Evidence from Brazil. IMF Working Paper. 2025, no. 2025/152. Washington, DC: International Monetary Fund.
21. Ивантер В.В. и др. Система мер по восстановлению экономического роста в России. Проблемы прогнозирования. 2018. № 1 (166). С. 3–9. https://ecfor.ru/publication/sistema-mer-po-vosstanovleniyu-ekonomicheskogo-rosta/ [Ivanter V.V. et al. A system of measures to restore economic growth in Russia. Studies on Russian Economic Development. 2018, no. 1 (166), pp. 3–9. https://ecfor.ru/publication/sistema-mer-po-vosstanovleniyu-ekonomicheskogo-rosta/ (In Russ.)]
22. Xu J., Marodon R., Ru X., Ren X., Wu X. What are Public Development Banks and Development Financing Institutions? Qualification Criteria, Stylized Facts and Development Trends. China Economic Quarterly International. 2021, vol. 1, no. 4, pp. 271–294. https://doi.org/10.1016/j.ceqi.2021.10.001
23. OECD. Pensions at a Glance 2025: OECD and G20 Indicators. Paris: OECD Publishing, 2025. https://doi.org/10.1787/e40274c1-en

С КАФЕДРЫ ПРЕЗИДИУМА РАН
FROM THE ROSTRUM OF THE RAS PRESIDIUM

DOI: 10.7868/S3034520026100033 Оригинальная статья

ВЫЗОВЫ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Б.И. Нигматулин[1,*], Р.И. Нигматулин[2,3,]**

[1]Институт проблем энергетики, 115035, Москва, Российская Федерация
[2]Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН, 117997, Москва, Российская Федерация
[3]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 119991, Москва, Российская Федерация
**E-mail: nb@geotar.ru*
***E-mail: nigmar@ocean.ru*

Аннотация. В статье на основе математического анализа, в том числе расчёта коэффициентов монетарной и относительной эффективности инвестиций и метода фазовых плоскостей, рассмотрены состояние и тенденции развития экономики России. Основное внимание уделено таким показателям, как ВВП, валовое накопление основного капитала и инвестиции в основной капитал. Сделан вывод о необходимости совершенствования экономического порядка, включая сокращение налогов с производства и бизнеса, существенное снижение цен на внутреннем рынке на отечественное сырьё и полусырьё, пересмотр системы налогообложения, перекрытие всех каналов вывоза капиталов за границу, преодоление аномальной коррупции. Это позволит поднять эффективность инвестиций, снизив их инфляционность, и увеличить ресурсы на инвестиции.

Ключевые слова: российская экономика, экономическая политика, ВВП, основной капитал, эффективность инвестиций

Финансирование. Статья подготовлена без дополнительного финансирования.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Авторы благодарят академика А.Г. Аганбегяна и члена-корреспондента РАН А.Р. Бахтизина за обсуждение материалов статьи.

Ссылка для цитирования: Нигматулин Б.И., Нигматулин Р.И. Вызовы российской экономики и экономическая политика. *Вестник РАН / Herald of the Russian Academy of Sciences.* 2026. Том 96. № 10. С. 855–868. https://doi.org/10.7868/S3034520026100033

Поступила в редакцию 12.05.2026
После доработки 10.06.2026
Принята к публикации 16.06.2026

НИГМАТУЛИН Булат Искандерович – член-корреспондент РАН, директор Института проблем энергетики, Москва, Российская Федерация, e-mail: nb@geotar.ru, https://orcid.org/0009-0007-9577-1594. НИГМАТУЛИН Роберт Искандерович – академик РАН, Научный руководитель ИО РАН, заведующий кафедрой механико-математического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, e-mail: nigmar@ocean.ru, https://orcid.org/0009-0004-1821-686X.

© Нигматулин Б.И., Нигматулин Р.И., 2026

С КАФЕДРЫ ПРЕЗИДИУМА РАН
FROM THE ROSTRUM OF THE RAS PRESIDIUM

DOI: 10.7868/S3034520026100033 Original article

CHALLENGES OF THE RUSSIAN ECONOMY AND ECONOMIC POLICY

B.I. Nigmatulin[1,*], R.I. Nigmatulin[2,3,]**

[1]*Institute of Energy Problems, Moscow, 115035, Russian Federation*
[2]*Shirshov Institute of Oceanology, Russian Academy of Sciences, Moscow, 117997, Russian Federation*
[3]*Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation*
**E-mail: nb@geotar.ru*
***E-mail: nigmar@ocean.ru*

Abstract. This article examines the state and development trends of the Russian economy using mathematical analysis, including the calculation of monetary and relative investment efficiency coefficients and the phase plane method. It focuses on indicators such as GDP, gross fixed capital formation, and fixed capital investment. It concludes that it is necessary to improve the economic order, including reducing taxes on production and business, significantly lowering domestic prices for domestic raw materials and semi-raw materials, revising the tax system, closing all channels for capital outflows, and combating rampant corruption. This will improve investment efficiency, reduce inflation, and increase resources for investment.

Keywords: Russian economy, economic policy, GDP, fixed capital, investment efficiency

Funding. This article was prepared without additional funding.

Conflict of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Acknowledgments. The authors thank academician A.G. Aganbegyan and corresponding member of the Russian Academy of Sciences A.R. Bakhtizin for their discussion of the article.

For citation: Nigmatulin B.I., Nigmatulin R.I. Challenges of the Russian economy and economic policy. *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk / Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2026, vol. 96, no. 10, pp. 855–868. (In Russ.) https://doi.org/10.7868/S3034520026100033

Received May 12, 2026
Revised June 10, 2026
Accepted June 16, 2026

NIGMATULIN Bulat I.– Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Energy Problems, Moscow, Russian Federation, e-mail: nb@geotar.ru, https://orcid.org/0009-0007-9577-1594. NIGMATULIN Robert I. – Academician of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Oceanology of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of the Faculty of Mechanics and Mathematics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, e-mail: nigmar@ocean.ru, https://orcid.org/0009-0004-1821-686X.

© Nigmatulin B.I., Nigmatulin R.I., 2026

В оценке экономики России со стороны руководителей экономического блока Правительства РФ преобладают положительные высказывания. В статье представлены предостережения о надвигающемся кризисе и предложены меры по его преодолению.

СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

За 13 лет – с 2012 по 2025 г. – ВВП России вырос на 21%, то есть в среднем на 1.5% в год, в то время как потребительские цены увеличились в 2.4 раза (в среднем на 7.1% в год) [1]. В нашей стране самые низкие среди крупных европейских стран подушевые доходы населения, причём в самых бедных регионах России они ниже, чем в бедных регионах Китая. У нас самая высокая среди европейских стран смертность населения, а ожидаемая продолжительность жизни на 10 лет меньше. В 2024–2025 гг. естественная убыль населения составила 0.6 млн человек в год, и в ближайшие годы этот показатель существенно не изменится. Если бы смертность сохранялась на том же уровне, что в РСФСР, то естественная убыль населения в эти годы была бы на 30% ниже (0.4 млн человек в год).

Вопреки сложившимся убеждениям продолжается разрушение производительных сил страны (табл. 1). Подорваны критические условия для суверенного производства машин, подорвана и научная сфера. По числу учёных, отнесённых на численность населения, Россия скатилась на 26 место среди 28 развитых стран.

С 2012 г. в начале каждого нового президентского цикла (май 2012, 2018, 2024 гг.) публикуются так называемые майские указы Президента РФ “О национальных целях развития Российской Федерации” на следующий шестилетний период. Однако по основным экономическим показателям майские указы ни 2012 г., ни 2018 г. не были выполнены; нет предпосылок и к тому, что будет выполнен майский указ 2024 г. Причём невыполнение президентских указов никак не обсуждается ни руководством страны, ни общественностью, а основные их показатели переносятся на следующий период.

Уже треть века у нас говорится о необходимости “слезть с сырьевой или нефтегазовой иглы”. Формально за последние три года *доля* переработки сырья у нас увеличилась, однако это произошло не за счёт увеличения переработки для гражданской сферы, а за счёт сокращения производства сырья на экспорт из-за санкций и увеличения военного сектора экономики. Росту перерабатывающих отраслей и аграрного производства препятствуют высокие цены на топливо, энергию и другие полусырьевые товары из-за порочной налоговой политики.

Чтобы преодолеть сложившуюся в стране бедность, ВВП необходимо увеличить как минимум в 1.5 раза. При среднегодовом темпе роста ВВП в 1.5%, какой наблюдается на протяжении 17 лет (после 2008 г.), достижение этой цели потребует 30 лет! За четыре года (2022–2025) благодаря государственным инвестициям в военную сферу среднегодовой темп роста ВВП повысился до 2.2%. Но в 2026 г. началось снижение этого показателя (на 0.3% в первом квартале по сравнению с первым кварталом 2025 г.). О начавшемся падении ВВП свидетельствует как объявленный в марте 2026 г. секвестр госбюджета на 10%, так и образовавшийся к маю 2026 г. дефицит федерального бюджета в 5.9 трлн руб., то есть расходы (17.6 трлн руб.) оказались примерно в 1.5 раза больше доходов (11.7 трлн)[2]. При этом глава Минфина РФ заявил, что в 2026 г. дефицит бюджетов регионов может достичь 1.9 трлн руб., а объём госдолга субъектов Федерации уже составляет 3.5 трлн[3]. Плюс рекордный дефицит фонда пенсионного и социального страхования, равный 1.2 трлн руб.[4], который обеспечивает выплаты 40 млн российских пенсионеров[5]. С такими темпами эти дефициты могут достигнуть 10–12 трлн. Поэтому неизбежны существенные сокращения расходов государственного бюджета.

В условиях санкций для компенсации указанных дефицитов могут быть использованы только внутренние источники, в частности, сокращение государственных инвестиций, приостановка дорогих строек (многие из которых неэффективны), остатки ФНБ, золотовалютных резервов и доходов с банковских депозитов, которые до этого использовались для кредитов, чтобы инвестировать в экономику. Именно доходы депозитов под давлением Правительства через облигации государственных займов могут быть направлены на покрытие дефицитов вместо инвестирования. А значит, нет оснований надеяться, что в 2027–2028 гг. экономика РФ будет расти, что позволило бы решать нарастающие социальные проблемы, связанные с бедностью значительной части населения, обеспечением здравоохранения, образования, науки и культуры. В этих условиях повысится вероятность социально-экономического кризиса, угрожающего авторитету и стабильности государства.

Чтобы обеспечить рост ВВП, далее обозначаемый через G (руб. в год), необходимо увеличивать вложения в экономику, в частности валовое накопление основного капитала (ВНОК) или инвестиции в основной капитал (ИОК). Так как разница между ежегодными темпами относительного изменения ВНОК и ИОК незначительна, то далее они будут обозначаться как ИОК [1], а ежегодные затраты на них – через C (руб. в год).

[1] Цифровые данные по России основаны на статистике Росстата, а для других стран – на данных Мирового банка.

[2] Минфин России. Предварительная оценка исполнения федерального бюджета за январь–апрель 2026 года. 08.05.2026. https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=40345-predvaritelnaya_otsenka_ispolneniya_federalnogo_byudzheta_za_yanvar-aprel_2026_goda

[3] Силуанов заявил о риске роста дефицита региональных бюджетов. https://www.forbes.ru/finansy/559958-siluanov-zaavil-o-riske-rosta-deficita-regional-nyh-budzetov

[4] Данные Счётной палаты РФ. https://ach.gov.ru/upload/iblock/b80/r6og02f5c70arn2ze4hmnotmqdh5o4q6/Operdoklad-IV-2025-SFR.pdf

[5] Минфин России. Предварительная оценка исполнения федерального бюджета за январь–март 2026 года. 08.04.2026. https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=40280-predvaritelnaya_otsenka_ispolneniya_federalnogo_byudzheta_za_yanvar-mart_2026_goda

Таблица 1. Динамика численности работников ряда отраслей народного хозяйства и науки России, млн человек
Table 1. Dynamics of the number of employees in a number of sectors of the Russian national economy and science, million people

	1990	1999	2025
Численность работников в машиностроении	9.8	4.0	0.44
Численность работников в лёгкой промышленности	2.3	1.0	0.30
Численность исследователей	1.0	0.43	0.34
Численность курьеров			1.5
Численность охранников			0.7

Доля ВВП, затрачиваемая на инвестиции, называется капиталоёмкостью ВВП в году t и обозначается $\alpha_C(t)$:

$$\alpha_C(t) = \frac{C(t)}{G(t)}. \tag{1.1}$$

Чтобы капиталоёмкость α_C увеличивалась, рост инвестиций в основной капитал должен опережать рост ВВП. В России, как и в экономически развитых странах, $\alpha_C \approx 20\%$, однако в развивающихся странах капиталоёмкость выше: в Южной Корее, Индии, Турции, Иране она равна $\simeq 30\%$, в Китае (2024) $\simeq 40\%$, а в 2025 г. $\simeq 37\%$.

Однако, помимо роста инвестиций, важна отдача от них, их эффективность.

ЧИСЛОВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНВЕСТИЦИЙ

Для измерения эффективности инвестиций в работах [1, 2] предложены коэффициенты монетарной и относительной эффективности инвестиций. Коэффициент монетарной эффективности инвестиций η_C определяется отношением монетарного прироста ВВП за время $t - \Delta t$ до t, отнесённым к монетарному приросту ИОК за это же время:

$$\eta_C(t-\Delta t,t) = \frac{\Delta G(t-\Delta t,t)}{\Delta C(t-\Delta t,t)}, \tag{2.1}$$

$$\Delta G(t-\Delta t,t) = G(t) - G(t-\Delta t),$$

$$C(t-\Delta t,t) = C(t) - C(t-\Delta t).$$

Коэффициент относительной эффективности инвестиций η_C определяется отношением относительного прироста ВВП за время с $t - \Delta t$ до t к относительному приросту ИОК за это же время:

$$\overline{\eta}_C(t-\Delta t,t) = \frac{\overline{\Delta C}(t-\Delta t,t)}{\overline{\Delta C}(t-\Delta t,t)}, \tag{2.2}$$

$$\overline{\Delta G}(t-\Delta t,t) = \frac{\Delta G(t-\Delta t,t)}{G(t-\Delta t)},$$

$$\overline{\Delta C}(t-\Delta t,t) = \frac{\Delta C(t-\Delta t,t)}{C(t-\Delta t)}.$$

Коэффициент $\overline{\eta}_C$ равен относительному приросту ВВП в процентах, приходящемуся на 1% прироста ИОК за время от $t - \Delta t$ до t. Коэффициенты η_C и $\overline{\eta}_C$ связаны между собой через капиталоёмкость:

$$\eta_C(t-\Delta t,t) = \frac{1}{\alpha_C(t-\Delta t)}\overline{\eta}_C(t-\Delta t,t). \tag{2.3}$$

Для измерения неэффективности инвестиций, или их инфляционности, авторами работ [1–3] предложены коэффициенты базовой и потребительской инфляционности инвестиций $\overline{k}$ и $\overline{k}_{\text{H}}$. Они определяются отношением относительного прироста цен по всей корзине ВВП $\overline{\Delta\Phi}$ (дефлятор ВВП) или относительного прироста потребительских цен $\overline{\Delta\Phi}_{\text{H}}$[6] (через индекс потребительских цен) за время $t - \Delta t$ до t к относительному приросту ИОК за это же время:

$$\overline{k}(t-\Delta t,t) = \frac{\overline{\Delta\Phi}(t-\Delta t,t)}{\overline{\Delta C}(t-\Delta t,t)},$$

$$\overline{k}_{\text{H}}(t-\Delta t,t) = \frac{\overline{\Delta\Phi}_{\text{H}}(t-\Delta t,t)}{\overline{\Delta C}(t-\Delta t,t)}. \tag{2.4}$$

Параметры η_C и $\overline{\eta}_C$ аналогичны коэффициентам полезного действия (КПД), а параметры $\overline{k}$ и $\overline{k}_{\text{H}}$ – коэффициентам диссипации энергии в термодинамике и энергетике.

Как и в случае (2.1), можно рассмотреть эффективность прироста широкой денежной массы М3 (наличные деньги, чеки, вклады) как отношение монетарного (рублёвого) или относительного прироста ВВП за время $t - \Delta t$ до t к монетарному ΔM или относительному $\overline{M}$ приросту этой массы за то же время:

$$\eta_{\text{M}} = \frac{\Delta G(t-\Delta t,t)}{\Delta M(t-\Delta t,t)},$$

$$\overline{\eta}_{\text{M}}(t-\Delta t,t) = \frac{\overline{\Delta G}(t-\Delta t,t)}{\overline{\Delta M}(t-\Delta t,t)}. \tag{2.5}$$

Введённые в (2.1), (2.2), (2.4) и (2.5) параметры соответствуют конечно-разностному дифференцированию на фазовых плоскостях CG, $C\overline{G}$, $C\overline{\Phi}$, $C\overline{\Phi}_{\text{H}}$, MG и $M\overline{G}$ вдоль построенных временны́х траекторий для каждой страны, с шагом $\Delta t = 1$ год [1, 2]:

[6] Индекс Н соответствует Households.

$$\frac{\Delta G}{\Delta C} \to \frac{\mathrm{d}G}{\mathrm{d}C}, \quad \frac{\overline{\Delta G}}{\overline{\Delta C}} \to \frac{\mathrm{d}\bar{G}}{\mathrm{d}\bar{C}}, \quad \frac{\Delta \Phi}{\overline{\Delta C}} \to \frac{\mathrm{d}\Phi}{\overline{\mathrm{d}C}}, \quad \frac{\mathrm{d}\bar{\Phi}_{\mathrm{H}}}{\mathrm{d}\bar{C}} \to \frac{\overline{\Delta \Phi}_{\mathrm{H}}}{\overline{\Delta C}},$$
$$\frac{\Delta G}{\Delta M_3} \to \frac{\mathrm{d}G}{\mathrm{d}M_3}, \quad \frac{\overline{\Delta G}}{\overline{\Delta M}_3} \to \frac{\mathrm{d}\bar{G}}{\overline{\mathrm{d}M}_3}. \tag{2.6}$$

При этом следует иметь в виду два обстоятельства.

Первое связано с тем, что ВВП и инфляция являются функциями многих аргументов, в том числе порой и неизмеримых, например, сложившихся в стране традиций, особенностей территории. Измеримые факторы – доля госрасходов, социальных расходов, расходов на образование, науку и здравоохранение, параметры налогообложения, объём денежных агрегатов, электроёмкость ВВП, уровень образования в школах и вузах, уровень коррупции и т.д. При дифференцировании функций многих аргументов, каковой, в частности, является функция $\bar{G}$, используются частные производные, в том числе $\partial\bar{G}/\partial\bar{C}$, когда приращение функции (в данном случае $\bar{G}$) вычисляется при изменении одного аргумента (в данном случае $\bar{C}$) на фоне фиксированных значений всех остальных аргументов. При математическом моделировании используются и так называемые *субстанциональные производные* вдоль "траектории" каждой страны, на которой все параметры изменяются в соответствии с *фактическим* развитием экономики *этой* страны (что отражается в статистических данных). Такие субстанциональные производные обозначаются как $\mathrm{d}\bar{G}/\mathrm{d}\bar{C}$ и именно они имеются в виду в (2.6).

Второе обстоятельство связано с тем, что конечные разности, в частности $\bar{G}$ и $\bar{C}$, равны приросту ВВП и ИОК за $\Delta t = 1$ год. Этот прирост составляет несколько процентов, то есть мал. Однако погрешности при вычислении самих $\bar{G}(t)$ и $\bar{C}(t)$ не являются многократно меньшими. Отсюда наряду с колебаниями $\bar{G}$ и $\bar{C}$, отражающими действительные колебания относительных темпов изменения, они имеют значительные погрешности, так как вычисляются из статистических данных. На графике по годам они имеют зигзагообразный характер, в том числе из-за погрешностей (рис. 1 и 2). Такой же зигзагообразный характер имеют и конечноразностные производные в (2.1)–(2.2), (2.3)–(2.5). Это обстоятельство возникает при дифференцировании экспериментальных данных во многих разделах науки.

На рисунке 1 показаны годовые темпы изменения ВВП и инвестиций в основной капитал в России в период 1971–2023 гг. (по данным Росстата), а на рисунке 2 – то же для мира в целом (по данным Мирового банка). Как видим, ежегодный темп роста (падения) ИОК практически всегда сопровождается ежегодным темпом роста (падения) ВВП, причём максимуму темпа роста ИОК соответствует максимум темпа роста ВВП.

В годы роста инвестиций ($C > 0$) обычно имеет место экономический рост ($G > 0$), а в годы их спада ($C < 0$) – снижение ВВП ($G < 0$, кризис). Для обоих таких режимов значения коэффициентов эффективности инвестиций положительные ($\overline{\eta}_C > 0$, $\eta_C > 0$), но смысл положительных значений коэффициентов $\overline{\eta}_C(t)$

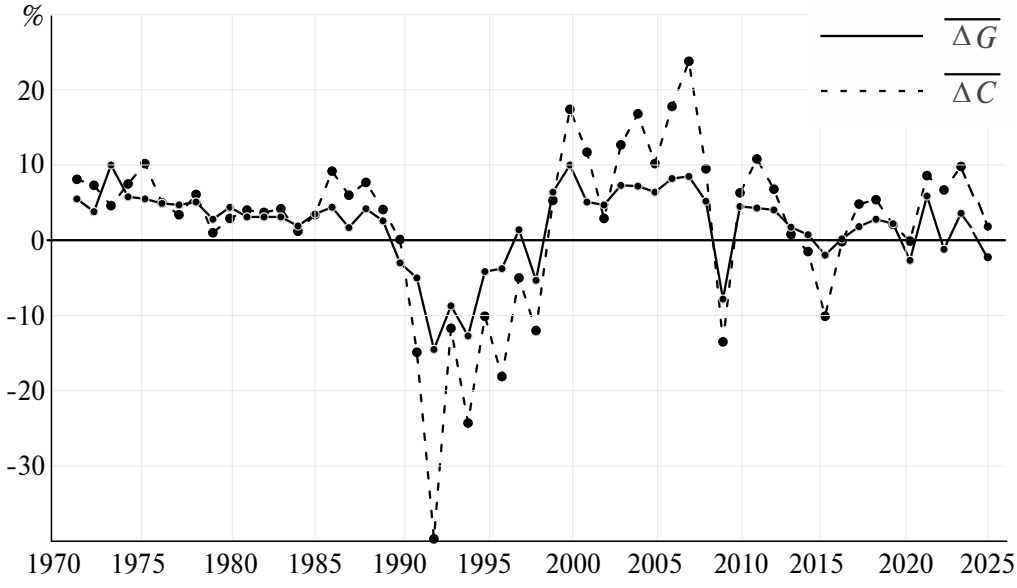

Рис. 1. Относительные годовые темпы изменения ВВП и ИОК в России
Fig. 1. Relative annual rates of change in GDP and investments in fixed assets in Russia

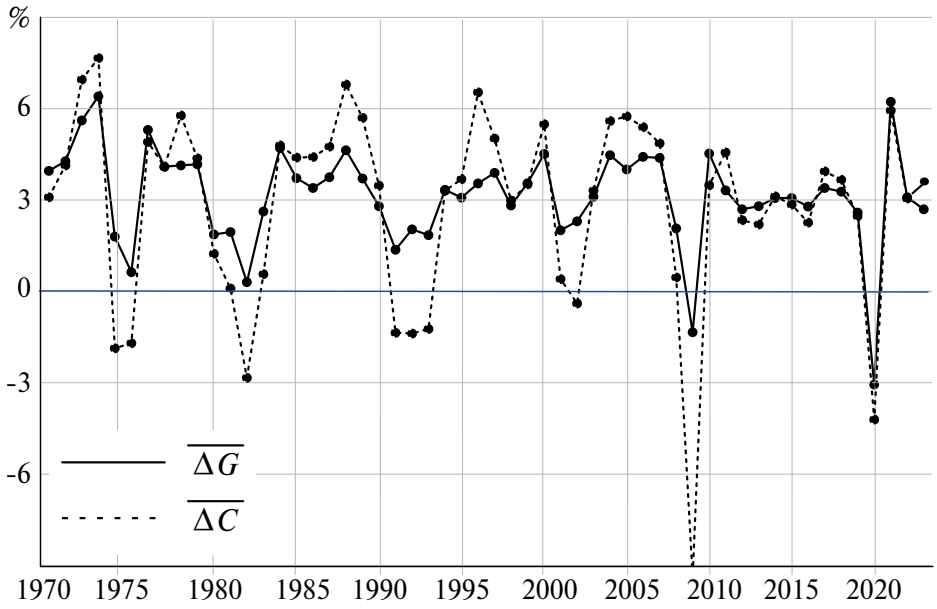

Рис. 2. Относительные годовые темпы изменения ВВП и ИОК в мире в целом
Fig. 2. Relative annual rates of change in GDP and investments in fixed assets in the world as a whole

и $\eta_C(t)$ в годы экономического роста и спада совершенно разный, так как в годы роста и спада экономические механизмы работают по-разному. Поэтому коэффициенты эффективности инвестиций $\overline{\eta}_C$ и η_C должны рассматриваться отдельно в годы роста ВВП и в годы его сокращения.

Отрицательный темп относительного изменения ИОК практически всегда приводит к отрицательному темпу относительного изменения ВВП. В России после 2008 г. такая ситуация сложилась в следующие годы:

- 2009 г. ($\overline{\Delta C} = -13.5\%, \overline{\Delta G} = -7.8\%$),
- 2015 г. ($\overline{\Delta C} = -10.1\%, \overline{\Delta G} = -2.0\%$),
- 2020 г. ($\overline{\Delta C} = -0.1\%, \overline{\Delta G} = -2.7\%$). (2.7)

Однако в отдельные годы при падении ИОК ($\overline{\Delta C} < 0$) происходил рост ВВП ($\Delta G \geq 0$), но это случалось редко и при малых значениях ΔC и ΔG. В России, согласно Росстату, после 2000 г. это случалось дважды (см. рис. 1) и в третий раз, по предварительным данным, в 2025 г.:

- 2014 г. ($\overline{\Delta C} = -1.5\%, \overline{\Delta G} = +0.7\%$),
- 2016 г. ($\overline{\Delta C} = -0.2\%, \overline{\Delta G} = +0.2\%$),
- 2025 г. (предварительным данные[7]:
$\overline{\Delta C} = -2.3\%, \overline{\Delta G} = +1.0\%$). (2.8).

А в 2022 г., несмотря на значительный прирост ИОК в связи с началом СВО, произошло падение ВВП – видимо из-за того, что значительная часть средств, направленных в военную сферу, не успела сработать:

- 2022 г. ($\overline{\Delta C} = 6.7\%, \overline{\Delta G} = -1.2\%$). (2.9)

Чтобы проверить данные Росстата за 2025 г., рассчитаем среднюю (averaged) антиэффективность инвестиций $\overline{\eta}_C^{av-}$ (чему будет соответствовать верхний индекс $-$) для приведённых выше кризисных лет (когда хотя бы прирост инвестиций или прирост ВВП были отрицательными), равную сумме приростов ВВП, отнесённой к сумме приростов ИОК в кризисные 5 лет, без 2022 г., который был особым из-за начала СВО, и без сомнительного 2025 г.:

$$\overline{\eta}_C^{av-} \frac{\overline{\Delta G}(2009) + \overline{\Delta G}(2014) + \overline{\Delta G}(2015) + \overline{\Delta G}(2016) + \overline{\Delta G}(2020)}{\overline{\Delta C}(2009) + \overline{\Delta C}(2014) + \overline{\Delta C}(2015) + \overline{\Delta C}(2016) + \overline{\Delta C}(2020)} = \frac{-11.5}{-25.4} = 0.45. \quad (2.10)$$

Отсюда в 2025 г. из-за падения ИОК ($\overline{\Delta C} = -2.3\%$) наиболее вероятным было падение ВВП, равное

$$\overline{\Delta G} = \overline{\eta}_C^{av-} \times \overline{\Delta C}(2025) = 0.45 \times (-2.3\%) \approx -1\%, \quad (2.11)$$

а не рост $\overline{\Delta G} = +1.0\%$, который указывает Росстат по первой оценке в феврале 2026 г., которая приведена выше в (2.8)[8].

[7] Росстат оценил в +1.0% рост ВВП РФ в 2025 г. после +4.9% в 2024 г. https://www.interfax.ru/business/1071513
[8] Уточнённая оценка обещана Росстатом в феврале 2027 г.

Чтобы избавиться от зигзагообразности производных, можно использовать локально осреднённые значения приростов, например, в диапазонах $3\Delta t$ с шагом $\Delta t = 1$ год:

$$\overline{\Delta f}^{\,\mathrm{av}}\left(t, t+3\Delta t\right) = \frac{1}{3}\left[\overline{\Delta f}\left(t-2\Delta t, t-\Delta t\right) + \overline{\Delta f}\left(t-\Delta t, t\right) + \overline{\Delta f}\left(t, t+\Delta t\right)\right], \tag{2.12}$$

$$\overline{f} = \left(\overline{G}, \overline{C}, \overline{\Phi}, \overline{\Phi}_{\mathrm{H}}, \overline{M}\right).$$

Именно эти локально осреднённые приросты можно использовать для определения относительной эффективности и инфляционности инвестиций, а также эффективности монетарности:

$$\overline{\eta}_C^{\mathrm{av}}\left(t, t+3\Delta t\right) = \frac{\overline{\Delta G}^{\mathrm{av}}\left(t, t+3\Delta t\right)}{\overline{\Delta C}^{\mathrm{av}}\left(t, t+3\Delta t\right)}, \qquad \overline{k}^{\,\mathrm{av}}\left(t, t+3\Delta t\right) = \frac{\overline{\Delta\Phi}^{\mathrm{av}}\left(t, t+3\Delta t\right)}{\overline{\Delta C}^{\mathrm{av}}\left(t, t+3\Delta t\right)},$$

$$\overline{k}_H^{\mathrm{av}}\left(t, t+3\Delta t\right) = \frac{\overline{\Delta\Phi}_{\mathrm{H}}^{\mathrm{av}}\left(t, t+3\Delta t\right)}{\overline{\Delta C}^{\mathrm{av}}\left(t, t+3\Delta t\right)}, \qquad \overline{\eta}_M^{\mathrm{av}}\left(t, t+3\Delta t\right) = \frac{\overline{\Delta G}^{\mathrm{av}}\left(t, t+3\Delta t\right)}{\overline{\Delta M}^{\mathrm{av}}\left(t, t+3\Delta t\right)}. \tag{2.13}$$

Для определения осреднённой эффективности следует исключить данные за редкие кризисные годы с отрицательным приростом ВВП ($\Delta G < 0$). Эти годы следует анализировать отдельно. Осреднённая эффективность в годы роста ВВП ($\overline{\Delta G} > 0$) будет обозначаться в отличие от (2.10) как $\overline{\eta}_C^{\mathrm{av}+}$.

На рисунке 3 показаны ежегодные $\overline{\eta}_C\left(t\right)$ и среднегодовые $\overline{\Delta\eta}_C^{\mathrm{av}+}\left(t, t+\left(3 \div 5\right)\Delta t\right)$ коэффициенты относительной эффективности инвестиций в России за 26 лет (1999–2025). Видно, что на всём этом периоде в бескризисные годы ($\overline{\Delta G} > 0$) разброс среднегодовых (с локальным осреднением на $\left(3 \div 5\right)\Delta t$ ($\Delta t = 1$ год) значений коэффициента относительной эффективности инвестиций относительно его среднего значения

$$\overline{\eta}_C^{\mathrm{av}+}\left(1999, 2025\right) = 0.59 \tag{2.14}$$

составляет ± 10% на всём диапазоне в 26 лет. Исключение составляет четырёхлетний диапазон 2005–2008 гг., в котором значение этого коэффициента существенно ниже:

$$\overline{\eta}_C^{\mathrm{av}+}\left(2005, 2008\right) = 0.46. \tag{2.15}$$

Дело в том, что в этом и только в этом диапазоне ежегодные темпы относительного роста инвестиций в основной капитал имели очень высокие значения – в интервале 10–24% (см. рис. 1). Однако они оказались существенно менее эффективными, хотя именно в 2006–2007 гг. из всего периода 1992–2025 гг. ввоз капитала из-за границы превышал его вывоз [3].

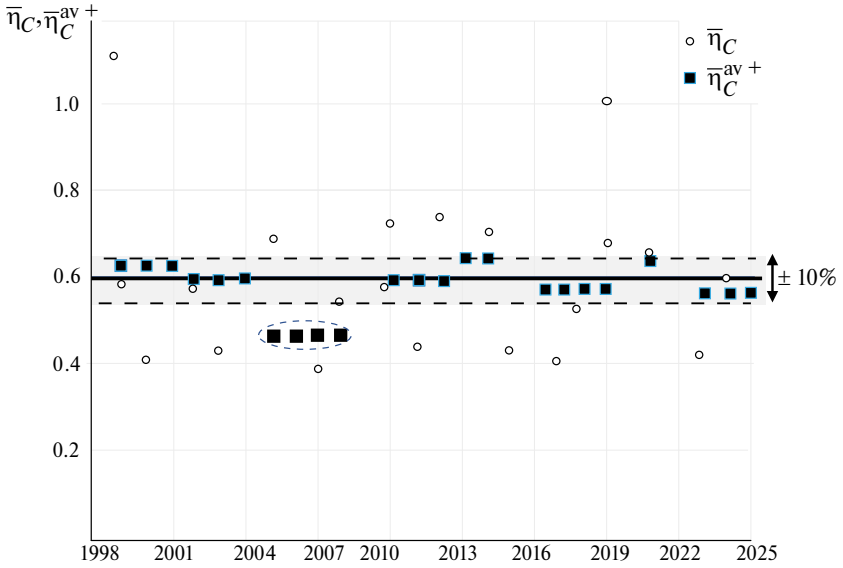

Рис. 3. Эффективность инвестиций в бескризисные годы

Fig. 3. Investment efficiency in crisis-free years

Наряду с (2.1), (2.2) и (2.4) для среднегодовых коэффициентов эффективности и инфляционности инвестиций, а также эффективности монетарных приростов можно использовать среднегодовые (среднегеометрические [1]) приросты ВВП, ИОК и широкой денежной массы М3:

$$\dot{\bar{\eta}}_C^{\text{av}}(t-\Delta t,t)=\frac{\dot{\overline{\Delta G}}^{\text{av}}}{\dot{\overline{\Delta C}}^{\text{av}}},\quad \dot{\bar{k}}_{\text{H}}^{\text{av}}(t-\Delta t,t)=\frac{\dot{\overline{\Delta \Phi_{\text{H}}}}^{\text{av}}}{\dot{\overline{\Delta C}}^{\text{av}}},\quad \dot{\bar{k}}_M^{\text{av}}(t-\Delta t,t4)=\frac{\dot{\overline{\Delta G_{\text{H}}}}^{\text{av}}}{\dot{\overline{\Delta M}}_{\text{H}}^{\text{av}}},$$
$$\dot{\overline{\Delta G}}^{\text{av}}=\sqrt[\Delta t]{\frac{G(t)}{G(t-\Delta t)}},\quad \dot{\overline{\Delta C}}^{\text{av}}=\sqrt[\Delta t]{\frac{C(t)}{C(t-\Delta t)}},\quad \dot{\overline{\Delta M}}^{\text{av}}=\sqrt[\Delta t]{\frac{M(t)}{M(t-\Delta t)}}. \tag{2.16}$$

На рисунке 4 представлены среднегодовые коэффициенты эффективности инвестиций $\bar{\eta}_C^{\text{av}+}$ в бескризисные годы ($\Delta G>0$) – с 2008 по 2023 г. – для 17 представительных стран Европы, Азии, США и России, рассчитанные в работах [1–3].

В Индии, Австралии, новых странах ЕС крупные инвестиции имели место в 2006–2008 гг., а эффект от них сказался после 2008 г. В частности, в Польше прирост вложений составил $\overline{\Delta C}(2006–2008)=49\%$, а прирост ВВП за те же три года – всего $\overline{\Delta G}(2006, 2008)=18\%$. Но в последующие два года, несмотря на мировой кризис 2009 г. и сокращение инвестиций ($\overline{\Delta C}(2009, 2010)=-6.9\%$), инвестиционный импульс позволил получить прирост ВВП $\overline{\Delta G}(2009–2010)=5.9\%$. Поэтому для новых стран ЕС, в том числе Польши, а также Индии и Австралии диапазон для определения среднегодового коэффициента эффективности инвестиций $\bar{\eta}_C^{\text{av}+}$ был расширен на три года (2006–2023).

Видно, что Россия существенно уступает всем указанным странам по эффективности инвестиций. Исключение составляет Саудовская Аравия, у которой, как и у России, важнейшей составляющей макроэкономики (ВВП) является экспорт сырья (нефти).

3. МЕТОД ФАЗОВЫХ ПЛОСКОСТЕЙ

На рисунках 5 и 6 представлены фазовые плоскости $\overline{C}\overline{G}$ и $\overline{C}\overline{\Phi}_{\text{H}}$ для России, Польши, США и Китая в период $\Delta t=12$ лет (2012–2024). Для каждой из стран нанесён прямоугольник с высотой, равной относительному приросту ВВП $\overline{\Delta G}(2012-2024)$ (рис. 5) или приросту потребительской инфляции $\Delta\Phi_{\text{H}}(2012-2024)$ (рис. 6), с шириной, равной относительному приросту инвестиций $\overline{\Delta C}(2012, 2024)$ относительно 2012 г. Таким образом, для каждой страны размеры прямоугольников показывают рост в процентах за 12 лет, во-первых, рост ВВП и ИОК (на плоскости $\overline{C}\overline{G}$ – рис. 5), во-вторых, рост потребительской

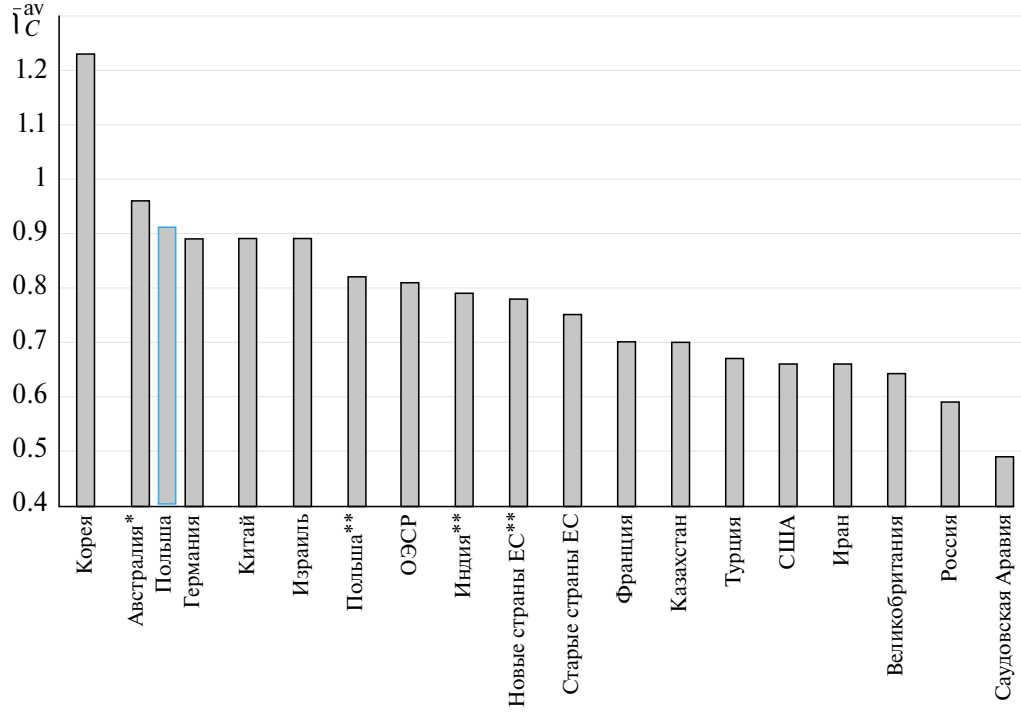

Рис. 4. Среднегодовые коэффициенты эффективности инвестиций для 19 стран
Fig. 4. Average annual investment performance rates for 19 countries

инфляции (потребительских цен) и ИОК (на плоскости $\bar{C}\bar{\Phi}_{\text{H}}$ – рис. 6) относительно 2012 г. Углы наклонов диагоналей этих прямоугольников (штриховые линии) соответствуют средней за 12 лет эффективности инвестиций $\bar{\eta}_C$ (см. (2.2) и рис. 5) и их средней инфляционности $\bar{k}_{\text{H}}$ (см. (2.4) и рис. 6):

$$\bar{\eta}_C\,(2012, 2024) = \frac{\bar{G}\,(2024) - \bar{G}\,(2012)}{\bar{C}\,(2024) - \bar{C}\,(2012)}, \quad \bar{k}_{\text{H}}\,(2012, 2024) = \frac{\bar{\Phi}_{\text{H}}\,(2024) - \bar{\Phi}_{\text{H}}\,(2012)}{\bar{C}\,(2024) - \bar{C}\,(2012)} \tag{3.1}$$

для соответствующих стран.

На рисунках 5 и 6 в прямоугольниках для рассматриваемых стран показаны соответствующие траектории $\bar{C}\bar{G}$ (рис. 5) и $\bar{C}\bar{\Phi}_{\text{H}}$ (рис. 6) с шагом $\Delta t = 1$ год. На рисунке 5 на прямоугольнике России в фазовой плоскости $\bar{C}\bar{G}$ нанесён маленький прямоугольник тонкими линиями, в котором находится часть траектории за восемь лет – с 2012 по 2020 г. На эти восемь лет приходится снижение инвестиций на 10% и их восстановление к 2020 г. с приростом ВВП на 5% по сравнению 2012 г. А почти всё увеличение инвестиций (38%) и основной рост ВВП (20%−5% = 15%) относительно 2012 г. пришлись на последующие четыре года – с 2020 по 2024 г. – как следствие государственных инвестиций на проведение СВО. Поэтому увеличение ВВП на 15% из 20% лишь в очень небольшой мере было обеспечено производством товаров гражданского назначения. Таким образом, если бы не потребовалось обеспечивать СВО, то относительный прирост ИОК и ВВП в России в 2012–2024 гг. был бы в 2 раза ниже – с приростом ВВП $\overline{\Delta G} \approx 10\%$, а не 20% и с приростом ИОК, равным $\overline{\Delta C} \approx 20\%$, а не 38%. Этот прямоугольник показан штриховыми линиями.

В таблице 2 для России даны среднегодовые (среднегеометрические) темпы относительного роста ИОК, ВВП и потребительской инфляции $\overline{\dot{\Delta C}}$, $\overline{\dot{\Delta G}}$, $\overline{\dot{\Delta\Phi}_{\text{H}}}$ в соответствии с (2.13). Приведены также соответствующие им коэффициенты относительной эффективности инвестиций $\bar{\eta}_C$ и потребительской инфляционности инвестиций $\bar{k}_{\text{H}}$, а также доли кризисных лет φ, когда $\Delta G < 0$.

Таким образом, из рисунков 5, 6 и таблицы 2 следует, что в России за рассматриваемый 12-летний период (2012–2024) относительный прирост ИОК меньше:

- в 1.42 раза, чем в Польше,
- в 1.34 раза, чем в США,
- в 2.34 раза, чем в Китае.

При этом относительный прирост ВВП в России меньше:

- в 2.5 раза, чем в Польше,
- в 1.7 раз, чем в США,
- в 5.2 раза, чем в Китае.

Эта ситуация обусловлена не только меньшим объёмом инвестиций, но и их более низкой эффективностью ($\dot{\bar{\eta}}_C = 0.53$ и $\overline{\Delta\eta}_{\text{H}}^{\text{av}} = 0.56$). Они меньше и менее эффективны:

- в 1.75 и 1.64 раз, чем в Польше,
- в 1.26 и 1.27 раза, чем в США,
- в 2.2 и 2.0 раза, чем в Китае.

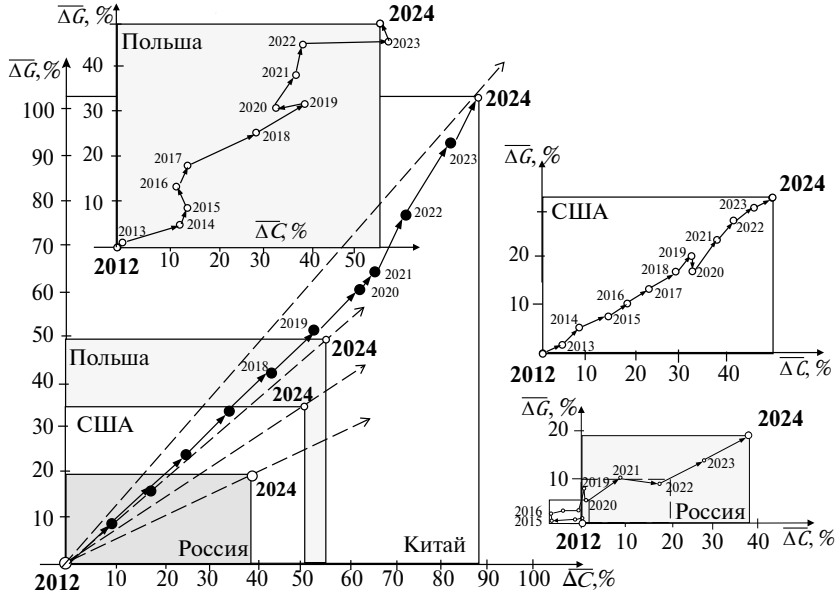

Рис. 5. Фазовая плоскость $\bar{C}\bar{G}$ для России, Польши, США и Китая

Fig. 5. Phase plane $\bar{C}\bar{G}$ for Russia, Poland, USA and China

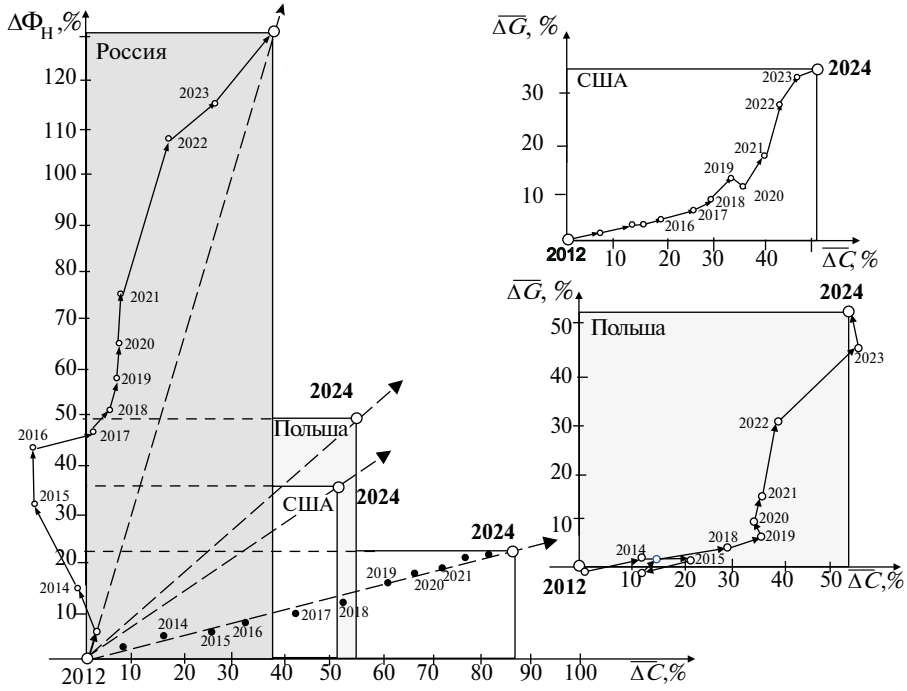

Рис. 6. Фазовая плоскость $\bar{C}\bar{\Phi}_{Н}$ для России, Польши, США и Китая
Fig. 6. Phase plane $\bar{C}\bar{\Phi}_{Н}$ for Russia, Poland, USA and China

В России, по сравнению с Польшей, США и Китаем, при самом низком относительном приросте ИОК и самом малом коэффициенте относительной эффективности инвестиций отмечаются самые высокие среднегодовые коэффициенты базовой (по всей корзине ВВП) и потребительской инфляционности инвестиций. Так, в 2012–2024 гг. средний за 12 лет коэффициент потребительской инфляционности инвестиций равен $\bar{k}_{Н} = 3.4$, а среднегодовой $\bar{k}_{Н}^{av} = 2.7$. Это значит, что в этом диапазоне в среднем на 1% в год относительного прироста инвестиций прирост потребительской инфляции составляет в среднем 2.7% в год. Именно поэтому в России за 2012–2024 гг. потребительские цены выросли в 2.3 раза (в среднем на 7.2% в год), или на 131%, что

- в 2.5 раза больше, чем в Польше,
- в 3.5 раза, чем в США,
- почти в 6 раз, чем в Китае.

Заметим, что высокая инфляционность в России согласуется с низкой безработицей в соответствии с так называемой кривой Филипса [4]. Но главное не в этом, а в плохо организованном экономическом порядке, непрофессиональных кадрах социально-экономического блока и коррупции.

4. СУММАРНЫЕ РЕЙТИНГИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНВЕСТИЦИЙ ДЛЯ МИРА И РОССИИ

В работах [1–3] для 49 относительно крупных (больше 9 млн населения) развитых и развивающихся стран вместе с четырьмя агломерациями (мир в целом, ОЭСР, старые страны ЕС (Еврозона), новые страны ЕС) для двух диапазонов (1996–2008 и 2008–2023 гг.) рассмотрены следующие восемь параметров:

- среднегодовые темпы роста ВВП $\overline{\Delta G}^{av}$;
- среднегодовые коэффициенты монетарной и относительной эффективности инвестиций η_{C}^{av+} и $\bar{\eta}_{C}^{av+}$ (в годы роста ВВП);
- среднегодовые коэффициенты базовой и потребительской инфляционности инвестиций $\bar{k}^{av+}$ и $\bar{k}_{Н}^{av+}$ (в годы роста ВВП);
- среднегодовые коэффициенты монетарной и относительной эффективности широкой денежной массы М3 η_{M}^{av+} и $\bar{\eta}_{M}^{av+}$;
- доли кризисных ($\overline{\Delta G} < 0$) лет φ.

По каждому такому параметру все 53 экономических субъекта получали рейтинг R_i ($i = 1, 2, \ldots, 8$) по принципу чем больше рейтинг, тем хуже. Для России в диапазоне 2008–2023 гг. в годы роста ВВП ($\Delta G > 0$) все эти параметры с рейтингами в соответствии с [1–3] приведены в таблице 3.

На рисунке 7 показаны суммарные рейтинги для каждого из 53 субъектов

$$R = R_1 + R_2 + \cdots + R_8. \qquad (4.1)$$

Видно, что в этом экономическом многоборье по эффективности экономики Россия во втором диапазоне (2009–2023 гг., в годы роста ВВП) занимает 51 место из 53 стран и агломераций. Аналогичное место она занимала и в первом диапазоне (1996–2008). Из таблицы 3 следует, что в 2009–2023 гг. в годы роста ВВП среднегодовой коэффициент базовой инфляционности составил $\bar{k}^{av+} = 2.0$, а потребительской $\bar{k}_{Н}^{av+} = 1.25$,

Таблица 2. Темпы относительного роста вложений в основной капитал, ВВП и потребительской инфляции в России, 2012–2024 гг.

Table 2. Relative growth rates of fixed capital investment, GDP, and consumer inflation in Russia, 2012–2024

	Россия	Польша	США	Китай
Прирост инвестиций (ИОК) за 12 лет $\overline{\Delta C}(2012-2024)=\frac{C(2024)-C(2012)}{C(2012)},\%$	38	54	51	89
Среднегодовой темп роста ИОК, % в год $\dot{\overline{C}}^{av}=\left(\frac{C(2024)}{C(2012)}\right)^{1/12}-1$	2.7	3.7	3.5	5.4
Прирост ВВП за 12 лет $\overline{\Delta G}(2012-2024)=\frac{G(2024)-G(2012)}{G(2012)},\%$	20	50	34	103
Среднегодовой темп роста ВВП, % в год $\dot{\overline{\Delta G}}^{av}=\left(\frac{C(2024)}{C(2012)}\right)^{1/12}-1$	1.5	3.4	2.5	6.1
Потребительская инфляция за 12 лет $\bar{\Phi}_{H}(2024-2012)=\bar{\Phi}_{H}(2024)-\bar{\Phi}_{H}(2012),\%$	131	52	37	22
Среднегодовая потребительская инфляция, % в год $\dot{\overline{\Delta\Phi}}_{H}^{av}=\left(\frac{\bar{\Phi}_{H}(2024)}{\bar{\Phi}_{H}(2012)}\right)^{1/12}-1$	7.2	3.6	2.7	1.7
Средний коэффициент относительной эффективности инвестиций за 12 лет $\overline{\eta}_{C}(2012-2024)=\frac{G(2024)-G(2012)}{C(2024)-C(2012)}$	0.53	0.93	0.67	1.16
Среднегодовой коэффициент относительной эффективности инвестиций $\dot{\overline{\eta}}_{C}^{av}(2012-2024)=\frac{\dot{\overline{\Delta G}}^{av}}{\dot{\overline{\Delta C}}^{av}}$	0.56	0.92	0.71	1.13
Средний коэффициент потребительской инфляционности инвестиций за 12 лет $\overline{k}_{H}(2012-2024)=\frac{\bar{\Phi}_{H}(2024)-\bar{\Phi}_{H}(2012)}{C(2024)-C(2012)}$	3.4	0.96	0.72	0.25
Среднегодовой коэффициент потребительской инфляционности инвестиций $\dot{\overline{k}}_{H}^{av}(2012-2024)=\frac{\dot{\overline{\Delta\Phi}}_{H}^{av}}{\dot{\overline{\Delta C}}^{av}}$	2.7	0.97	0.77	0.31
Доля кризисных лет φ, %	25	8	8	0

Таблица 3. Показатели экономической эффективности и рейтинги России по этим показателям, 2008–2023 гг.
Table 3. Russia's economic performance indicators and their ratings, 2008–2023

$\overline{\Delta G} = 1.4\%$	$\eta_C = 2.7$	$\overline{\eta}_C^{av+} = 0{,}59$	$\dot{\bar{k}}^{av+} = 2.0$	$\dot{\bar{k}}_H^{av+} = 1.25$	$\eta_M^{av+} = 0.35$	$\overline{\eta}_M^{av+} = 0.19$	$\varphi = 0.27$
$R_1 = 40$	$R_2 = 38$	$R_3 = 45$	$R_4 = 48$	$R_5 = 48$	$R_6 = 48$	$R_7 = 51$	$R_8 = 42$

то есть в бескризисные годы в среднем на 1% относительного прироста инвестиций в год увеличение базовой инфляции достигало в среднем 2% в год в год, а потребительской инфляции – 1.25% в год. Но с включением кризисных лет в диапазоне с 2012 по 2024 г. среднегодовой коэффициент потребительской инфляции оказался гораздо бóльшим: $\bar{k}_H^{av} = 2.7$ (см. табл. 2). Иначе говоря, в среднем на 1% относительного прироста инвестиций в год прирост потребительской инфляции составлял в среднем 2.7% в год.

5. ОПТИМАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ПРИРОСТА ИНВЕСТИЦИЙ

Очевидно, что обеспечение экономического роста предполагает увеличение инвестиций (повышение капиталоёмкости α_C) на фоне повышения их эффективности и снижения их инфляционности хотя бы до уровня новых стран Европы. Чтобы основная часть населения России преодолела бедность и приблизилась к доходам населения европейских стран хотя бы через 10 лет, необходимо обеспечить прирост ВВП в 1.5 раза, то есть

$$\overline{\Delta G}(2026, 2036) = 1.5. \qquad (5.1)$$

А это требует среднегодовых темпов относительного роста ВВП:

$$\dot{\overline{\Delta G}}^{av} = 1.5^{1/10} - 1 = 4\% \text{ в год}, \qquad (5.2)$$

что соответствует майскому Указу Президента РФ 2024 г.[9] Таким образом, среднегодовые темпы относительного роста ВВП должны в 2.7 раза превышать нынешние (1.5% в год) (см. табл. 2). При существующем экономическом порядке в России в стадии роста ВВП (см. табл. 3):

$$\overline{\eta}_C^{av+} \approx 0.59, \quad \dot{\bar{k}}^{av+} \approx 2.0, \quad \dot{\bar{k}}_H^{av+} = 1.25, \quad \varphi = 25\% \quad (5.3)$$

и в соответствии с (2.1) для $\ddot{\overline{G}} = 4\%$ в год необходимо обеспечить среднегодовой темп роста ИОК:

$$\dot{\overline{\Delta C}}^{av} = \frac{\overline{\Delta G}}{\dot{\overline{\eta}}_C^{+}} = \frac{4\%/\text{год}}{0.59} = 6.8 \text{ в год}, \qquad (5.4)$$

что в 1.4 раза больше по сравнению с $\dot{\overline{\Delta C}} = 4.9\%$ в год, как это было до сих пор (см. табл. 2) в бескризисные годы ($\overline{\Delta G} > 0$). В соответствии с (2.4) среднегодовой темп относительного роста ИОК, равный 6.8% в год, приведёт к бóльшим ежегодным приростам базовой и потребительской инфляции:

$$\dot{\overline{\Delta\Phi}}_H^{av} = \dot{\bar{k}}^{av+}\dot{\overline{\Delta C}}_1 = 2.0 \times 6.8 = 13.6 \text{ в год},$$
$$\dot{\overline{\Delta\Phi}}_H = \dot{\bar{k}}_H^{av}\dot{\overline{\Delta C}}_1 = 1.25 \times 6.8 = 8.5 \text{ в год}. \qquad (5.5)$$

Таким образом, для России при нынешнем экономическом порядке рост ВВП (5.2), соответствующий майскому Указу Президента РФ, будет иметь своим следствием сильную инфляцию. Такая инфляция через 10 лет приведёт к росту базовых цен в ВВП в $(1 + 0.136)^{10} = 3.6$ раза, а потребительских цен в $(1 + 0.085)^{10} = 2.25$ раза. И это без учёта утяжеляющей нагрузки на экономику СВО и постоянно нарастающих экономических санкций западных стран.

Отсюда следует принципиальный вывод: чтобы достичь умеренного экономического роста ($\dot{\overline{\Delta G}} = 4\%$ в год), соответствующего Указу Президента 2024 г. и позволяющего преодолеть бедность народа России хотя бы через 10 лет, необходимо кардинально усовершенствовать экономический порядок и поднять профессиональный уровень руководителей экономического блока Правительства, регионов, госкорпораций и акционерных обществ с госучастием. Нужно, чтобы с ростом инвестиций одновременно повышалась их эффективность и снижалась инфляционность, хотя бы до уровня новых стран ЕС (Польша, Чехия, Словакия, Словения, Венгрия, Латвия, Литва, Эстония):

$$\dot{\overline{\eta}}_C^{av+} \simeq 0.8, \quad \dot{\bar{k}}^{av+} \simeq 1.0, \quad \dot{\bar{k}}_H^{av+} \simeq 1.0, \quad \varphi = 8\%. \quad (5.6)$$

А тогда для $\overline{\Delta G}_1 = 4\%$ в год будет необходим прирост инвестиций

$$\dot{\overline{\Delta C}}^{av} = \frac{\overline{\Delta G}}{\dot{\overline{\eta}}_C^{av+}} = \frac{4\%/\text{год}}{0.8} = 5.0 \text{ в год}, \qquad (5.7)$$

что в 1.36 раза меньше, чем $\overline{\Delta G}_1 . = 6.8\%$ в год при нынешнем экономическом порядке (5.4). При этом средняя инфляция в год будет равна

$$\dot{\overline{\Delta\Phi}}^{av} = \dot{\bar{k}}^{av+}\overline{\Delta C} = 1.0 \times 5.0 = 5.0\% \text{ в год},$$
$$\dot{\overline{\Delta\Phi}}_H^{av} = \dot{\bar{k}}_H^{av+}\overline{\Delta C} = 0.75 \times 5.0 = 5\% \text{ в год}, \qquad (5.8)$$

что в 2.7 раза меньше, чем $\ddot{\overline{\Phi}}^{av} = 13.6\%$ в год и в 2.1 раза меньше, чем $\dot{\overline{\Delta\Phi}}_H^{av} = 8.5\%$ в год, как это было бы нужно при нынешнем экономическом порядке (5.5). В случае дальнейшего повышения эффективности инвестиций и уменьшения их инфляционности можно добиться инфляции ниже 4% в год, к чему стремится руководство ЦБ.

[9] Указ Президента РФ "О национальных целях РФ на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года" от 7 мая 2024 г.

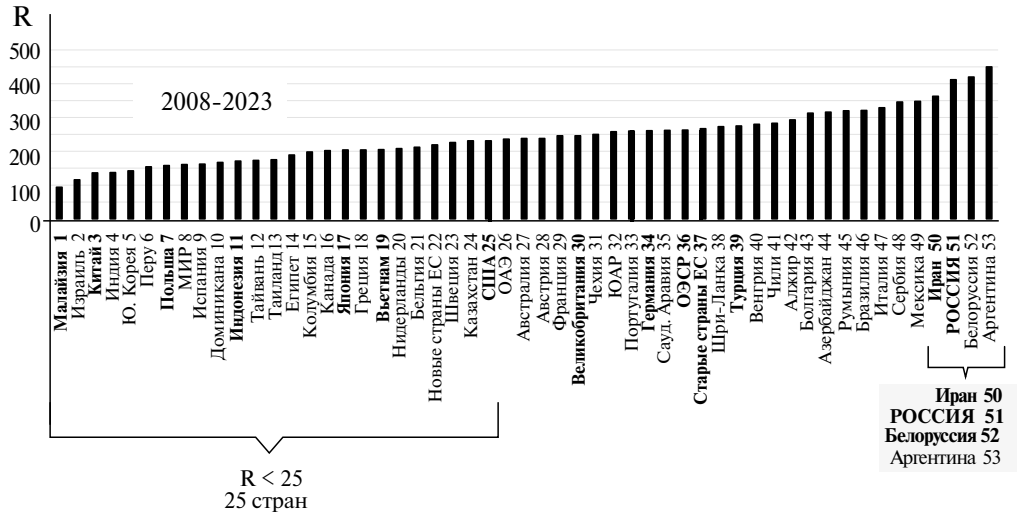

Рис. 7. Суммарные рейтинги 53 стран и агломераций
Fig. 7. Total ratings of 53 countries and agglomerations

6. НЕОБХОДИМЫЕ РЕФОРМЫ

Все приведённые выше цифры наряду с данными таблицы 1, которые свидетельствуют о существенном снижении научно-исследовательского потенциала и разрушающемся технологическом суверенитете страны, убеждают в том, что сложившийся социально-экономический порядок и низкое качество управления в стране становятся опасным для *устойчивости* государства, власти Президента РФ в условиях "усталости" от войны, аномального расслоения общества и аномальной коррупции. Про эту коррупцию глава Следственного комитета РФ сказал: "Дальше просто ехать некуда". Российская академия наук обязана предупредить и убедить Президента РФ и общество об опасности надвигающегося кризиса.

Необходимо срочно заняться *ремонтом* экономики, а не завышать ключевую ставку ЦБ, которая без серьёзных реформ, в том числе и в системе подбора кадров в экономическом блоке страны, не только бессмысленна, но и вредна, так как снижает инфляцию лишь незначительно, но подавляет инвестиции и экономический рост без шансов на позитивную перспективу.

Во-первых, для такого ремонта экономики следует привлекать новые профессиональные кадры с созидательным опытом для руководства экономическим блоком в Администрации Президента, Правительстве, Государственной думе, Совете Федерации, госкорпорациях, акционерных обществах с госучастием и регионах.

Во-вторых, необходимо кардинально совершенствовать социально-экономический порядок по следующим направлениям.

1. Следует *восстановить систему кредитов для инвестиций*, отказавшись от завышенной ключевой ставки ЦБ.

2. Нужно *перестроить сложившуюся неповоротливую налоговую систему* (она ориентирована на сборы с того, с чего легче собирать) и громоздкую финансовую отчётность, которые тормозят производство товаров и услуг.

Население РФ составляет 145 млн, что в 2.2 раза меньше, чем в США (330 млн). А численность бухгалтеров у нас достигает 3.5 млн (данные РСПП и ВШЭ), что больше, чем в США (3.1 млн, по данным статистики США). Аналогично соотношение числа сотрудников налоговых служб: в РФ около 120 тыс. (данные ФНС РФ), а в США около 90 тыс. (данные ФНС США). Эти цифры характеризуют неэффективную работу финансового и налогового блоков Правительства РФ.

3. В связи с застоем в экономическом росте следует *сокращать налоги с производства и бизнеса*. Об этом свидетельствует мировой опыт экономического развития (в частности, команды президента США Д. Рейгана в 1980-х годах) и экономическая теория.

4. За счёт *пересмотра акцизов и налогов* необходимо добиться существенного снижения цен на отечественное сырьё и полусырьё, топливо, электроэнергию, чёрные и цветные металлы, удобрения и т.д. на *внутреннем рынке*. Цены на них следует приблизить к их себестоимости. Это будет стимулировать перерабатывающие отрасли с высокой добавленной стоимостью, развитие транспорта, аграрного сектора и т.д. В этом случае доходы бюджета будут компенсироваться за счёт увеличения налогооблагаемой базы благодаря росту экономики.

5. Нужно кратно *снизить налоги* на ту часть прибыли, которая идёт на инвестиции, навести порядок в сборе НДС, который должен быть упрощён и существенно уменьшен. Это также будет стимулировать рост экономики с расширением налоговой базы.

6. Надо пересмотреть подход к налогообложению *малого и среднего предпринимательства* (МСП), значительно снизив его бремя. Вклад МСП в ВВП в течение 2–3 лет должен быть увеличен с 20 до 30%, а далее до 40–50% ВВП и более. В США, ЕС, Китае и многих

других странах он составляет 50–75%. В первую очередь нужно отменить увеличение налоговой нагрузки на МСП, принятое в 2025 г.

7. Следует вообще *отменить налоги с семей*, в которых подушевые доходы равны или ниже прожиточного минимума, а также семей, в которых воспитываются трое и более детей (как это сделано в странах Европы и Северной Америки).

8. Все перечисленные сокращения налогов надо переложить на налоги с *очень высоких доходов физических лиц*, на богатую собственность и наследства в соответствии с *мировыми стандартами*. В результате доля налогов с физических лиц (НДФЛ) в консолидированном бюджете страны должна вырасти с 12% до 40–50%, как в странах ЕС и Северной Америки.

9. Следует существенно повысить *налоги с доходов от финансовых спекуляций*. В 1960–1970-е годы в США такие налоги доходили до 92%.

10. Необходимо *закрыть все каналы вывоза капиталов за границу*, в том числе при экспорте сырья, за исключением оплаты импорта.

11. Министерства и госкорпорации должны восстановить в своей структуре *опорные проектные и научно-исследовательские институты*. Все стратегические решения и проекты должны быть санкционированы этими институтами с участием экспертов Академии наук и университетов. Отбор инвестиционных проектов должен осуществляться на основе открытой конкуренции и экспертизы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

1. Нигматулин Б.И., Нигматулин Р.И. Дифференцирование, эффективность и инфляционность в экономической теории. *Доклады Академии наук. Математика, информатика, процессы управления*. 2025. Т. 522. С. 76 – 80.

   [Nigmatulin B.I., Nigmatulin R.I. Differentiation, efficiency, and inflation in economic theory. *Reports of the Academy of Sciences. Mathematics, informatics, management processes*. 2025, vol. 522, pp. 76–80. (In Russ.)]

2. Нигматулин Б.И., Нигматулин Р.И. Макроэкономика России и мира. Т. 1. Инвестиционная и монетарная эффективность. М.: Литера, 2025.

   [Nigmatulin B.I., Nigmatulin R.I. *Macroeconomics of Russia and the World*. Vol. 1. Investment and Monetary Efficiency. Moscow: Litera, 2025. (In Russ.)]

3. Нигматулин Б.И., Нигматулин Р.И. Эффективность и инфляционность инвестиций в России и других странах мира. Необходимые условия экономического роста в России. *Российский экономический журнал*. 2026. № 3 (в печати).

   [Nigmatulin B.I., Nigmatulin R.I. Efficiency and inflation of investments in Russia and other countries. Necessary conditions for economic growth in Russia. *Russian Economic Journal*. 2026, no. 3 (in print). (In Russ.)]

4. Hazell J., Herreno J., Nakamura E., Steinsson J. The slope of the Phillips curve: evidence from U.S. States. *The Quarterly Journal of Economics*. 2022, vol. 137, is. 3, pp.1299–1341.

ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ
ECOLOGICAL PROBLEMS

DOI: 10.7868/S3034520026100041 Оригинальная статья

ИНВАЗИОННЫЕ ЧУЖЕРОДНЫЕ ВИДЫ: НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ И ПРИОРИТЕТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

А.Б. Петровский[1,*], А.Н. Решетников[1], Л.А. Хляп[1], А.С. Шестаков[2], А.В. Суров[1], В.В. Рожнов[1], А.А. Котов[1], О.В. Морозова[3], Н.Н. Дергунова[1], Ф.А. Осипов[1], В.Г. Петросян[1], С.В. Найденко[1]

[1]Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, 119071, Москва, Российская Федерация
[2]Центр морских исследований МГУ имени М.В. Ломоносова, 119607, Москва, Российская Федерация
[3]Институт географии Российской академии наук, 119017, Москва, Российская Федерация
**E-mail: a.petrovskiy@sev-in.ru*

Аннотация. Представлен комплексный анализ текущего состояния научных, правовых и организационных аспектов регулирования инвазивных (инвазионных) чужеродных видов (ИЧВ) в Российской Федерации с учётом международного опыта. Природное разнообразие и обширность территории страны обусловливают повышенную уязвимость экосистем к биологическим инвазиям, поэтому необходим переход от фрагментарного реагирования к превентивной, риск-ориентированной и адаптивной модели регулирования, основанной на экосистемном подходе. В качестве методологической основы такой модели использован набор ключевых критериев системного воздействия для оценки влияния ИЧВ на структуру и функции экосистем, биоразнообразие, здоровье населения и экономику. Предложены подходы к совершенствованию нормативно-правовой базы, системы управления, мониторинга и раннего обнаружения ИЧВ, по усилению контроля и механизмов ответственности. Определены основные направления действий для двух этапов (до 2030 и 2036 гг.) реализации Национальной стратегии сохранения и устойчивого использования компонентов биологического разнообразия в Российской Федерации, направленные на формирование интегрированной системы экологической безопасности, включая аспекты биобезопасности. Реализация предложенного подхода позволит снизить долгосрочные экологические и социально-экономические угрозы и их последствия, повысить устойчивость экосистем и обеспечить сохранение биологического разнообразия.

Ключевые слова: биологические инвазии, сохранение биоразнообразия, национальная стратегия, экологическая безопасность, правовое регулирование

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственных заданий ИПЭЭ РАН “Экспертно-аналитическое сопровождение деятельности, связанной с выполнением обязательств Российской Федерации в соответствии с Конвенцией о биологическом разнообразии” (№ FFER-2026-0005) и “Фундаментальные основы охраны живой природы и рационального природопользования” (№ FFER-2024-0022), ИГ РАН “Биогеографические оценки состояния окружающей среды как основа её территориальной охраны и рационального использования биоресурсов” (№ FMWS-2026-0002) и при частичной финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 24-14-00025, проект “Устойчивое развитие городов – современные вызовы: анализ эволюционных трендов и адаптаций индикаторных видов животных к урбоценозам”).

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Все авторы внесли равный вклад в концепцию, написание и редактирование рукописи, а также одобрили финальную версию для публикации.

© Петровский А.Б., Решетников А.Н., Хляп Л.А., Шестаков А.С., Суров А.В., Рожнов В.В., Котов А.А., Морозова О.В., Дергунова Н.Н., Осипов Ф.А., Петросян В.Г., Найденко С.В., 2026

Ссылка для цитирования: Петровский А.Б., Решетников А.Н., Хляп Л.А., Шестаков А.С., Суров А.В., Рожнов В.В., Котов А.А., Морозова О.В., Дергунова Н.Н., Осипов Ф.А., Петросян В.Г., Найденко С.В. Инвазионные чужеродные виды: научные основы и приоритеты регулирования. *Вестник РАН / Herald of the Russian Academy of Sciences.* 2026. Том 96. № 10. С. 869–882. https://doi.org/10.7868/S3034520026100041

Поступила в редакцию 04.05.2026
После доработки 20.05.2026
Принята к публикации 01.06.2026

ПЕТРОВСКИЙ Андрей Борисович – научный сотрудник ИПЭЭ РАН, Москва, Российская Федерация, e-mail: a.petrovskiy@sev-in.ru, https://orcid.org/0000-0003-1866-1379. РЕШЕТНИКОВ Андрей Николаевич – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник ИПЭЭ РАН, Москва, Российская Федерация, e-mail: anreshetnikov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6545-2257. ХЛЯП Людмила Айзиковна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник ИПЭЭ РАН, Москва, Российская Федерация, e-mail: khlyap@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7698-5887. ШЕСТАКОВ Александр Сергеевич – кандидат географических наук, главный эксперт управления экологии Центра морских исследований МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, e-mail: a.s.shestakov@googlemail.com, https://orcid.org/0000-0002-1364-1240. СУРОВ Алексей Васильевич – член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией сравнительной этологии и биокоммуникации, заместитель директора по науке ИПЭЭ РАН, Москва, Российская Федерация, e-mail: allocricetulus@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-2030-8910. РОЖНОВ Вячеслав Владимирович – академик РАН, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией поведения и поведенческой экологии млекопитающих ИПЭЭ РАН, Москва, Российская Федерация, e-mail: rozhnov-v-2015@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2142-0763. КОТОВ Алексей Алексеевич – член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник ИПЭЭ РАН, Москва, Российская Федерация, e-mail: alexey-a-kotov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8863-6438. МОРОЗОВА Ольга Васильевна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории биогеографии ИГ РАН, Москва, Российская Федерация, e-mail: olvasmor@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2950-351X. ДЕРГУНОВА Наталья Николаевна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник ИПЭЭ РАН, Москва, Российская Федерация, e-mail: dergunova@sev-in.ru, https://orcid.org/0000-0002-7935-114X. ОСИПОВ Фёдор Алексеевич – кандидат биологических наук, научный сотрудник ИПЭЭ РАН, Москва, Российская Федерация, e-mail: osipov_feodor@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0904-1752. ПЕТРОСЯН Варос Гарегинович – доктор биологических наук, главный научный сотрудник, заведующий кабинетом биоинформатики и моделирования биологических процессов ИПЭЭ РАН, Москва, Российская Федерация, e-mail: vgpetrosyan@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-7483-5102. НАЙДЕНКО Сергей Валериевич – член-корреспондент РАН, директор ИПЭЭ РАН, Москва, Российская Федерация, e-mail: snaidenko@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6400-5108.

ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ
ECOLOGICAL PROBLEMS

DOI: 10.7868/S3034520026100041 Original article

INVASIVE ALIEN SPECIES: SCIENTIFIC BASIS AND MANAGEMENT PRIORITIES

A.B. Petrovskiy[1,*], A.N. Reshetnikov[1], L.A. Khlyap[1], A.S. Shestakov[2], A.V. Surov[1], V.V. Rozhnov[1], A.A. Kotov[1], O.V. Morozova[3], N.N. Dergunova[1], F.A. Osipov[1], V.G. Petrosyan[1], S.V. Naidenko[1]

[1]A.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution, Russian Academy of Sciences, 119071, Moscow, Russian Federation
[2]Marine Research Center, Lomonosov Moscow State University, 119607, Moscow, Russian Federation
[3]Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, 119017, Moscow, Russian Federation
**E-mail: a.petrovskiy@sev-in.ru*

Abstract. This paper presents a comprehensive analysis of the current state of scientific, legal, and organizational aspects of regulating invasive alien species (IAS) in the Russian Federation, taking into account international experience. The country's natural diversity and vast territory make ecosystems highly vulnerable to biological invasions, necessitating a transition from a fragmented response to a preventive, risk-based, and adaptive regulation model based on an ecosystem approach. This model is based on a set of key systemic impact criteria for assessing the impact of IAS on the structure and functions of ecosystems, biodiversity, public health, and the economy. Approaches are proposed for improving the regulatory framework, management systems, monitoring, and early detection of IAS, strengthening control, and enhancing accountability mechanisms. Key action areas are identified for the two stages (2030 and 2036) of implementing the National Strategy for the Conservation and Sustainable Use of Biological Diversity in the Russian Federation, aimed at establishing an integrated system of environmental safety, including aspects of biosafety. The implementation of the proposed approach will reduce long-term environmental and socio-economic threats and their consequences, enhance the resilience of ecosystems, and ensure the conservation of biological diversity.

Keywords: biological invasions, biodiversity conservation, national strategy, environmental safety, legal regulation

Funding. The work was carried out within the framework of the state assignments of the Institute of Ecology and Evolution of the Russian Academy of Sciences "Expert and Analytical Support for Activities Related to the Fulfillment of the Obligations of the Russian Federation in Accordance with the Convention on Biological Diversity" (No. FFER-2026-0005) and "Fundamental Principles of Wildlife Conservation and Rational Nature Management" (No. FFER-2024-0022), and the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences "Biogeographical Assessments of the State of the Environment as a Basis for Its Territorial Protection and Rational Use of Bioresources" (No. FMWS-2026-0002) and partially supported by Russian Science Foundation (grant No. 24-14-00025, project "Sustainable Urban Development – Contemporary Challenges: Analysis of Evolutionary Trends and Adaptation of Indicator Animals to Urban Area").

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Author contributions. All authors contributed equally to the conception, writing, and editing of the manuscript and approved the final version for publication.

For citation: Petrovskiy A.B., Reshetnikov A.N., Khlyap L.A., Shestakov A.S., Surov A.V., Rozhnov V.V., Kotov A.A., Morozova O.V., Dergunova N.N., Osipov F.A., Petrosyan V.G., Naidenko S.V. Invasive alien species: scientific basis and management priorities. *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk / Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2026, vol. 96, no. 10, pp. 869–882. (In Russ.) https://doi.org/10.7868/S3034520026100041

Received May 04, 2026
Revised May 20, 2026
Accepted June 01, 2026

© Petrovskiy A.B., Reshetnikov A.N., Khlyap L.A., Shestakov A.S., Surov A.V., Rozhnov V.V., Kotov A.A., Morozova O.V., Dergunova N.N., Osipov F.A., Petrosyan V.G., Naidenko S.V., 2026

PETROVSKIY Andrey B. – Research Associate, A.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, e-mail: a.petrovskiy@sev-in.ru, https://orcid.org/0000-0003-1866-1379. RESHETNIKOV Andrey N. – Ph.D. in Biology, Leading Researcher, A.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, e-mail: anreshetnikov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6545-2257. KHLYAP Lyudmila A. – Ph.D. in Biology, Senior Scientific Researcher, A.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, e-mail: khlyap@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7698-5887. SHESTAKOV Alexander S. – Ph.D. in Geography, Chief Expert, Ecology Department, Lomonosov State University Marine Research Center, Moscow, Russian Federation, e-mail: a.s.shestakov@googlemail.com, https://orcid.org/0000-0002-1364-1240. SUROV Alexey V. – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doc. Sc. (Biology), Chief Researcher, Head of the Laboratory of Comparative Ethology and Biocommunication, Deputy Director for Science, A.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, e-mail: allocricetulus@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-2030-8910. ROZHNOV Viatcheslav V. – Academician of the Russian Academy of Sciences, Doc. Sc. (Biology), Chief Researcher, Head of the Laboratory of Behavior and Behavioral Ecology of Mammals, A.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, e-mail: rozhnov-v-2015@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2142-0763. KOTOV Alexey A. – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doc. Sc. (Biology), Chief Researcher, A.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, e-mail: alexey-a-kotov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8863-6438. MOROZOVA Olga V. – Ph.D. in Geography, Leading Researcher, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, e-mail: olvasmor@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2950-351X. DERGUNOVA Natalia N. – Ph.D. in Biology, Senior Scientific Researcher, A.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, e-mail: dergunova@sev-in.ru, https://orcid.org/0000-0002-7935-114X. OSIPOV Fedor A. – Ph.D. in Biology, Research Associate, A.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, e-mail: osipov_feodor@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0904-1752. PETROSYAN Varos G. – Doc. Sc. (Biology), Chief Researcher, Head of the Center for Bioinformatics and Modeling of Biological Processes, A.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, e-mail: vgpetrosyan@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-7483-5102. NAÏDENKO Sergey V. – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doc. Sc. (Biology), Director of A.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, e-mail: snaidenko@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6400-5108.

Согласно докладу Межправительственной научно-политической платформы по биоразнообразию и экосистемным услугам биологические инвазии относятся к числу пяти основных прямых факторов глобальной утраты биоразнообразия [1]. Чужеродные виды (ЧВ) и выделяемые из этой группы инвазивные (ИЧВ) (также используется синоним "инвазионные") являются причиной утраты аборигенных таксонов, трансформации экосистем и значительных экономических потерь. В соответствии со статьёй 8(h) Конвенции о биологическом разнообразии "каждая Сторона Конвенции должна, насколько возможно и целесообразно, предотвращать интродукцию, осуществлять контроль и уничтожать те чужеродные виды, которые угрожают экосистемам, местообитаниям или видам"[1]. В Кунь-минско-Монреальской глобальной рамочной программе в области биоразнообразия[2] глобальная задача 6 предусматривает сокращение темпов интродукции и распространения ИЧВ как минимум на 50% к 2030 г. Российская Федерация ратифицировала Конвенцию в 1995 г.[3] и закрепила вопросы инвазий в Стратегии и Плане действий по сохранению биологического разнообразия Российской Федерации[4]. В настоящее время необходима организационно-правовая актуализация системы регулирования ИЧВ с учётом новых научных данных и международных обязательств.

Эффективность национальной политики в сфере регулирования ИЧВ определяется совокупностью факторов, включая качество нормативной базы, согласованность системы государственного управления, развитие мониторинга, трансграничный контроль, экономическую обоснованность мер и учёт климатических изменений. Эти направления проанализированы в настоящей работе в свете современных международных исследований с целью разработки и обоснования предложений организационно-правового обновления системы регулирования ИЧВ в Российской Федерации.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИЧВ

Эффективность национальных политик. Глобальные оценки показывают, что уровень риска инвазий существенно варьирует между регионами, тогда как готовность систем управления часто отстаёт от масштаба угрозы [2]. Это требует перехода от биологической оценки риска к комплексной модели государственного регулирования, включая нормативные, организационные и научные её инструменты. Фрагментация нормативной базы, отсутствие единых критериев приоритизации и межведомственной координации существенно снижают эффективность политики [3]. Особенно важной становится интеграция мер биобезопасности в торговую и транспортную политику, включая риск-ориентированный контроль на границах [4].

Превентивные меры (раннее выявление и предотвращение интродукций) существенно эффективнее ликвидации уже сформировавшихся популяций ИЧВ [5]. Дополнительным фактором, усиливающим угрозу инвазий, является изменение климата, способствующее расширению ареалов многих ЧВ и повышению вероятности их вселения и натурализации в новых для них регионах [6]. В этих условиях регулирование ИЧВ должно строиться на принципах адаптивного управления, которое предполагает регулярный пересмотр перечней видов, обновление оценок риска и корректировку нормативных инструментов с учётом климатических сценариев.

Оценка потенциальных воздействий ИЧВ на окружающую среду. Современные исследования ориентированы на разработку валидированных и воспроизводимых методов, позволяющих объективно определять последствия инвазий. Систематические протоколы оценки воздействия, основанные на синтезе данных первичных исследований, обеспечивают структурированную интерпретацию доказательств, позволяют ранжировать ИЧВ по степени их опасности, а также оценивать допустимость экстраполяции локальных результатов на более широкий управленческий уровень. Подобные процедуры применялись в различных географических и таксономических контекстах, что подтверждает их универсальность и прикладную значимость. Полученные результаты служат основой для приоритизации мер по предотвращению инвазий, мониторинга, контроля и минимизации их последствий [7]. В условиях ускорения темпов интродукций особую роль приобретает стандартизация критериев, обеспечивающих сопоставимость результатов и транспарентность процедур принятия управленческих решений.

К настоящему времени предложены 26 схем оценок воздействия ИЧВ; некоторые из них разработаны специально для национального уровня, другие – для регионального или глобального уровней; 16 схем специально спланированы для растений, две – для водных организмов, а восемь применимы к широкому кругу таксонов [8]. Общая система оценки воздействия (Generic Impact Scoring System, GISS) и другие подходы к стандартизированной оценке эффектов ИЧВ, в частности Environmental Impact Classification for Alien Taxa (EICAT), относятся к наиболее разработанным схемам и отвечают требованиям прозрачности, ясности, удобства применения, широкого охвата и воспроизводимости. При этом соответствующие базы данных, такие как Global Invasive Species Database (GISD), обеспечивают информационную основу для их применения [9]. Система оценки воздействий ЧВ рассматривает 12 механизмов воздействия и около 40 форм последствий инвазий, включая экологические и социально-экономические. Такая архитектура обеспечивает комплексную оценку последствий инвазий, учитывающую как прямые экологические эффекты (конкуренция, хищничество, трансформация экосистем), так и связанные с ними социально-экономические издержки. Универсальность шкал и количественная градация уровней воздействия повышают воспроизводимость результатов и снижают субъективность экспертных оценок.

[1] https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml
[2] https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-15/cop-15-dec-04-ru.pdf
[3] http://www.kremlin.ru/acts/bank/7541
[4] https://www.cbd.int/doc/world/ru/ru-nbsap-v2-ru.pdf

Несмотря на широкое международное распространение, применение такого подхода в Российской Федерации до настоящего времени носит ограниченный характер [10]. Его включение в практику национальной оценки ИЧВ целесообразно при решении задач приоритизации в рамках стратегии регулирования биологических инвазий. Использование стандартизированных протоколов обеспечит сопоставимость данных и повысит обоснованность решений о включении видов в национальный перечень приоритетных ИЧВ.

Оценка экономических издержек биологических инвазий, трансграничные аспекты и биобезопасность. Экономическая оценка – необходимый элемент научно обоснованной приоритизации и стратегического управления инвазиями. При этом как динамика распространения ИЧВ в различных экосистемах, так и величина наносимых ими потерь существенно варьируют в пространстве и времени. Это требует сопоставимых и воспроизводимых методов оценки социально-экономических последствий инвазий. Такие оценки выполняют не только описательную функцию, но и служат инструментом бюджетного планирования, распределения ресурсов и обоснования превентивных мер на государственном уровне. Повышение точности и полноты расчётов экономических потерь в различных регионах создаёт основу для анализа затрат и выгод, разработки эффективной политики регулирования ИЧВ.

Исследования экономических последствий биологических инвазий касались либо отдельных стран, либо были глобальными агрегированными оценками. Долгое время отсутствовала стандартизированная методология, обеспечивающая сопоставимые расчёты с детальной национальной и региональной разбивкой. Ситуация изменилась с созданием в 2020 г. глобальной базы данных InvaCost [11, 12], которая существенно расширила эмпирическую основу анализа. Это одна из наиболее полных систематизированных коллекций информации об экономических затратах, связанных с чужеродными видами. Она включает как глобальные сводные, так и регионально дифференцированные данные.

Глобальные оценки, полученные на основе первых версий InvaCost, показали, что за 1970–2017 гг. суммарные зарегистрированные потери в мире от вторжения ИЧВ достигли 1.288 трлн долл. США, а среднегодовые – 26.8 млрд долл. США [12]. В версии InvaCost 4.1 Россия представлена 94 записями, на основании которых потенциальные экономические потери за 2007–2019 гг. оценены в 51.52 млрд долл. США [13]. Однако полученные оценки носят предварительный характер. В частности, по состоянию на 2021 г. среди 72 проанализированных видов 61 вид (85%) имел карантинный статус в России (то есть рассматривался как потенциально способный к проникновению из-за рубежа, уже имеющий ограниченное распространение, либо представляющий потенциальную угрозу как объект регулирования). Следовательно, значительная часть оценок была основана на прогнозных сценариях, а не на данных о фактически натурализовавшихся видах. Из оставшихся 11 видов без карантинного статуса лишь два относились к числу реально натурализовавшихся в России ИЧВ: один вид насекомых – ясеневая изумрудная узкотелая златка *Agrilus planipennis* Fairmaire и один вид растений – борщевик Сосновского *Heracleum sosnowskyi* Manden.

Институтом проблем экологии и эволюции имени А.Н. Северцова РАН [14] предложены критерии отбора опасных ИЧВ и представлена информация о 100 приоритетных для России ИЧВ (виды-мишени), оказывающих значительное экологическое, социальное и экономическое воздействие. Количественные экономические расчёты потенциального ущерба выполнены лишь для двух из этих видов – колорадского жука *Leptinotarsa decemlineata* (Say, 1824) и картофельной моли *Phthorimaea operculella* (Zeller, 1873). Потенциальный ущерб от этих видов оценивается в 54.12 млн долл. США в год [15]. В случае, если средства защиты растений не будут совершенствоваться, эти затраты могут возрасти в 4–9 раз и достигнуть 216–486 млн долл. США в год [15].

Создание национальной системы учёта и оценки экономических издержек инвазии чужеродных видов на основе стандартизированной методологии – необходимое условие разработки экономически обоснованных управленческих решений, приоритизации бюджетных расходов и минимизации долгосрочных макроэкономических рисков, связанных с биологическими инвазиями.

Климатические изменения как фактор риска. Изменение климата выступает не только самостоятельным экологическим фактором, но и фактором, который повышает инвазионный риск, усиливая вероятность натурализации чужеродных видов, их конкурентные преимущества и масштабы воздействия на экосистемы.

Синергетический эффект изменения климата и инвазий обычно рассматривается в рамках пяти взаимосвязанных направлений: трансформация путей и векторов инвазий; распространение новых ИЧВ вследствие формирования новых климатически пригодных ниш; усиление интенсивности воздействия уже натурализовавшихся ИЧВ; динамика пространственного распространения натурализовавшихся ИЧВ; изменение эффективности стратегий контроля и управления.

Многочисленные исследования подтверждают реакцию ключевых биологических процессов на глобальное изменение климата, включая динамику биологического разнообразия (в том числе генетического), метаболизм, размеры тела животных, фенологию миграций, нарушения синхронизации межвидовых взаимодействий и продуктивность экосистем. В наземных и водных экосистемах на глобальном уровне отмечается расширение видовых ареалов: средняя скорость смещения их границ составила 19.7 км за десятилетие; при этом у морских видов она достигает 72 км, тогда как у наземных – около 6 км [16]. В целом наблюдается устойчивая тенденция к расширению ареалов тропических и теплолюбивых видов рыб в новые среды, в которых ранее доминировали холодоустойчивые виды [17]. В Баренцевом море потепление привело к проникновению бореальных рыб в арктические воды [18].

Интеграция климатических прогнозов в национальные стратегии – необходимое условие долгосрочной эффективной политики в области биоразнообразия. Изменение климата расширяет потенциальный пул ИЧВ, трансформирует условия их натурализации и взаимодействия с аборигенными видами и масштабы социально-экономического воздействия. В результате инвазионные процессы приобретают более динамичный и менее предсказуемый характер, что требует перехода к адаптивной модели управления с регулярным пересмотром приоритетов.

ИЗУЧЕННОСТЬ И РЕГУЛИРОВАНИЕ ИЧВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящее время изученность и регулирование ИЧВ в России характеризуются сочетанием развитой научной базы и недостаточной координацией между задействованными структурами управления.

Трансформация научных представлений и формирование эмпирической базы. За последние полвека в Российской Федерации в соответствии с глобальными научными тенденциями заметно изменились взгляды относительно биологических инвазий – от увлечения преднамеренной интродукцией отдельных видов (например, пушных зверей, камчатского краба, различных видов растений) к системному пониманию вселения чужеродных видов как фактора экологической и экономической нестабильности. В настоящее время биологические инвазии рассматривают в качестве одного из ключевых факторов глобальных экологических изменений биоты, оказывающих существенное влияние на биоразнообразие, структуру сообществ и функционирование экосистем. Согласно обобщающей работе Ю.Ю. Дгебуадзе [19] проблема инвазий приобрела междисциплинарный характер и охватывает фундаментальные и прикладные аспекты эпидемиологии, паразитологии, биогеографии, ботаники, зоологии, экологии, генетики, эволюционной биологии и природопользования.

Важным результатом исследований последних десятилетий стало выявление основных путей непреднамеренных интродукций чужеродных видов, связанных с антропогенной деятельностью, включая развитие инфраструктуры (прежде всего, транспортной), аквакультуры, торговли (в том числе электронной) и др. [14]. Показано, что наиболее уязвимы водные экосистемы, включая моря европейской части России, где инвазии происходят через балластные воды судов и искусственные каналы [20].

Последствия воздействия биологических инвазий в наземных и водных экосистемах подробно исследованы в ряде работ и проявляются в вытеснении аборигенных видов, перестройке трофических сетей, что чревато значительным экономическим ущербом [21]. В водных экосистемах, в частности в Каспийском море, вселение гребневика (*Mnemiopsis leidyi* A. Agassiz, 1865) сопровождалось резкими изменениями зоопланктонных сообществ и снижением рыбных запасов [22, 23]. Аналогичные по направленности процессы отмечаются и в наземных экосистемах, включая распространение чужеродных млекопитающих и насекомых-вредителей [24, 25]. Важно отметить, что ЧВ на ранних стадиях инвазии не всегда оказывают выраженное воздействие на экосистему, однако при изменении условий среды или росте численности вселенцев их влияние может усиливаться за счёт трофических сетей, перераспределения ресурсов и модификации местообитаний [19].

Характерная особенность Российской Федерации – сочетание масштабности территории и выраженной природно-климатической неоднородности. Вследствие этого возникает широкий спектр потенциальных инвазионных ниш. Существенную роль играют протяжённость транспортных коридоров и интенсивность межрегиональных и международных связей, включая морские порты, речные системы и железнодорожные магистрали. Дополнительным фактором выступают аквакультура, сельское и лесное хозяйство, а также реализованные в прошлом программы преднамеренных интродукций, последствия которых сохраняются в современной биоте.

Генетические и эволюционные аспекты биологических инвазий в последние годы рассматриваются отечественными и зарубежными исследователями как важный элемент понимания механизмов успешной натурализации и распространения чужеродных видов [19, 26]. Инвазии сопровождаются сложным взаимодействием демографических и генетических процессов, включая эффекты основателя и последующую адаптацию популяций к новым условиям, что формирует так называемый *генетический парадокс инвазий* [27]. Несмотря на потенциальное снижение генетического разнообразия в интродуцированных популяциях, многие ИЧВ демонстрируют высокую приспособленность и быстрые темпы распространения, что объясняется действием отбора, повторными интродукциями и увеличением генетической вариабельности в новых ареалах. На примере партеногенетических ящериц показаны сдвиги аллельного и генотипического разнообразия в новых условиях среды [28]. Наряду с этим существенную роль играют процессы гибридизации и генетической интрогрессии, способствующие формированию новых комбинаций признаков и расширению экологических ниш, что имеет своим следствием частичную трансформацию генофондов аборигенных популяций [29].

В настоящее время в России накоплена значительная информация об угрозах для лесного, рыбного и сельского хозяйства, связанных с чужеродными видами. Разрабатываются и внедряются цифровые методы анализа биологических инвазий. Из общедоступных интернет-ресурсов по проблеме чужеродных видов в России следует отметить:

• проблемно-ориентированный портал “Чужеродные виды на территории России”[5], где в открытом доступе представлена и обобщена информация о 100 ИЧВ, которые могут представлять наибольшую опасность для экосистем и здоровья населения России [14]; она касается разнообразных групп

[5] https://top100worst.sev-in.ru/

организмов – от бактерий до млекопитающих, для каждого вида даны очерк и оригинальная карта динамики ареала;

• "Российский журнал биологических инвазий" публикует статьи по распространению, моделированию и адаптациям видов-вселенцев, оценке рисков и последствий инвазий[6];

• предварительный список 1297 ЧВ и ИЧВ в Российской Федерации (Global Register of Introduced and Invasive Species – Russian Federation[7]) на портале Глобальной информационной системы по биоразнообразию (GBIF);

• "Чёрные книги" флоры демонстрируют масштабы распространения ИЧВ и их высокую адаптивность; в современных работах подчёркивается необходимость комплексного анализа инвазионной флоры России, включая оценку рисков и разработку мер управления [30];

• "Чужеродные виды в Голарктике" – единственное регулярное международное мероприятие, посвящённое данной проблематике и охватывающее исследования в различных регионах Голарктики.

В целом в России за последние десятилетия созданы надёжные научные основы для решения многих проблем биологических инвазий, включая таксономическую инвентаризацию, анализ путей проникновения, оценку масштабов воздействия и формирование приоритетных списков видов-мишеней [10, 13–15, 19–25, 30]. Накопленные научные данные требуют интеграции в систему нормативного регулирования и управления.

Пространственная уязвимость и экосистемные последствия. Биологические инвазии затрагивают все регионы Российской Федерации, включая акватории морей в пределах исключительной экономической зоны [19, 31]. Наиболее уязвимы регионы с высокой долей эндемизма: озеро Байкал, Черноморское побережье, включая Крымский полуостров, Северный Кавказ и Каспийское море.

В целом из числа 100 наиболее опасных ИЧВ 35 представляют угрозу для здоровья населения, 29 – для сельского хозяйства, 15 – для лесного, 14 – для рыбного и 5 – для охотничьего хозяйства; 9 видов оказывают негативное влияние на гидроэнергетику, 28 – на другие сектора экономики. Кроме того, 17 видов вытесняют аборигенные таксоны, 5 участвуют в гибридизации с нативными видами, а 43 способны существенно трансформировать природные экосистемы [14]. Основными векторами проникновения выступают транспортные потоки, включая перемещение балластных вод и обрастание судов (45 видов), импорт и торговый оборот культурных и сельскохозяйственных растений (39 видов). Пространственное распределение ИЧВ неоднородно: около 50% видов локализованы в отдельных регионах, 33% – вблизи точек первичного проникновения, и лишь 17% широко распространены по территории страны и формируют наибольший экологический и экономический ущерб [32].

Инвазии могут служить триггером каскадных трофических и промысловых изменений в природных и хозяйственно значимых экосистемах. Показателен пример Каспийского моря: после вселения гребневика *M. leidyi* в 1999 г. средние годовые нерестовые запасы анчоусовидной кильки (*Clupeonella engrauliformis* Borodin, 1904) сократились в 4 раза, а большеглазой кильки (*Clupeonella grimmi* Kessler, 1877) – в 46 раз; отмечено также снижение запасов бентофагов [23]. Существенный ущерб наносится и наземным экосистемам. Массовая гибель колхидского самшита (*Buxus colchica*, Pojark.) на Черноморском побережье вызвана случайным завозом самшитовой огнёвки (*Cydalima perspectalis* Walker, 1859) с посадочным материалом из Италии [14]. На особо охраняемых природных территориях (ООПТ) воздействие ИЧВ усугубляется ограничениями на проведение мер контроля. Так, в Воронежском государственном природном биосферном заповеднике вселение и распространение инвазионных растений привело к сокращению численности редких лесостепных видов [33].

Примером глубокой трансформации реципиентных экосистем служит инвазия в малые водоёмы ротана *Perccottus glenii* Dybowski, 1877. В результате прямого хищничества этой рыбы кардинально сокращаются ресурсы беспозвоночных и полностью исключается успешное размножение большинства видов земноводных. Это нарушает регулярный вынос потока вещества и энергии на сушу со взрослыми стадиями амфибиотических видов, личинки которых развиваются в воде, ведёт к аккумуляции биогенных соединений и ускорению эвтрофикации малых водоёмов [14, 34]. Целевое вселение ИЧВ в качестве объектов охотничьего хозяйства также может приводить к угнетению аборигенных видов и трансформации экосистем. Например, "охотничий фазан" является результатом гибридизации различных подвидов и представляет серьёзную угрозу для сохранения малочисленного аборигенного предкавказского (северокавказского) подвида (*Phasianus colchicus septentrionalis* Lorenz, 1889) вследствие поглотительного скрещивания [14].

Высокая пространственная неоднородность распределения и значительное экосистемное и социально-экономическое воздействие ИЧВ в различных регионах России обусловливают необходимость эффективных систем мониторинга, раннего выявления и оценки рисков, а также совершенствования управленческих и профилактических мер, направленных на предотвращение и/или снижение последствий биологических инвазий.

Правовое регулирование: фрагментарность и терминологические коллизии. Регулирование инвазионных процессов осуществляется фрагментарно – в рамках природоохранного, земельного и фитосанитарного законодательства без их концептуальной увязки. В результате сохраняется ряд системных пробелов, включая отсутствие единого федерального перечня ИЧВ, согласованных правовых определений терминов

[6] https://invasjour.sev-in.ru/index.html

[7] https://www.gbif.org/dataset/089ede6e-6496-4638-915e-f28f016c2f89

"чужеродный вид" и "инвазивный (инвазионный) чужеродный вид", централизованной межведомственной координации и полноценной интеграции инвазионной проблематики в систему государственного экологического мониторинга. Виды, контроль за которыми осуществляет Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору в рамках контроля карантинных объектов, классифицируются как "карантинные вредные организмы, отсутствующие на территории Евразийского экономического союза"[8].

Примером терминологической коллизии можно считать Федеральный закон от 31.07.2025 № 294-ФЗ "О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации", которым введено некорректное определение ЧВ и ИЧВ, объединённых формулировкой "опасные виды инвазивных (чужеродных) растений"[9]. Аналогичное определение включено и в новую редакцию Федерального закона "Об особо охраняемых природных территориях" (раздел IX, ст. 35.1). Такой подход фактически приравнивает ИЧВ к ЧВ, что противоречит логике определений, закреплённых в Конвенции о биологическом разнообразии и в Глобальной стратегии по чужеродным видам[10], и создаёт правовые коллизии. Например, картофель (*Solanum tuberosum* L., 1753), являющийся в России чужеродным видом, формально оказывается приравненным к опасным ИЧВ. На самом деле в соответствии с принятым научным определением чужеродный вид – это биологический вид или таксон более низкого ранга, проникший за пределы своего естественного ареала, включая любые пропагулы, способные к выживанию и воспроизводству. Инвазивный (инвазионный) чужеродный вид – чужеродный вид, оказывающий выраженное негативное воздействие на аборигенные виды и/или экосистемы, здоровье человека и экономику.

ПРИОРИТЕТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИЧВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Экосистемный подход как методологическая основа регулирования. Приоритеты регулирования ИЧВ в Российской Федерации должны формироваться на основе экосистемного подхода как ключевой методологической основы управления, признанной на международном уровне концепции управления природными ресурсами, закреплённой в рамках Конвенции о биологическом разнообразии (КБР). В соответствии с Решением V/6 Конференции Сторон КБР *экосистемный подход* определяется как стратегия интегрированного управления земельными, водными и живыми ресурсами, обеспечивающая их сохранение и устойчивое использование с учётом экосистемных процессов, функций и взаимодействий.

Решение V/6 закрепляет 12 принципов экосистемного подхода, среди которых особое значение для регулирования ИЧВ имеют: приоритет сохранения структуры и функционирования экосистем; управление в пределах экологически значимых пространственных и временны́х масштабов; учёт экономического контекста и внутренней ценности экосистемных услуг; необходимость межсекторальной координации; применение принципов предосторожности и адаптивного управления.

Применительно к проблеме ИЧВ экосистемный подход предполагает отказ от узковидового и фрагментарного регулирования в пользу *системного анализа* структуры и функционирования экосистем. ИЧВ рассматриваются не только как самостоятельный объект регулирования, но и как фактор, способный трансформировать экосистемные связи, включая трофические, процессы природных и антропогенных нарушений, биогеохимические циклы и спектр предоставляемых экосистемных услуг [36]. Следовательно, меры по предупреждению, контролю и управлению ИЧВ должны основываться на оценке кумулятивных, пространственно распределённых и долгосрочных эффектов их воздействия.

С методологической точки зрения экосистемный подход обеспечивает переход от реактивной модели (ликвидация последствий инвазии) к превентивной модели управления, ориентированной на предупреждение интродукций и минимизацию их системных эффектов. Тем самым регулирование ИЧВ интегрируется в систему стратегического управления устойчивостью экосистем, биологической и биоэкологической безопасностью государства.

Критерии ранжирования и приоритизация ИЧВ как инструмент операционализации экосистемного подхода. В рамках экосистемного подхода оценка инвазионной опасности отдельных видов должна осуществляться с учётом анализа их вклада в трансформацию структуры и функционирования экосистем. Критерии ранжирования ЧВ выступают инструментом операционализации этих эффектов и базируются на механизмах воздействия на биотические и абиотические компоненты экосистем. Наиболее опасные ИЧВ оказывают значительное воздействие на экосистемы, хозяйственную деятельность и здоровье человека на местном и региональном уровнях.

В последние годы в мире широко используется Классификация воздействия ИЧВ на окружающую среду (EICAT) [9]. Этот инструмент относят к глобальному стандарту классификации ЧВ по степени тяжести и типу их воздействия на окружающую среду. Эксперты Международного союза охраны природы (МСОП) рассматривают EICAT в качестве актуального ресурса для оценки воздействия ИЧВ, но одновременно допускают возможность дальнейшего развития и модернизации предложенной классификации [37]. Это подчёркивает важность разработки национальных подходов ранжирования ИЧВ с учётом современных международных тенденций.

Интеграция экосистемного подхода и критериев ранжирования позволяет сформировать *риск-ориентированную систему приоритизации ИЧВ*.

[8] https://fsvps.gov.ru/files/edinyj-perechen-karantinnyh-obektov-eajes/

[9] http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507310026?index=1

[10] https://portals.iucn.org/library/efiles/documents/2001-011.pdf

Приоритетное регулирование целесообразно распространять на виды, которые: характеризуются высокой скоростью пространственного распространения; влияют на стратегически значимые экосистемы (водные объекты, ООПТ, арктические и прибрежные зоны); затрагивают ключевые отрасли экономики или здоровье населения.

Закрепление экосистемного подхода в системе государственного регулирования. Практическая значимость внедрения экосистемного подхода проявляется в трёх ключевых аспектах: во-первых, профилактическое регулирование снижает долгосрочные экономические издержки по сравнению с ликвидацией последствий инвазий; во-вторых, межведомственная координация повышает эффективность управления и распределения ресурсов; в-третьих, системная оценка экологических связей снижает риск вторичных негативных эффектов несогласованных мер контроля.

Экосистемный подход задаёт стратегическую цель регулирования – *сохранение структуры, функций и устойчивости экосистем*. Ранжирование ИЧВ обеспечивает обоснованный выбор видов, представляющих системный риск. Их интеграция в стратегию формирует методологически целостную основу национальной политики в сфере регулирования ИЧВ и позволяет перейти от фрагментарных мер к комплексной модели управления биологическими инвазиями, ориентированной на предотвращение долгосрочных экологических и социально-экономических издержек.

Особое значение для инвазионного процесса имеют факторы, определяющие успешность интродукции и натурализации чужеродных видов, включая характеристики самих видов, параметры вселения и состояние реципиентных экосистем. Их роль зависит от конкретных условий и определяет вероятность инвазии и её последующее развитие, а их интегральный анализ лежит в основе методов управления инвазионными процессами.

В этих условиях представляется целесообразным подготовить Федеральный перечень ИЧВ, который следует обновлять не реже одного раза в шесть лет. Такой интервал соотносится со сроками формирования устойчивых натурализованных популяций, позволяет отделить случайные интродукции от закрепившихся видов и обеспечивает накопление репрезентативных мониторинговых данных. Более частая ревизия (1–2 года) повышает риск включения в перечень видов при недостаточной доказательной базе, тогда как чрезмерно редкая (10 и более лет) – снижает оперативность реагирования в условиях ускоряющихся климатических изменений. Шестилетний цикл может рассматриваться как баланс между требованием своевременной реакции и необходимостью научно обоснованной и институционально стабильной системы регулирования. Виды, занесённые в перечень, надлежит включить в государственную систему экологического мониторинга [35].

* * *

Анализ научных основ, международного опыта и состояния национальной системы регулирования инвазии чужеродных видов позволяет сформулировать основные требования к определению стратегических задач в области ИЧВ и предложить приоритетные направления и конкретные меры государственной политики в данной сфере. Национальная стратегия должна включать все элементы инвазионных процессов и управления ими. Приоритетом является риск-ориентированный подход с учётом системного воздействия ИЧВ на экосистемы.

Предложения разделены на три стратегических направления (см. ниже) и этапы реализации – до 2030 и до 2036 г. Первый этап (до 2030 г.) предполагает создание организационно-правовой и информационной базы, второй (до 2036 г.) – формирование полнофункциональной системы управления ИЧВ. Поэтапная реализация указанных направлений позволит обеспечить разработку полнофункциональной системы управления ИЧВ и будет способствовать сохранению биологического разнообразия, повышению устойчивости экосистем и укреплению экологической и экономической безопасности государства в долгосрочной перспективе.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ К ВКЛЮЧЕНИЮ В НАЦИОНАЛЬНУЮ СТРАТЕГИЮ СОХРАНЕНИЯ И УСТОЙЧИВОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БИОЛОГИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1. Совершенствование нормативно-правового регулирования распространения ИЧВ и ЧВ

К 2030 году:

1.1. установление в федеральном и региональном законодательстве правовых определений “чужеродный вид” и “инвазивный (инвазионный) чужеродный вид”;

1.2. создание механизма реализации обязанностей владельцев и пользователей земельных участков по защите земель и водных объектов (в том числе на ООПТ и ООЗТ) от распространения ИЧВ и их уничтожения независимо от категории земель;

1.3. разработка механизмов возмещения ущерба, причинённого распространением ИЧВ, включая ущерб здоровью населения, аборигенным видам, экосистемам и экономике вследствие неправомерного преднамеренного вселения или ненадлежащего контроля за их распространением;

1.4. включение ИЧВ в единую систему государственного экологического мониторинга (государственный мониторинг окружающей среды);

1.5. создание единого уполномоченного федерального органа исполнительной власти по вопросам координации контроля, распространения, учёта численности, состояния популяций, а также прогноза заноса и распространения ИЧВ;

1.6. определение научных организаций по сопровождению и экспертизе вопросов в области регулирования ИЧВ;

1.7. создание списка наиболее опасных ИЧВ (приоритетные ИЧВ) для экономики, здоровья населения

и окружающей среды, а также ЧВ, которые могут стать ИЧВ в будущем (“Чёрная книга Российской Федерации”), и нормативно-правовое обеспечение режима его создания, ведения и применения.

К 2036 году:

1.8. оценка рисков использования и распространения ЧВ, их превращения в ИЧВ, установление запрета на распространение и использование ИЧВ в отраслях экономики, где существует риск их проникновения в природные экосистемы;

1.9. установление механизмов юридической ответственности за распространение ИЧВ на территории Российской Федерации;

1.10. создание механизмов стимулирования (в том числе налоговых стимулов и гибких ставок платы за негативное воздействие) в области осуществления борьбы и развития технологий борьбы с ИЧВ.

2. Развитие научно-методического обеспечения и внедрение современных технологий выявления, мониторинга, оценки рисков и контроля ИЧВ и ЧВ

К 2030 году:

2.1. развитие системы классификаторов инвазионности и их утверждение для оперативного реагирования в целях снижения суммарных потерь биологического разнообразия;

2.2. создание единой информационной платформы для интеграции национальных баз данных ИЧВ федерального и регионального уровня с открытым доступом.

К 2036 году:

2.3. совершенствование методов оценки экологических рисков, разработка моделей прогнозирования распространения ИЧВ (с учётом климатических, ландшафтных, бассейновых и антропогенных факторов) и выявление наиболее уязвимых территорий и экосистем;

2.4. развитие существующих и разработка дополнительных методов оценки экологического, социального и экономического ущерба от ИЧВ, включая оценку воздействия на редкие, исчезающие и хозяйственно ценные аборигенные виды, осуществление расчёта потерь биологического разнообразия и экосистемных услуг;

2.5. развитие и внедрение методов раннего выявления и распознавания ИЧВ с применением технологий дистанционного зондирования, ДНК окружающей среды и искусственного интеллекта;

2.6. изучение адаптивных возможностей ЧВ для оценки риска их инвазии и влияния на аборигенные виды, а также оценки возможностей их контроля;

2.7. развитие существующих и разработка новых научно обоснованных методов борьбы и контроля (механические, химические, биологические) и предотвращения распространения, натурализации и ограничения численности ИЧВ, вплоть до полной их ликвидации;

2.8. разработка и реализация мер по предотвращению гибридизации ИЧВ с близкородственными аборигенными видами.

3. Совершенствование системы контроля ИЧВ

К 2030 году:

3.1. выявление и инвентаризация основных путей и векторов инвазии ИЧВ, разработка и реализация мер по их контролю;

3.2. разработка и создание федеральных и региональных программ по контролю популяций ИЧВ;

3.3. создание координационного центра по сбору, интеграции и обмену данными о всех ИЧВ, а также внедрение механизмов контроля путей их проникновения и распространения со странами-участницами Евразийского экономического союза.

К 2036 году:

3.4. модернизация системы фитосанитарного, ветеринарного и карантинного контроля на государственной границе и в основных транспортных узлах, включая портовые зоны, для предотвращения проникновения ИЧВ на основе развития межведомственного и трансграничного взаимодействия;

3.5. создание единой базы данных ИЧВ со странами-участницами Евразийского экономического союза.

Индикаторы реализации предложений

Оценка эффективности мер должна осуществляться с использованием следующих показателей: число вновь выявленных ИЧВ и доля видов, прошедших процедуру оценки риска; медианное время от первичного выявления до начала реагирования; доля приоритетных ИЧВ, для которых утверждены и реализуются планы регулирования; изменение площади распространения приоритетных ИЧВ (в динамике); площадь экосистем, восстановленных с достижением целевых показателей их структуры и функций; динамика оценённого экономического ущерба от инвазий (в сопоставимых ценах).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

1. IPBES. Summary for policymakers of the global assessment report on biodiversity and ecosystem services of the Intergovernmental Science-Policy Platform on Biodiversity and Ecosystem Services. IPBES secretariat, Bonn, Germany, 2019. https://doi.org/10.5281/zenodo.3553579
2. Early R., Bradley B. A., Dukes J. S. et al. Global threats from invasive alien species in the twenty-first century and national response capacities. *Nat. Commun*. 2016, no. 7, p. 12485. https:// 10.1038/ncomms12485
3. Reed E.M.X., Cathey S., et al. The state of play in invasive species policy: Insights from invasive species laws and regulations in 21 US states. *BioScience*. 2023, no. 73(10). https://doi.org/10.1093/biosci/biad078
4. Black R., Bartlett D.M.F. Biosecurity frameworks for cross-border movement of invasive alien species. *Environ. Sci. Policy*. 2020, no. 105, pp. 113–119. https://doi.org/10.1016/j.envsci.2019.12.011
5. Epanchin-Niell R.S. Biological invasions and international trade: Managing a persistent global challenge. *J. Econ. Perspect*. 2021, vol. 35, no. 1, pp. 151–174. https://doi.org/10.1257/jep.35.1.151
6. Hulme P.E. Climate change and biological invasions: evidence, expectations and response options. *Biol. Rev*. 2017, vol. 92, no. 3, pp. 1297–1313. https://doi.org/10.1111/brv.12282
7. Pergl J., Sa´dlo J., Petrusek A., et al. Black, Grey and Watch Lists of alien species in the Czech Republic based on environmental impacts and management strategy. *NeoBiota*. 2016, no. 28, pp. 1–37. https://doi.org/10.3897/neobiota.28.4824
8. Vilà M., Gallardo B., Preda C., et al. A review of impact assessment protocols of non-native plants. *Biol. Invasions*. 2019, vol. 21, pp. 709–723. https://doi.org/10.1007/s10530-018-1872-3
9. IUCN EICAT Categories and Criteria. The Environmental Impact Classification for Alien Taxa First edition. Gland, Switzerland and Cambridge, UK: IUCN, 2020. https://doi.org/10.2305/IUCN.CH.2020.05.en
10. Морозова О.В., Попченко М.И. Ранжирование инвазионных видов растений Европейской России по их экологическому и социально-экономическому воздействию. *Рос. журн. биол. инвазий*. 2026. Т. 18. № 4. С. 101–120. https://doi.org/10.35885/1996-1499-18-4-101-120

    [Morozova O.V., Popchenko M.I. Ranking of invasive plant species in European Russia based on their ecological and socio-economic impact. *Russ. J. Biol. Invasions*. 2026, vol. 18, no. 4, pp. 101–120. https://doi.org/10.35885/1996-1499-18-4-101-120 (In Russ.)]
11. Diagne C., Leroy B., Gozlan R.E., et al. InvaCost, a public database of the economic costs of biological invasions worldwide. *Scientific Data*. 2020, no. 7, p. e277. https://doi.org/10.1038/s41597-020-00586-z
12. Diagne C., Leroy B., Vaissière A.-C., et al. High and rising economic costs of biological invasions worldwide. *Nature*. 2021, vol. 592(7855), pp. 571–576. https://doi.org/10.1038/s41586-021-03405-6
13. Kirichenko N., Haubrock P.J., Cuthbert R.N., et al. Economic costs of biological invasions in terrestrial ecosystems in Russia. *NeoBiota*. 2021, no. 67, pp. 103–130. https://doi.org/10.3897/neobiota.67.58529
14. *Самые опасные инвазионные виды России (ТОП-100)* / Под. ред. Ю.Ю. Дгебуадзе, В.Г. Петросян, Л.А. Хляп. М.: Т-во научных изданий КМК, 2018.

    [*The most dangerous invasive species in Russia (TOP-100)* / Ed. Yu. Yu. Dgebuadze, V. G. Petrosyan, L. A. Khlyap. Moscow: KMK Scientific Publications, 2018. (In Russ.)]
15. Петросян В.Г., Кривошеина М.Г., Озерова Н.А. и др.Прогноз динамики ареалов инвазионных насекомых – колорадского жука *Leptinotarsa decemlineata* (SAY, 1824) (Coleoptera, Chrysomelidae) и картофельной моли *Phthorimaea operculella* (Zeller, 1873) (Lepidoptera, Gelechiidae) на территории России в условиях глобального изменения климата. *Рос. журн. биол. инвазий*. 2024. Т. 17. № 3. С. 167–203. https://doi.org/10.35885/1996-1499-17-3-167-203

    [Petrosyan V.G., Krivosheina M.G., Ozerova N.A., et al. Forecast of the range dynamics of invasive insects – the Colorado potato beetle Leptinotarsa decemlineata (SAY, 1824) (Coleoptera, Chrysomelidae) and the potato moth *Phthorimaea operculella* (Zeller, 1873) (Lepidoptera, Gelechiidae) in Russia under global climate change. *Russ. J. Biol. Invasions*. 2024, vol. 17, no. 3, pp. 167–203. https://doi.org/10.35885/1996-1499-17-3-167-203 (In Russ.)]
16. Poloczanska E.S., Brown C.C., Sydeman W.J., et al. Global imprint of climate change on marine life. *Nature Climate Change*. 2013, no. 3, pp. 919–925. https://doi.org/10.1038/nclimate1958
17. Vergés A., Steinberg P.D., Hay M.E., et al. The tropicalization of temperate marine ecosystems: climate-mediated changes in herbivory and community phase shifts. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2014, vol. 281, no. 1789. https://doi.org/10.1098/rspb.2014.0846
18. Fossheim M., Primicerio R., Johannesen E., et al. Recent warming leads to a rapid borealization of fish communities in the Arctic. *Nat. Clim. Chang*. 2015, no. 5(7), pp. 673–677. https://doi.org/10.1038/nclimate2647
19. Дгебуадзе Ю.Ю. Биологические инвазии чужеродных видов – глобальный вызов последних десятилетий. *Вестник РАН*. 2023. Т. 93. № 9. С. 814–823. https://doi.org/10.31857/S0869587323090050

[Dgebuadze Yu.Yu. Biological invasions of alien species – a global challenge of recent decades. *Herald of the Russian Academy of Sciences.* 2023, vol. 93, no. 9, pp. 814–823. https://doi.org/10.31857/S0869587323090050 (In Russ.)]

20. *Виды-вселенцы в европейские моря России*. Апатиты: Кольский научный центр РАН, 2000.

[*Invasive species in the European seas of Russia*. Apatity: Kola Science Center, Russian Academy of Sciences, 2000. (In Russ.)]

21. *Биологические инвазии в водных и наземных экосистемах* / Под ред. А.Ф. Алимова, Н.Г. Богуцкой. М., СПб.: Т-во научных изданий КМК, 2004.

[*Biological invasions in aquatic and terrestrial ecosystems* / Ed. A.F. Alimov, N.G. Bogutskaya. Moscow, St. Petersburg: KMK Scientific Publications, 2004. (In Russ.)]

22. Shiganova T.A., Kamakin A.M., Pautova L.A., et al. An impact of non-native species invasions on the Caspian Sea biota. *Adv. Mar. Biol.* 2023, no. 94, pp. 69–157. https:// doi.org/10.1016/bs.amb.2023.01.002

23. Рубан Г., Барабанов В., Дергунова Н. и др. Динамика численности промысловых рыб Каспийского моря после вселения гребневика *Mnemiopsis leidyi* A. Agassiz 1865. *Рос. журн. биол. инвазий*. 2025. Т. 3. С. 156–170. https://doi.org/10.35885/1996-1499-18-3-156-170

[Ruban G., Barabanov V., Dergunova N., et al. Dynamics of the abundance of commercial fish in the Caspian Sea after the introduction of the comb jelly *Mnemiopsis leidyi* A. Agassiz 1865. *Russ. J. Biol. Invasions.* 2025, vol. 3, pp. 156–170. https://doi.org/10.35885/1996-1499-18-3-156-170 (In Russ.)]

24. Бобров В.В., Варшавский А.А., Хляп Л.А. *Чужеродные виды млекопитающих в экосистемах России*. М.: Т-во научных изданий КМК, 2008.

[Bobrov V.V., Varshavsky A.A., Khlyap L.A. *Alien species of mammals in the ecosystems of Russia*. Moscow: KMK Scientific Publications, 2008. (In Russ.)]

25. Масляков В.Ю., Ижевский С.С. *Инвазивные растительноядные насекомые в европейской части России*. М.: ИГРАН, 2011.

[Maslyakov V.Yu., Izhevsky S.S. *Invasive herbivorous insects in the European part of Russia*. Moscow: IGRAN, 2011. (In Russ.)]

26. Suarez A.V., Tsutsui N.D. The evolutionary consequences of biological invasions. *Molecular Ecology*. 2008, vol. 17, no. 1, pp. 351–360. https://doi.org/10.1111/j.1365-294X.2007.03456.x

27. Estoup A., Ravigné V., Hufbauer R., et al. Is there a genetic paradox of biological invasion? *Annual Review of Ecology, Evolution, and Systematics*. 2016, no. 47, pp. 51–72. https://doi.org/10.1146/annurev-ecolsys-121415-032116

28. Омельченко А.В., Гирнык А.Е., Осипов Ф.А. и др. Выявление генотипических изменений у партеногенетических ящериц *Darevskia armeniaca* (Mehely), интродуцированных из Армении на Украину. *Рос. журн. биол. инвазий*. 2016. № 2. С. 102–115.

[Omelchenko A.V., Girnyk A.E., Osipov F.A., et al. Detection of genotypic changes in parthenogenetic lizards *Darevskia armeniaca* (Mehely) introduced from Armenia to Ukraine. *Russ. J. Biol. Invasions*. 2016, no. 2, pp. 102–115. (In Russ.)]

29. De Santis V., Quadroni S., Britton R.J., et al. Biological and trophic consequences of genetic introgression between endemic and invasive fishes. *Biol. Invasions*. 2021, vol. 23(11), pp. 3351–3368. https://doi.org/10.1007/s10530-021-02577-6

30. Виноградова Ю.К., Сенатор С.А. Комплексный анализ инвазионной флоры России. *Рос. журн. биол. инвазий*. 2026. № 1. С. 33–55. https://doi.org/10.35885/1996-1499-19-1-33-55

[Vinogradova Yu.K., Senator S.A. Comprehensive analysis of invasive flora of Russia. *Russ. J. Biol. Invasions.* 2026, no. 1, pp. 33–55. https://doi.org/10.35885/1996-1499-19-1-33-55 (In Russ.)]

31. Адрианов А.В. Экологическая безопасность дальневосточных морей России. *Вестник РАН*. 2011. № 2. С. 111–121.

[Adrianov A.V. Environmental safety of the Russian Far Eastern seas. *Herald of the Russian Academy of Sciences.* 2011, no. 2, pp. 111–121. (In Russ.)]

32. Petrosyan V., Osipov F., Feniova I., et al. The TOP-100 most dangerous invasive alien species in Northern Eurasia: invasion trends and species distribution modeling. *NeoBiota*. 2023, no. 82(1), pp. 23–56. https://doi.org/10.3897/neobiota.82.96282

33. Стародубцева Е. Чужеродная флора Воронежского заповедника: пути и векторы переноса. *Труды Мордовского государственного природного заповедника имени П.Г. Смидовича*. 2022. № 31. С. 5–22. https://doi.org/10.24412/cl-31646-2686-7117-2022-31-5-22

[Starodubtseva E. Alien flora of the Voronezh Nature Reserve: pathways and vectors of transfer. *Proceedings of the Mordovian State Nature Reserve named after P.G. Smidovich*. 2022, no. 31, pp. 5–22. https://doi.org/10.24412/cl-31646-2686-7117-2022-31-5-22 (In Russ.)]

34. Reshetnikov A.N. The introduced fish, rotan (*Perccottus glenii*), depresses populations of aquatic animals (macroinvertebrates, amphibians, and a fish). *Hydrobiologia*. 2003, vol. 510(1–3), pp. 83–90. https://doi.org/10.1023/B:HYDR.0000008634.92659.b4

35. Буйволов Ю.А. *Экологический мониторинг заповедных территорий: от летописи к технологии* / Ред. С.Г. Парамонов. М.: Т-во науч. Изданий КМК, 2025.

[Buivolov Yu.A. *Ecological monitoring of protected areas: from chronicle to technology* / Ed. S.G. Paramonov. M.: Scientific T. KMK publications, 2025.]

36. Vitousek P.M. Biological Invasions and Ecosystem Processes: Towards an Integration of Population Biology and Ecosystem33 Studies. *Oikos.* 1990, vol. 57, no. 1, pp. 7–13. http://www.jstor.org/stable/3565731

37. Kumschick S., Bertolino S., Blackburn T., et al. Using the IUCN Environmental Impact Classification for Alien Taxa to inform decision-making. *Conservation biology: The journal of the Society for Conservation Biology.* 2023, no. 38(2), p. e14214. https://doi.org/10.1111/cobi.14214

ЗА РУБЕЖОМ
ABROAD

DOI: 10.7868/S3034520026100058 Оригинальная статья

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ КИТАЙСКИХ СЕМЕЙ В КИТАЕ И В США (1970–2025)

Н.Е. Петровская*, М.А. Черных

Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова РАН, 121069, Москва, Российская Федерация
**E-mail: n.petrovskaya@iskran.ru*

Аннотация. В статье сопоставляются две траектории развития китайских семей – модернизационная модель в пределах Китая и стратегия иммиграции в Соединённые Штаты Америки. Рассмотрена эволюция государственной политики КНР в отношении китайских семей в период 1970–2025 гг., а также её влияние на социально-экономическое положение населения. Отмечаются положительные изменения в уровне образования, доходов и потребления наряду с системными проблемами, следствием которых становятся структурные ограничения экономического развития государства и которые формируют дополнительные стимулы для оттока населения. Представлена характеристика социально-экономического положения китайских семей в США. Показано, что эмиграция может быть эффективной стратегией социально-экономической мобильности для высокообразованных специалистов, в то время как для других групп она сопряжена с высокими рисками, потерей статуса и социальной изоляцией.

Ключевые слова: Китай, США, эмиграция, иммиграция, китайские домохозяйства, американцы китайского происхождения, социально-экономическое положение, эффект “4–2–1”, 3D-сектор

Финансирование. Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 “Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве” (для русскоязычных изданий).

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равный вклад в подготовку статьи. Оба автора прочитали и одобрили финальную версию рукописи.

Ссылка для цитирования: Петровская Н.Е., Черных М.А. Трансформация социально-экономического положения китайских семей в Китае и в США (1970–2025). *Вестник РАН / Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2026. Том 96. № 10. С. 883–892. https://doi.org/10.7868/S3034520026100058

Поступила в редакцию 05.08.2025
После доработки 10.12.2025
Принята к публикации 28.02.2026

ПЕТРОВСКАЯ Наталья Евгеньевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова РАН, Москва, Российская Федерация, e-mail: n.petrovskaya@iskran.ru, https://orcid.org/0000-0002-5954-0656. ЧЕРНЫХ Марина Андреевна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова РАН, Москва, Российская Федерация, e-mail: m.chernyh@iskran.ru, https://orcid.org/0000-0002-5702-6178.

© Петровская Н.Е., Черных М.А., 2026

ЗА РУБЕЖОМ
ABROAD

DOI: 10.7868/S3034520026100058 Original article

TRANSFORMATION OF SOCIOECONOMIC STATUS OF CHINESE FAMILIES IN CHINA AND IN THE U.S. (1970–2025)

N.E. Petrovskaya*, M.A. Chernykh

Arbatov U.S. and Canada Institute, RAS, 121069, Moscow, Russia
**E-mail: n.petrovskaya@iskran.ru*

Abstract. This article compares two development trajectories for Chinese families: the modernization model within China and the immigration strategy to the United States. It examines the evolution of Chinese government policy toward Chinese families from 1970 to 2025, as well as its impact on the socioeconomic status of the population. Positive changes in education, income, and consumption are noted, along with systemic problems that result in structural constraints on the state's economic development and create additional incentives for population outflow. A characterization of the socioeconomic status of Chinese families in the United States is presented. It is shown that emigration can be an effective strategy for socioeconomic mobility for highly educated professionals, while for other groups it is associated with high risks, loss of status, and social isolation.

Keywords: China, United States, emigration, immigration, Chinese households, Chinese Americans, socioeconomic status, 4–2–1 effect, 3D sector

Funding. This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 "Global and regional centers of power in the emerging world order".

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflict of interest.

Author contributions. The authors contributed equally to the article. Both authors read and approved the final version of the manuscript.

For citation: Petrovskaya N.E., Chernykh M.A. Transformation of socioeconomic status of Chinese families in China and in the U.S. (1970–2025). *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk / Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2026, vol. 96, no. 10, pp. 883–892. (In Russ.) https://doi.org/10.7868/S3034520026100058

Received August 05, 2025
Revised December 10, 2025
Accepted February 28, 2026

PETROVSKAYA Natalia E. – PhD in Economics, Senior Researcher, Arbatov Institute for US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, e-mail: n.petrovskaya@iskran.ru, https://orcid.org/0000-0002-5954-0656. CHERNYKH Marina A. – PhD in Political Science, Senior Researcher, Arbatov Institute for US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, e-mail: m.chernyh@iskran.ru, https://orcid.org/0000-0002-5702-6178.

© Petrovskaya N.E., Chernykh M.A., 2026

За последние пятьдесят пять лет Китай продемонстрировал одну из наиболее впечатляющих траекторий социально-экономического развития в мировой истории. Экономические реформы конца 1970-х годов, либерализация рынков труда и капитала, а также последовательная политика урбанизации способствовали существенному снижению масштабов бедности и трансформации структуры домохозяйств – от преимущественно многоукладной и аграрной модели к городской, нуклеарной и ориентированной на потребление. Рост доходов и расширение доступа к образованию сопровождались изменением демографической структуры и формированием среднего класса, однако одновременно усилились такие процессы, как старение населения, региональная дифференциация и рост издержек поддержания социального благополучия.

Параллельно за пределами Китая формировалась китайская диаспора в Соединённых Штатах, которая к началу XXI в. стала одной из крупнейших и наиболее социально-экономически успешных этнических групп в стране. С отменой системы национальных квот и изменением иммиграционного законодательства США в 1965 г. возросла доля высококвалифицированных иммигрантов из КНР. По данным за 2024 г., численность американцев китайского происхождения превышала 5.5 млн человек, а уровень их образования и доходов в среднем превосходил аналогичные показатели большинства других расово-этнических групп, включая белое население. Это позволяет рассматривать китайскую общину в США как важный пример реализации человеческого капитала в условиях развитой экономики.

Таким образом, в последние десятилетия китайские семьи оказались в рамках двух альтернативных траекторий развития – внутри Китая и в условиях иммиграции в США. Обе траектории связаны с возможностями социально-экономической мобильности, однако различаются институциональными условиями, типами рисков и ожидаемыми результатами. Хотя экономический рывок Китая и успех китайской диаспоры в США подробно изучены по отдельности и в отечественной [1–4], и в американской [5, 6], и в китайской науке [7–11], их сравнительный анализ с фокусом на важнейшие критерии социально-экономического положения требует дальнейшей разработки. Именно такой подход позволяет ответить на вопрос: в какой стране китайской семье выгоднее жить (в зависимости от ряда важных факторов) – в Китае или в США?

Проведённое нами исследование восполняет этот пробел; сопоставлены ключевые параметры китайских домохозяйств в КНР и в США с 1970-х годов по настоящее время. В качестве аналитических единиц рассмотрены демографические параметры, уровень образования, уровень бедности, структура потребления, а также институциональные барьеры, включая визовые режимы, дискриминацию и доступность базовых благ. Для оценки динамики после 2023 г. использован инерционный сценарий прогнозирования, основанный на официальных статистических данных Китая и США. Для демографических показателей применялась когортно-компонентная оценка с учётом половозрастной структуры, для экономических – анализ трендовых рядов доходов и занятости. Предполагается сохранение текущих институциональных условий без резких внешнеэкономических или политических изменений. Благодаря этому обеспечена сопоставимость параметров, что позволяет выявить устойчивые различия в траекториях китайских семей в двух странах.

Анализ китайских семей в Китае и США опирается, кроме того, на концепции транснациональных сетей и “утечки умов”. В теории транснационализма подчёркивается, что современные иммигранты образуют транснациональные сети, одновременно интегрируясь в новое общество и сохраняя активные связи со страной происхождения. В результате формируется единое социальное пространство, в котором семьи поддерживают экономические, культурные и социальные связи поверх национальных границ. Такие сети обеспечивают передачу информации о возможностях образования и занятости, снижают издержки адаптации и способствуют селективности миграционных потоков [12].

Что касается “утечки умов”, то традиционно этот процесс интерпретируют как отток высококвалифицированных специалистов из развивающихся стран в развитые [13]. Однако исследования последних десятилетий показали, что для китайских иммигрантов характерна не утрата связи с родиной, а формирование двусторонних каналов профессионального обмена, включающих научные коллаборации, инвестиционные проекты и предпринимательские инициативы [14]. Поэтому иммиграцию высококвалифицированных китайцев в США можно рассматривать в качестве механизма не только индивидуальной мобильности, но и трансферта знаний между двумя странами. Такое теоретическое расширение позволяет интерпретировать выявленные различия в социально-экономических траекториях китайских семей в КНР и США как результат взаимодействия национальных условий и транснациональных потоков человеческого капитала, а не только внутренних социально-экономических факторов.

КИТАЙСКИЕ СЕМЬИ В КИТАЕ

Во второй половине XX в. китайская семья претерпела радикальные изменения под воздействием как экономических реформ, так и строгого государственного контроля рождаемости. Одной из ключевых вех стала политика, известная как “одна семья – один ребёнок”, инициированная в 1979 г. Проведение данного курса было вызвано опасениями правительства относительно большой численности населения страны и её потенциального влияния на экономическое развитие и уровень жизни. Цель заключалась в том, чтобы стабилизировать рост населения Китая и снизить нагрузку на ресурсы. Женщин обязали получать разрешение на рождение ребёнка, а те, кто нарушал это правило, могли столкнуться с принудительным прерыванием беременности и другими мерами, направленными на ограничение рождаемости, в частности с огромными

штрафами и перспективой лишения ребёнка идентификационного номера, который используется в качестве удостоверения личности, что фактически лишало его гражданства КНР.

На фоне осуществления этих мер население отдавало предпочтение рождению сыновей, которых рассматривали как продолжателей рода и добытчиков, способных обеспечить своих родителей в старости. В сельских районах допускалось рождение двоих детей, но и там предпочитали мальчиков. В результате был нарушен гендерный баланс. Если в 1970-х годах численное соотношение полов в Китае составляло 103:100, то в 1980-х – 108:100, а к 2000 г. – 120:100 [5, с. 47]. В некоторых провинциях проблема гендерной диспропорции стояла ещё острее. В начале XXI в. в сельских районах Китая соотношение мальчиков и девочек достигало 130:100 [1, с. 192].

В 2015 г. Национальная комиссия по здравоохранению и планированию семьи КНР констатировала, что гендерный дисбаланс в стране стал одним из самых значительных и устойчивых в мире, что при рождении на 100 девочек приходилось 110.14 мальчиков в 2019 г. и 108.3 в 2021 г. [6, с. 261]. В настоящее время в Китае проживает на 37.2 млн больше мужчин, чем женщин [5, с. 46], причём меры, предпринимаемые правительством, пока не привели к решению этой проблемы [5, с. 46]. Такая ситуация потенциально стимулирует эмиграционные устремления среди мужчин, не находящих партнёров внутри страны.

Таким образом, политика "одна семья – один ребёнок" кардинально изменила воспроизводственную модель китайского общества, причём наиболее выраженные последствия гендерного дисбаланса проявились в сельских районах. Она способствовала сжатию семьи, увеличению числа домохозяйств, состоящих из 2–3 человек, и формированию демографической структуры, в которой один ребёнок становится единственным работающим в семье и потенциально несёт ответственность за обеспечение в старости двух родителей и четырёх бабушек и дедушек (так называемый эффект "4–2–1"). В такой ситуации иммиграция молодого поколения китайцев нередко становится способом избежать ответственности за семью. Это особенно актуально для хорошо подготовленной и образованной молодёжи, которая мобильна, ориентирована на высокую зарплату и профессиональное развитие.

Ещё одной серьёзной проблемой в Китае стало резкое падение рождаемости. В период 1991–2021 гг. население Китая увеличилось с 1.16 до 1.41 млрд человек, то есть выросло примерно на 250 млн [10, с. 1–2]. Однако уже с 2022 г. наметилась тенденция сокращения населения: характер воспроизводства изменился с высокой рождаемости, низкой смертности и высокого прироста на низкую рождаемость, низкую смертность и низкий прирост [10, с. 2].

Чтобы улучшить ситуацию, в 2015 г. китайское правительство заменило политику "одна семья – один ребёнок" на политику "одна семья – два ребёнка", а в 2021 г. на "одна семья – три ребёнка". Эта мера была предпринята после публикации результатов Седьмой национальной переписи населения, которые показали, что число рождений в материковом Китае в 2020 г. составило всего 12 млн, что стало самым низким показателем в стране начиная с 1962 г. [9]. Более того, общий коэффициент рождаемости в Китае среди женщин детородного возраста снизился с 1.6 в 2017 г. до 1.3, что ниже, чем во многих развитых странах, в том числе Японии (1.4) и Соединённых Штатах (1.7) [9].

Несмотря на официальное смягчение государственного курса, рождаемость продолжала снижаться. Уже в 2022 г. Китай впервые за более чем 60 лет, то есть начиная с 1961 г., когда страна переживала "Великий китайский голод", столкнулся с абсолютным сокращением численности населения. Убыль населения на 850 тыс. человек ознаменовала собой значительный демографический сдвиг, завершив период непрерывного роста, начавшегося в 1960-х годах [15]. В 2023 г. численность китайцев сократилась более чем на 2 млн [15], что было вызвано рекордно низким уровнем рождаемости и волной смертей от COVID-19 после снятия строгих карантинных мер. В 2024 г. в КНР третий год подряд была зафиксирована убыль населения. Так, в конце 2024 г. показатель составил 1.408 млрд человек, что на 1.39 млн человек меньше, чем в предыдущем году [16]. Таким образом, политика властей КНР, направленная на повышение рождаемости, не смогла обернуть вспять тенденцию сокращения населения. Государственные меры стимулирования, включая денежные выплаты при рождении трёх детей (но не более) и финансовую помощь в оплате жилья, имели лишь временный эффект.

Сокращение населения обусловлено и рядом социально-экономических факторов: высокой стоимостью жизни, урбанизацией, изменением семейных ценностей и карьерной мотивацией молодёжи. Из-за больших затрат на жизнь молодые люди либо предпочитают заводить небольшие семьи, либо вовсе откладывают создание семьи, стремясь получить высшее образование и построить карьеру. Несмотря на то, что продолжительность жизни увеличивается, она не поспевает за темпами снижения рождаемости. Всё больше китайцев, особенно молодых, отказываются платить взносы в пенсионный фонд. Рост эмиграции является ещё одним фактором сокращения численности китайцев и рабочей силы.

Кроме того, Китай быстро вошёл в фазу демографического старения. Если во второй половине XX столетия доля лиц в возрасте 60 лет и старше не превышала 8.2%, то в 2000 г. она увеличилась до 10.2%, в 2010 г. – до 12.8%, в 2020 г. – до 17.9% [17]. По одним прогнозам к середине XXI в. пожилые люди будут составлять до одной трети населения страны [1], по другим – к 2030 г. 26.4, к 2040 г. – 33, к 2050 г. – 40, а к 2060 г. – почти 45% [17]. Быстрое старение населения сопровождается ростом иждивенческой нагрузки на трудоспособную часть социума и оказывает давление на пенсионную систему и здравоохранение. Китай столкнулся с ситуацией "демографических ножниц", когда доля детей в населении меньше, а стариков – больше.

Ускоренная урбанизация, особенно в 2010–2020-х годах, стала драйвером трансформации семьи. По данным Национального статистического бюро Китая,

доля городского населения выросла с 49.9% в 2010 г. до 66.9% в 2024 г. Вслед за этим изменился и тип домохозяйства: в городах теперь преобладают нуклеарные семьи, состоящие часто из двух человек, много одиноких людей. Средний размер домохозяйства[1] с 2010 по 2023 г. уменьшился с 3.1 до 2.8 человека; эта тенденция особенно характерна для таких мегаполисов, как Шанхай и Пекин [18].

Экономические реформы, начатые в конце 1970-х годов, открыли путь к беспрецедентному росту доходов и потребления китайских семей. Если в 1990 г. средний годовой чистый доход домохозяйств на душу населения составлял 904 юаня, то в 2000 г. – 3.7 тыс. юаней, в 2010 г. – 12.5 тыс., в 2020 г. – 32.2 тыс., в 2024 г. – 41.3 тыс. [19]. В пересчёте на американскую валюту в 2024 г. это примерно 5.7 тыс. долл., другими словами, за 1990–2024 гг. он увеличился в 46 раз. Это позволяет утверждать, что Китай за тридцать лет ликвидировал абсолютную бедность и вышел на средний уровень развития [2, с. 176]. Личное потребление на душу населения с 2007 по 2022 г. увеличилось в 4 раза (с 6.6 тыс. до 24.5 тыс. юаней), то есть родившийся в 1975 г. бедным китаец сейчас, когда ему 50 лет, скорее всего уже является представителем среднего класса, на себе ощутив экономическое возвышение страны и повышение качества жизни.

С ростом доходов изменилась и структура потребления. Например, в 2007 г. китайское домохозяйство на еду, табак, алкоголь, обувь и одежду тратило около 44% дохода, а в 2022 – 36%; на жильё в 2007 г. – 18%, а через 15 лет – 24%; расходы на технику, мебель, услуги практически не изменились (5.4 и 5.8%); немного увеличились затраты на транспорт и связь (с 11 до 13%); на прежнем уровне остались вложения в образование, культуру и здравоохранение (18.8%) [2].

Демографическое старение оказывает влияние на потребительскую модель экономики. По мере увеличения доли населения старше 60 лет происходит сдвиг в сторону сдержанного и рационального потребления. Пожилые домохозяйства, как правило, демонстрируют более низкую склонность к приобретению товаров длительного пользования, в том числе автомобилей, бытовой техники и жилья, а также меньшую активность в сфере потребительского кредитования и частных инвестиций. Это приводит к замедлению темпов внутреннего спроса в ключевых отраслях, ориентированных на молодые возрастные группы, включая высокотехнологичный и строительный сектор. Меняется и фокус потребления – растёт спрос на медицинские, социальные и реабилитационные услуги, тогда как доля расходов на образование и потребительские инновации снижается.

С точки зрения развития человеческого капитала Китай демонстрируют значительные достижения. Если в 1982 г. уровень грамотности взрослого населения[2] составлял 65.5% (мужчин – 79.2, женщин – 51.1%), то в 2020 г. данный показатель вырос до 97.2% (98.6 и 95.6% соответственно) [20]. По данным Национального бюро статистики КНР, валовой коэффициент охвата высшим образованием (gross enrollment ratio) в 2023 г. превысил 60.2%, тогда как в 2012 г. он составлял 30%, а в 1949 г. – 0.26% [21]. Этот показатель отражает долю лиц соответствующего возраста, обучающихся в учреждениях высшего образования (а не долю населения с дипломами), и свидетельствует о том, что Китай перешёл от элитарной модели к массовой менее чем за 30 лет, что является одним из самых быстрых переходов в мировой истории. Образование, наряду с улучшением доступа к здравоохранению и жилью, стало центральным элементом стратегии внутрисемейной мобильности. Важно подчеркнуть, что после 2010 г. социальная мобильность внутри Китая повысилась, особенно среди горожан. Если в 1980-е годы продвижение по социальной лестнице ассоциировалось преимущественно с эмиграцией, то в 2010–2020-х годах стала возможна внутренняя траектория успеха, особенно в таких городах, как Шанхай, Пекин, Гуанчжоу.

Однако, несмотря на впечатляющие экономические достижения страны, миллионы китайцев продолжают жить в бедности. По данным Всемирного банка, в 2021 г. около 240 млн человек (17% населения) находились ниже черты бедности (6.85 долл. в день)[3], причём половина из них проживала в городах [22].

Другая системная проблема – неравенство доходов. Разрыв в доходах между сельскими и городскими районами создаёт риски для социальной стабильности и осложняет реализацию официального курса на построение гармоничного общества. Чистый годовой доход городских домохозяйств в 2024 г. достиг 54.2 тыс. юаней, а сельских – лишь 23.1 тыс. [19]. Одновременно с разрывом в доходах между городом и деревней стало очевидным неравенство доходов между прибрежными и западными регионами Китая. В наибольшей степени доходы росли в восточных и прибрежных провинциях (Шанхай, Чжэцзян, Пекин), тогда как западные регионы остаются менее развитыми. По состоянию на 2023 г. домохозяйства в Шанхае и Пекине продемонстрировали самый высокий среднегодовой располагаемый доход на душу населения (84.8 тыс. и 81.9 тыс. юаней соответственно), за ними следует провинция Чжэцзян (63.8 тыс. юаней), в то время как в Ганьсу, провинции на западе Китая, был зафиксирован самый низкий средний годовой доход домохозяйств на душу населения в КНР (25 тыс. юаней) [19]. Одним из факторов регионального неравенства выступает географическое деление по “линии Ху”, исторически разделяющей страну на густонаселённый восток и малонаселённый запад. В период 1999–2005 гг. более половины всех централизованных инвестиций направлялись в прибрежные регионы, что закрепило

[1] Домохозяйство – это социально-экономическая единица, объединяющая людей, проживающих совместно и ведущих общее хозяйство (совместный бюджет, потребление, бытовые услуги). В отличие от семьи, домохозяйство может включать неродственных лиц (например, сожителей, арендаторов) или состоять из одного человека.

[2] Уровень грамотности взрослого населения – это доля населения в возрасте 15 лет и старше, которая обладает базовыми навыками чтения, письма и понимания речи на слух.

[3] Всемирный банк относит Китай к странам с доходом выше среднего, для которых черта бедности установлена на уровне 6.85 долл. в день (ВВП по ППС на 2017 г.).

их лидерство. Для сокращения диспропорций центральные власти реализуют комплексную стратегию, включающую инвестиции в образование, инфраструктуру и промышленное развитие.

Ещё одна системная проблема, с которой сталкиваются многие китайцы, – особенности национальной системы образования. Поступить в зарубежный университет во многих случаях оказывается проще и психологически предсказуемее, чем преодолеть всекитайские государственные вступительные экзамены в вузы – гаокао [3]. Одно из исследований выявило высокую долю учащихся, у которых на фоне подготовки и сдачи гаокао развилась депрессия [8], а в случае не сдачи экзамена нередки случаи самоубийств. Родители, вложившие большие финансовые средства в детей, ожидают, что те поступят в институт и построят успешную карьеру, что позволит им помогать своим близким родственникам в старости. Психологическое давление, вызванное необходимостью оправдать надежды семьи, стало одним из факторов суицидального поведения молодёжи.

Ситуацию с получением высшего образования в Китае осложняет структурное неравенство. Если в начале реформ КНР демонстрировала один из самых низких в мире уровней расслоения общества (0.16 до 1978 г.), то к 2020-м годам коэффициент Джини достиг 0.57, что выше показателя для среднеразвитых экономик [23]. Хотя к 2022 г. официальный коэффициент Джини по доходу снизился до 0.467, высокий уровень неравенства сохраняется [24]. В этих условиях получение образования за рубежом часто воспринимается не только как альтернатива обучению на родине, но и как возможность обрести конкурентные преимущества. Это своего рода форма страхования от социальных рисков, особенно для среднего класса, представители которого стремятся сохранить или укрепить своё социальное положение в условиях растущей конкуренции и ограниченности внутренних лифтов.

КИТАЙСКИЕ СЕМЬИ В США

Вплоть до конца 1960-х годов китайская община в Соединённых Штатах была небольшой. В 1960 г. она насчитывала 237 тыс. человек [4, с. 50]. Ситуация изменилась после принятия в 1965 г. Закона об иммиграции и гражданстве, который положил конец системе национальных квот и ввёл новый иммиграционный порядок: предпочтение стали отдавать прибывающим на основе семейных связей. Это и стало отправной точкой массовой иммиграции китайцев в США [4].

В начале XXI в. в Соединённых Штатах проживало 2.6 млн лиц китайского происхождения, а в 2023 г., то есть по последним имеющимся данным Бюро переписи населения, уже около 5.5 млн [25]. Иначе говоря, за последние два десятилетия численность китайцев выросла более чем в 2 раза, как за счёт естественного прироста, так и за счёт новоприбывших (в 2000 г. – 1.7 млн человек, в 2023 г. – 2.9 млн) [25]. Увеличение числа китайских иммигрантов в США приводит к тому, что у всё большего числа из них там есть родственники, а действующая иммиграционная система способствует переезду в страну по программам воссоединения семьи.

Сравнительный анализ стандартов жилья, технологической оснащённости и общего уровня комфорта свидетельствует о существенных различиях между США и Китаем. Это может служить одним из мотивирующих факторов для эмиграции китайских семей, ориентированных на долгосрочное повышение качества жизни, особенно среди представителей рабочего класса и сельских жителей, доступ которых к аналогичным благам в Китае ограничен.

Сегодня американцы китайского происхождения составляют крупнейшую азиатскую этническую группу в США (22% азиатского населения). Важно отметить, что китайское население Соединённых Штатов в сравнении с Поднебесной моложе: средний возраст американцев китайского происхождения, включая первое поколение, составляет 36.6 года, второго и старшего поколения, то есть рождённых на территории США, – 20.5 года, причём около 42% из них не достигли совершеннолетия и лишь 6% относятся к возрастной категории “65 лет и старше” [25]. В свою очередь средний возраст жителя КНР – 40.2 года [26]. Возрастная структура населения оказывает сильнейшее влияние как на уровень рождаемости, так и на пополнение рабочей силы и государственного бюджета. Более молодой возрастной профиль китайской диаспоры, что обусловлено в том числе историческими волнами иммиграции, следует рассматривать как демографический фактор, работающий на экономику США. В то же время средний возраст иммигранта из Поднебесной значительно выше – 48.5 лет (около 4% моложе 18 лет, примерно 22% – пожилые) [25]. Прибытие всё большего числа лиц старшего и пожилого возраста усиливает нагрузку на социальную систему США.

Важно отметить, что американцы китайского происхождения представляют собой одну из самых образованных и успешных групп в стране. Большинство из них (60.3%) имеют степень бакалавра, магистра или учёную степень [27]. Причём среди рождённых в США данный показатель достигает 70%, а среди иммигрантов из Поднебесной – 54% [25], в то время как среди всех американцев в возрасте 25 лет и старше – 37.6% [27]. Особенно разителен контраст, если иметь в виду степень магистра и выше: 19.3% американцев с китайскими корнями отучились по программам магистратуры и 7.9% – аспирантуры, тогда как в целом по стране – 10.6 и 3.6% соответственно (среди белых американцев 11.7 и 4%); наиболее распространённая форма получения образования в США – обучение в колледже [27]. Таким образом, в США уровень образования выходца из Китая существенно выше, чем среднестатистического американца. Особенно значительна доля китайских занятых в наукоёмких отраслях, таких как инженерия, информационные технологии и биомедицина. В Кремниевой долине выходцы из Китая занимают значительную долю управленческих и инженерных позиций в компаниях первого эшелона.

Что касается уровня дохода, то и здесь китайские домохозяйства демонстрируют высокие показатели. В 2023 г. их медианный годовой доход достигал 102.8 тыс. долл. [25], что заметно выше, чем даже у белых неиспаноязычных американцев (89 тыс. долл.).

Заработки испаноязычных американцев (65.5 тыс. долл.) и афроамериканцев (56.5 тыс. долл.) заметно ниже [28]. В том же году медианный доход домохозяйств, возглавляемых американцами китайского происхождения второго и более старшего поколения, был ещё выше – 120 тыс. долл. (среди семей китайских иммигрантов – 95 тыс. долл.) [25].

Структура потребления в США заметно варьируется в зависимости от типа домохозяйства. В 2023 г. основную часть бюджета американских домохозяйств составляли расходы на жильё (32.9%), транспорт (17.0%) и питание (12.9%). В совокупности эти три категории потребления формируют около двух третей всех расходов (62.8%), отражая приоритет базовых жизненных потребностей – проживания, мобильности и продовольственного обеспечения. Обращает на себя внимание, что доля расходов на продукты питания в США существенно ниже, чем в КНР, что может свидетельствовать о различиях в общей структуре потребительских затрат и уровне доходов.

Существенную долю затратной части бюджета в США занимают личное страхование и пенсионные накопления (12.4%), медицинское обеспечение (8.0%) и досуг (4.7%), тогда как прочие статьи, включая образование, денежные переводы и др. – менее 4% каждая. Семьи с одним родителем тратят на жильё ещё больше (37.3%), но относительно меньше на пенсионные накопления, здравоохранение и развлечения. Супружеские пары с детьми тратят больше, чем в среднем по выборке, на личное страхование и пенсии (15.1%), тогда как бездетные пары выделяют больше средств на здравоохранение (10%) и досуг (5%). Таким образом, структура потребления в США отражает не только базовые потребности, но и различия в поведенческих и финансовых приоритетах, связанные с социально-демографическим профилем семьи [29].

Что касается уровня бедности, то ситуация в США значительно лучше, чем в Китае. Так, в бедности живут 9% американцев китайского происхождения и 14% иммигрантов из Поднебесной, в то время как в Китае 17%. Среди лиц без определённого места жительства выходцы из всех азиатских этнических групп составляют в США лишь 2% [30]. 66% семей, возглавляемых этническими китайцами, владеют собственным домом, что больше в сравнении с семьями, во главе которых стоят представители других азиатских групп (62%) и всех остальных расово-этнических групп США, за исключением белых неиспаноязычных американцев (74.3%) [25, 31].

Но не всё так радужно. Исследование, опубликованное Национальным центром изучения общественного мнения при Чикагском университете и некоммерческой организацией "Комитет 100"[4], показало, что 68% американцев китайского происхождения регулярно подвергаются дискриминации: 65% заявили, что нынешнее состояние отношений США и Китая негативно влияет на то, как другие американцы, в частности незнакомцы, относятся к ним, ещё 27% сталкиваются с угрозами физического насилия, 21% – испытали это на себе и 51% сообщили, что недовольны тем, как власти борются с насилием в отношении представителей их общины [32].

Помимо этого, многие выходцы из Китая испытывают проблемы с психическим здоровьем. Так, 43% сообщили, что находятся в состоянии депрессии, 39% опрошенных чувствуют себя "никчёмными" [32]. Несправедливое отношение по признаку расово-этнической принадлежности, безусловно, оказывает негативное влияние на ментальное здоровье. Особенно это касается иммигрантов, которые зачастую не могут получить качественную медицинскую помощь и/или защиту со стороны закона. Расовая дискриминация в отношении выходцев из Азии стала реалией американской жизни с прибытия первых иммигрантов в США [4]. В период пандемии коронавируса ненависть в отношении выходцев из Китая стала общенациональной проблемой. В связи с этим возникли активистские движения, направленные на их защиту, стал популярным известный хэштег "Остановим ненависть, направленную против азиатов" (*#StopAsianHate*). Жёсткой критике был подвергнут 45-й президент США Д. Трамп, который называл коронавирус "китайской чумой" (*China plague*).

В академических кругах США ситуация также непростая. Китайские студенты составляют одну из крупнейших групп иностранной учащейся молодёжи в американских высших учебных заведениях. Традиционно привлекательность американских вузов связывают с их высоким рейтингом и репутацией, но немаловажную роль в росте образовательной иммиграции из Китая играет и внутренняя логика национальной системы образования, о которой говорилось выше. В мае 2025 г. Госдепартамент США объявил, что планирует аннулировать визы китайских студентов и усилить проверки будущих заявителей из Китая и Гонконга. В первую очередь эта мера направлена на обучающихся, которые имеют связи с Коммунистической партией Китая (КПК) или получают специальность в критически важных областях. В течение многих лет США пытаются искоренить "китайский шпионаж" в академической среде, высказывая опасения по поводу поддерживаемых КПК программ по привлечению лучших специалистов в стратегически важные для Китая области науки и технологий. Однако исследователи и активисты утверждают, что эти попытки переросли в самый настоящий расизм, поскольку ко всем китайским исследователям начали относиться с недоверием.

Более того, вторая администрация Д. Трампа заявила о запрете на приём иностранных студентов в Гарвард, старейший и самый богатый университет Соединённых Штатов. Одной из причин таких действий были названы связи Гарварда с Китаем. Таким образом, китайские студенты, желающие поступить в этот вуз, оказались в особенно сложном положении.

[4] Комитет 100 – некоммерческая организация, объединяющая видных американцев китайского происхождения в бизнесе, государственном управлении, академических кругах и искусстве. Заявленная цель организации – содействие выстраиванию и поддержанию конструктивных отношений между народами Соединённых Штатов и Китая. Основан в 1990 г.

Международная образовательная мобильность представляет собой не только форму академической иммиграции, но и важный механизм перераспределения интеллектуального капитала в мировом масштабе – из стран глобального Юга в развитые регионы глобального Севера. Исключение из процесса китайских студентов станет настоящим ударом как по финансированию высших учебных заведений, так и по научно-исследовательской деятельности в США. Реализация такой политики приведёт к прекращению потока талантливых студентов и исследователей в университеты, научно-исследовательские институты и компании, а это в свою очередь нанесёт ущерб конкурентоспособности Соединённых Штатов.

Несмотря на высокий уровень образованности и профессионализма в самых передовых сферах, американцы китайского происхождения сталкиваются и с экономической дискриминацией. Так, 16% из них заявили, что им было отказано в повышении из-за их расово-этнической принадлежности, ещё 16% – в трудоустройстве и 4% потеряли свою работу по этой причине [33].

Для выявления внутренней неоднородности китайской диаспоры в США нами проведён стратификационный анализ по трём измерениям: регион проживания в США (уровень штата/метрополии); происхождение иммигрантов (основные отправные регионы, поколенческий статус); социально-экономическое происхождение и текущий статус.

Китайская диаспора демонстрирует выраженную внутреннюю стратификацию. Бóльшая её часть сосредоточена в крупных метрополиях (Нью-Йоркская агломерация, Калифорния, включая Сан-Франциско/Сан-Хосе/Лос-Анджелес, а также развивающиеся центры в Техасе и на Среднем Западе). По образовательному уровню доминируют высокообразованные группы: как уже было сказано, доля людей с высшим образованием (бакалавр и выше) среди лиц китайского происхождения существенно превышает средний уровень в США, как и доходы домохозяйств. Однако есть и те, кто находится на другой стороне – низкооплачиваемые и уязвимые страты, что указывает на высокую внутригрупповую поляризацию доходов и доступа к правам.

Важная составляющая профессиональной китайской иммиграции в США – так называемый феномен работников 3D-сектора (*dirty, dangerous, difficult*). Под этим термином понимаются профессии, связанные с тяжёлым, низкооплачиваемым и нередко опасным физическим трудом. Речь идёт о работниках ресторанов, кафе и кейтеринговых служб, особенно в чайнатаунах и пригородах крупных городов; занятых на предприятиях по переработке, упаковке и в уборке, в том числе в ночные смены и с привлечением труда несовершеннолетних, а также домашним трудом и уходом (особенно это касается пожилых женщин без знания английского языка); о строительных и ремонтных бригадах, включая нелегальных иммигрантов. Значительная часть китайских иммигрантов с неопределённым или нелегальным статусом занята в сегменте теневой экономики, где условия труда далеки от стандартов, а защита прав – минимальна.

Таким образом, высокий средний статус диаспоры достигается при выраженной селективности каналов въезда и значительной внутригрупповой неоднородности. Возможность выезда и успешной интеграции связана с уровнем образования, владением языком, доступом к финансовым ресурсам и включённостью в транснациональные сети. Для семей, лишённых этих ресурсов, иммиграция может сопровождаться рисками снижения социального статуса, сегрегации на рынке труда, ограниченным доступом к социальному обеспечению и ростом нагрузки на внутрисемейные связи (включая ситуации раздельного проживания членов семьи в разных странах). Поэтому эмиграцию целесообразно рассматривать не как универсально предпочтительную стратегию, а как путь, преимущества которого проявляются при наличии определённого набора социального и человеческого капитала, тогда как его отсутствие может усиливать уязвимость и неопределённость социально-экономического положения.

* * *

За последние пять десятилетий Китай и китайская диаспора в США двигались по двум разным, но в некоторой степени сходно успешным траекториям экономического и социального развития. Китайская семья внутри КНР стала участником глубокой трансформации от аграрно-патриархального уклада к городской нуклеарной модели, встроенной в модернизирующееся общество. Однако существенный рост доходов, потребления и доступа к инфраструктуре сопровождается быстрым старением населения, гендерным дисбалансом, новыми социальными рисками и системными вызовами, чреватыми негативными последствиями для дальнейшего экономического развития Поднебесной. В Китае сохраняется дилемма: экономический рост улучшает качество жизни, но одновременно усиливает неравенство между регионами и социальными группами. Создаются стимулы для “утечки умов” и квалифицированной рабочей силы.

Китайские семьи в США демонстрируют одну из самых успешных иммигрантских стратегий в истории страны. Большой демографический потенциал, высокий уровень образования, дохода и домовладения, низкий уровень бедности, занятость в наукоёмких и управленческих секторах, а также высокая концентрация в ведущих мегаполисах свидетельствуют о том, что китайская община успешно реализует свой человеческий капитал. Однако этот успех сопровождают высокая селективность потоков иммиграции, значительные барьеры в доступе к социальным благам и институциональные ограничения, включая скрытую дискриминацию и юридическую уязвимость менее обеспеченных групп. Парадоксальным образом экономические достижения китайских иммигрантов соседствуют с их незащищённостью в социально-культурном плане.

Перспективы развития ситуации зависят от способности Китая решать внутренние демографические и социальные проблемы, а также от эволюции

иммиграционной политики США. С большой долей вероятности китайское население США продолжит увеличиваться. В любом случае выбор между жизнью в Китае и эмиграцией остаётся сложным компромиссом между экономическими преимуществами и социальными и психологическими издержками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/ REFERENCES

1. Баженова Е.С. Новые аспекты демографической ситуации в КНР. *Демоскоп Weekly*. 2015. № 637–638. С. 192–209. https://www.demoscope.ru/weekly/2015/0637/analit01.php (дата обращения 24.04.2025).

   [Bazhenova E.S. New aspects of the demographic situation in the PRC. Demoscope Weekly. 2015, no. 637–638. pp. 192–209. https://www.demoscope.ru/weekly/2015/0637/analit01.php (accessed 24.04.2025). (In Russ.)]
2. Григорьев Л.М., Жаронкина Д.В. Экономика Китая: тридцать лет обгоняющего развития. *Вестник международных организаций*. 2024. Т. 19. № 1. С. 176–200

   [Grigoriev L.M., Zharonkina D.V. China's Economy: Thirty Years of Outpacing Development. *Bulletin of International Organizations*. 2024, vol. 19, no. 1, pp. 176–200 (In Russ.)]
3. Донецкая С.С., Ли М. Китайские студенты за рубежом: динамика численности и цели выезда. *Высшее образование в России*. 2020. Т. 29. № 6. С. 153–168.

   [Donetskaya S.S., Li M. Chinese students abroad: population dynamics and purposes of departure. *Higher education in Russia*. 2020, vol. 29, no. 6, pp. 153–168. (In Russ.)]
4. Петровская Н.Е., Черных М.А. Эволюция китайской иммиграции в США: исторические и современные аспекты. *Вестник Российской академии наук*. 2025. № 7. С. 43–54.

   [Petrovskaya N.E., Chernykh M.A. Evolution of Chinese immigration to the USA: historical and modern aspects. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2025, no. 7, pp. 43–54. (In Russ.)]
5. Ma Zh. The Causes and Results of Gender Disproportion in China. *Journal of Asian Research*.2022, no. 6(4), pp. 46–56.
6. Zhang Sh. Gender Imbalance at Birth in China: Dilemma, Causes and Legal Solutions. *Communications in Humanities Research*. 2023, no. 15(1), pp. 259–263.
7. Su Xh., Bentley B., Cheshmehzangi A., et al. Mental health of homeless people in China amid and beyond COVID-19. *The Lancet Regional Health-Western Pacific*. 2022, vol. 25. https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666606522001596
8. Yang W., Sun R., Wang C., et al. Epidemiology of depressive disorders among youth during Gaokao to college in China: results from Hunan Normal University mental health survey. *BMC Psychiatry*. 2023, June 29, no. 23(1), p. 481.
9. Zhang C., We, L., Zhu Y., et al. Fertility intentions among young people in the era of China's three-child policy: a national survey of university students. *BMC Pregnancy Childbirth*. 2022, no. 22, p. 637.
10. Zhou Y., Bian Y. Why Has China's Fertility Rate Plummeted in the Past Decade? An Investigation of Fertility Intentions and Influencing Factors Among Single, Unmarried Women of Childbearing Age in China. *Social Sciences*. 2025, no. 14(5):293, pp. 1–13.
11. Zhu W., Lu L., Hesketh Th. China's excess males, sex selective abortion, and one child policy: Analysis of data from 2005 national intercensus survey. *The BMJ*. 2009, no. 338, b1211, pp. 1–6.
12. Portes A., Guarnizo L., & Landolt P. The Study of Transnationalism: Pitfalls and Promise. *Ethnic and Racial Studies*. 1999, 22(2). pp. 217–237. https://www.researchgate.net/publication/200820331_The_Study_of_Transnationalism_Pitfalls_and_Promise_of_An_Emergent_Research_Field (accessed 24.10.2025).
13. Stark O., & Bloom D. The New Economics of Labor Migration. *American Economic Review*. 1985, no. 75(2), pp. 173–178. https://www.jstor.org/stable/1805591 (accessed 05.11.2025).
14. Saxenian A. From Brain Drain to Brain Circulation: Transnational Communities and Regional Upgrading in India and China. *Studies in Comparative International Development*. 2005, no. 40(2), pp. 35–61. https://www.researchgate.net/publication/237827782_From_Brain_Drain_to_Brain_Circulation_Transnational_Communities_and_Regional_Upgrading_in_India_and_China (accessed 30.10.2025).
15. Master F. China's population drops for second year, with record low birth rate. *Reuters*. January 17, 2024. https://www.reuters.com/world/china/chinas-population-drops-2nd-year-raises-long-term-growth-concerns-2024-01-17/ (accessed 15.05.2025).
16. The Associated Press. China's population falls for a third straight year, posing challenges for its economy. *NPR*. January 17, 2025. https://www.npr.org/2025/01/17/nx-s1-5265095/china-population-declines-economy (accessed 12.07.2025).

17. Textor C. Share of population aged 60 and older in China from 1950 to 2020 with forecasts until 2100. *Statista*. July 12, 2024. https://www.statista.com/statistics/251529/share-of-persons-aged-60-and-older-in-the-chinese-population/ (accessed 11.07.2025).
18. National Bureau of Statistics of China. China Statistical Yearbook 2024. https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2024/indexeh.htm (accessed 06.05.2025).
19. Textor C. Average annual per capita disposable income of households in China from 1990 to 2024. *Statista*. January 21, 2025. https://www.statista.com/statistics/278698/annual-per-capita-income-of-households-in-china/ (accessed 19.07.2025).
20. Textor C. Adult literacy rate in China from 1982 to 2020. *Statista*. June 28, 2024. https://www.statista.com/statistics/271336/literacy-in-china/ (accessed 10.07.2025).
21. Xin T. China's Higher Education Enrollment Rate Exceeds 60%. *YiCai*. October 8, 2024. https://www.yicaiglobal.com/news/chinas-higher-education-enrollment-rate-exceeds-60 (accessed 19.07.2025).
22. The World Bank in China. https://www.worldbank.org/en/country/china/overview (accessed 25.07.2025).
23. *China. World Economics*. August 2025. https://www.worldeconomics.com/country-reviews/china/ (accessed 04.08.2025).
24. *China Poverty and Equity Brief*. October 2024 (English). The World Bank. https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/099656501032511659/idu118b182ae15c4314b6e190ba1cb7c8c03a9d9 (accessed 24.07.2025).
25. Im C. Facts about Chinese in the U.S. *Pew Research Center*. May 1, 2025. https://www.pewresearch.org/race-and-ethnicity/fact-sheet/asian-americans-chinese-in-the-u-s/ (accessed 17.06.2025).
26. Country Comparisons Median age. *The Central Intelligence Agency*. 2025. https://www.cia.gov/the-world-factbook/field/median-age/country-comparison/ (accessed 01.08.2025).
27. Educational Attainment by Race and Ethnicity. *American Council on Education*. 2025. https://www.equityinhighered.org/indicators/u-s-population-trends-and-educational-attainment/educational-attainment-by-race-and-ethnicity/ (accessed 01.08.2025).
28. Tierney A. Median household income in the United States, by race and ethnicity from 1967 to 2023. *Statista*. October 28, 2024. https://www.statista.com/statistics/1086359/median-household-income-race-us/ (accessed 18.07.2025).
29. Consumer Expenditures—2023. *U.S. Bureau of Labor Statistics*. September 25, 2024. https://www.bls.gov/news.release/cesan.nr0.htm (accessed 05.07.2025).
30. Adkins M. Homelessness in America: Statistics, Analysis, and Trends. *Secutiry.org*. September 26, 2024. https://www.security.org/resources/homeless-statistics/ (accessed 02.08.2025).
31. Korhonen V. Rate of homeownership in the United States in 2023, by race. *Statista*. July 5, 2024. https://www.statista.com/statistics/639685/us-home-ownership-rate-by-race/ (accessed 02.08.2025).
32. Cho K. Chinese Americans face discrimination amid U.S-China tensions, survey shows. *The Washington Post*. September 26, 2024. https://www.washingtonpost.com/nation/2024/09/26/chinese-americans-discrimination-asian-hate-survey/ (accessed 02.08.2025).
33. Ruiz N., Im C., Tian Z. 1. Asian Americans' experiences with discrimination in their daily lives. *Pew Research Center*. November 30, 2023. https://www.pewresearch.org/race-and-ethnicity/2023/11/30/asian-americans-experiences-with-discrimination-in-their-daily-lives/ (accessed 29.07.2025).

ЗА РУБЕЖОМ
ABROAD

DOI: 10.7868/S3034520026100066 Оригинальная статья

ФРАНКО-ГЕРМАНСКИЙ ТАНДЕМ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Е.А. Сидорова*

ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Москва, Российская Федерация
**E-mail: yelena.sidorova@yahoo.com*

Аннотация. В статье рассмотрено экономическое измерение партнёрства между Францией и Германией (франко-германский тандем). Основные разногласия между этими странами, которые существуют уже на протяжении десятилетий, можно разделить на две основные группы: во-первых, вопросы развития европейской экономической интеграции, во-вторых – проблемы двустороннего взаимодействия, включая те, что могут оказывать влияние на первую группу. Обременяющее воздействие на эффективность тандема оказывают внутрихозяйственные проблемы каждого из двигателей ЕС. Несмотря на то, что обе страны принадлежат к так называемой континентальной социально-экономической модели, у каждой существует национальная специфика, без учёта которой эффективность тандема не будет высокой. Экономическое взаимодействие ФРГ и Франции представляет собой сложную систему стратегических компромиссов, хотя ФРГ удаётся использовать их более эффективно, чем Франции. Долгосрочные перспективы ЕС во многом будут определяться продуктивностью сотрудничества этих стран.

Ключевые слова: Европейский союз, экономика, социально-экономические модели, франко-германский тандем, фискальное регулирование, энергетика

Финансирование. Исследование проведено без дополнительного финансирования.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Ссылка для цитирования: Сидорова Е.А. Франко-германский тандем: проблемы и перспективы экономического взаимодействия. *Вестник РАН / Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2026. Том 96. № 10. С. 893–907. https://doi.org/10.7868/S3034520026100066

Поступила в редакцию 23.03.2026
После доработки 20.04.2026
Принята к публикации 27.05.2026

СИДОРОВА Елена Александровна – кандидат экономических наук, доцент, заведующая сектором международных валютно-финансовых отношений ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Российская Федерация, e-mail: yelena.sidorova@yahoo.com, https://orcid.org/0000-0003-0815-3995.

© Сидорова Е.А., 2026

ЗА РУБЕЖОМ
ABROAD

DOI: 10.7868/S3034520026100066 Original article

FRANCO-GERMAN TANDEM: PROBLEMS AND PROSPECTS OF ECONOMIC COOPERATION

E.A. Sidorova*

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 117997, Moscow, Russia
**E-mail: yelena.sidorova@yahoo.com*

Abstract. The article examines the economic aspect of the partnership between France and Germany (the Franco-German tandem). The main disagreements between these countries, which have existed for decades, can be divided into two main groups: firstly, issues of European economic integration development, and secondly, problems of bilateral interaction, including those that may influence the first group. The internal challenges of each member of the EU have a significant impact on the efficiency of the partnership. Despite the fact that both countries follow the so-called continental social and economic model, there are some national differences that need to be taken into account in order to ensure the success of their cooperation. The economic partnership between Germany and France is a complex system of strategic trade-offs, although Germany manages to leverage them more effectively than France. The long-term prospects of the EU will largely be determined by the productivity of their cooperation.

Keywords: European Union, economy, socio-economic models, Franco-German tandem, fiscal regulation, energy

Funding. No additional funding was received for this study.

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Sidorova E.A. Franco-German tandem: Problems and prospects of economic cooperation. *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk / Herald of the Russian Academy of Sciences.* 2026, vol. 96, no. 10, pp. 893–907. (In Russ.) https://doi.org/10.7868/S3034520026100066

Received March 23, 2026
Revised April 20, 2026
Accepted May 27, 2026

SIDOROVA Elena A. – PhD (Econ.), Associate professor, Head of Sector for the international monetary and financial relations, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Moscow, Russian Federation, e-mail: yelena.sidorova@yahoo.com, https://orcid.org/0000-0003-0815-3995.

© Sidorova E.A., 2026

Европейский союз вступил в XXI в. одним из крупнейших игроков мировой экономики. На первый взгляд, основные экономические показатели свидетельствовали о прочных позициях интеграционного объединения в важных хозяйственных сферах. ВВП ЕС в 2000 г. превышал 7 трлн долл. (более 21.5% мирового), а динамика ВВП составляла в среднем 3.9%[1] при уверенном росте промышленного производства. Впоследствии стали проявляться проблемы, которые не решались, а нарастали, причём во многом это сложности крупнейших экономик союза, ФРГ и Франции. В 2014–2024 гг. реальный ВВП ЕС вырос всего на 17%, что ниже показателя США и среднего по миру (около 32% и 26% соответственно)[2]. Франко-германский тандем[3] ещё до мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. (Великой рецессии) не был высокоэффективным, но эксперты анализируют прежде всего политические и военные аспекты отношений, хотя проблемы в экономике появились практически с самого начала взаимодействия двух крупнейших стран-партнёров по ЕС.

Подчеркнём, что позиции ФРГ и Франции не мононациональны. В ходе конфликта интересов Франция выражает не только свою точку зрения, но и ряда иных стран, в частности, Италии, как и мнение ФРГ – это позиция, например, Нидерландов, Дании, других скандинавских стран. Так, в 2021 г. Франция по миграционным вопросам поддержала не ФРГ, а Италию. Конфигурация групп интересов, которые олицетворяют стороны тандема, меняется.

На современном этапе европейской интеграции разногласия между ФРГ и Францией не уменьшаются, хотя обе страны давно признали важность сотрудничества не только для их национальных экономик, но и для всего ЕС. Какие же причины обусловили особенности франко-германского взаимодействия в XXI в.?

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В российском научном сообществе целый пласт работ по политическим и военным аспектам принадлежит исследователям Института Европы РАН, ИМЭМО РАН, ИНИОН РАН и иных отечественных аналитических центров [1–9]. Именно по этой причине в статье не затронуты вопросы, связанные с политическими аспектами, а также проблемы военной экономики и отчасти миграционной политики, хотя и в них разногласия тандема многочисленны и разнообразны.

Экономическая сторона партнёрства двух европейских локомотивов привлекает меньше внимания [10], чем экономическая ситуация в этих странах в отдельности [11]. Разногласия ФРГ и Франции, “объективное расхождение... экономических векторов” [12, с. 19] можно разделить на связанные с европейским строительством, углублением европейской интеграции и с двусторонними отношениями.

В европейском научном сообществе анализ тандема также смещён в сторону вопросов политических. Экономическая сторона, как и в работах российских исследователей, затронута меньше. Из междисциплинарных работ отметим коллективную монографию под редакцией британского исследователя А. Коула, где наряду с политикой предпринята попытка рассмотреть партнёрство Франции и ФРГ в промышленности, торговле, европейской экономической интеграции [13]. Другая работа, в которой в противовес термину “мотор” прозвучал термин “тормоз”, рассматривает роль тандема в евроинтеграции также с политологической точки зрения [14].

Французский экономист Ж.-М. Труй, как и политолог А. Коул, исследуя отношения двух стран в торговле и промышленности, поднимает вопрос о фискальном дисбалансе между ними (более острые проблемы госфинансов во Франции при относительно стабильном положении в ФРГ) [15]. В вышедшей в том же году монографии У. Кротца и Й. Шильда утверждается (правда, снова с точки зрения политологии), что неравномерность экономических взаимоотношений ведёт не только к партнёрству, но и к соперничеству [16, 17].

По мере нарастания проблем вопросы экономики привлекают всё больше внимания. В сборнике статей авторитетных экспертов разбираются различные аспекты именно *экономического* взаимодействия ФРГ и Франции, включая фискальные [18]. Из новых исследований можно отметить работу французского автора К. Брауэ (2024), в которой подчёркнуто, что для сохранения сильного Евросоюза и его экономики сделать двум странам предстоит ещё очень многое. В числе обозначенных автором проблем – необходимость координации промышленной политики, финансов, позиций в отношениях с КНР и США [19]. Специалисты обращают внимание на споры между двумя странами относительно размеров поддержки национальной экономики: ФРГ тратит на эти цели существенно больше Франции, что может создать преимущества германской экономике [20]. Эксперты из ФРГ Л. Шрамм и У. Кротц также выделяют экономическое измерение тандема [21]. В одной из недавних работ Л. Шрамм подчеркнул необходимость анализа внутренних проблем Франции и ФРГ для понимания логики их сотрудничества [22, p. 186]. Поскольку очередная низшая точка эффективности взаимодействия локомотивов Евросоюза пройдена в 2024 г.[4], настрой экспертов стал более оптимистичным. Основой разворота послужила германо-французская Повестка по итогам министерской встречи в Тулоне в 2025 г., после чего, по мнению экспертов

[1] World Dank. https://data.worldbank.org

[2] World Dank. https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#

[3] Тандем этих стран представляет собой стратегическое взаимодействие двух крупнейших экономик Евросоюза, сформированное ещё во второй половине XX в. Здесь и далее это словосочетание используется в экономическом смысле.

[4] Примерно в это время возник термин “германское голосование” (vote allemand), означающий невозможность достижения компромиссов ни по одному из вопросов. (Stetter E. La France et l’Allemagne face aux défis européens. Fondation Jean Jaurès, 09.12.2025. https://www.jean-jaures.org/publication/la-france-et-lallemagne-face-aux-defis-europeens/).

Института европейской политики (Берлин), “чихающий мотор” (*Ein stotternder Motor*) тандема снова завёлся [23]. Эксперты выражают осторожный оптимизм относительно того, что после определённого застоя, если дать тандему-двигателю “продышаться”, можно выйти на более эффективный режим работы.

ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПАРТНЁРСТВА ФРАНЦИИ И ФРГ

Ещё в 1950-е годы экономический потенциал Франции и ФРГ сделал их ключевыми странами Европейского экономического сообщества, взаимодействие которых определяло темпы экономической интеграции [24, p. 274].

По состоянию на 2025 г. (в текущих ценах) на ФРГ приходится 23.7% ВВП ЕС, на Францию – 15.7%. В совокупности обе экономики составляют около 40% ВВП 27 стран ЕС[5]. ФРГ остаётся крупнейшим торговым партнёром Франции, хотя в 2024 г. взаимный товарооборот сократился в той же пропорции, что и товарооборот Франции с ЕС (–5%). ФРГ – крупнейший потребитель товаров из Франции (13.2% общего объёма французского экспорта), ведущий партнёр ряда французских отраслей (машиностроение, химическая промышленность, металлургия и др.). При этом взаимная торговля характеризуется высокой степенью асимметричности (табл. 1).

Традиционно ФРГ имеет положительное сальдо в торговле с Францией, при этом прослеживается тенденция к его росту. Исключение составляет группа топливно-энергетических товаров, где после 2022 г. увеличивается доля Франции, которая стала крупнейшим поставщиком электроэнергии в ЕС. Так, в структуре импорта электроэнергии странами Евросоюза доля Франции выросла в 2022–2025 гг. с 9.2 до 14.6% (1-е место), в то время как доля ФРГ сократилась с 10.2 до 7.7% (с 1-го на 3-е место)[6].

Вместе с тем во взаимной торговле (как в экспорте, так и в импорте) преобладают одни и те же товарные группы (самая крупная – машины и оборудование), что свидетельствует о развитости внутриотраслевого товарооборота и показывает важность региональных цепочек создания стоимости. При этом Франция имеет отрицательно сальдо в торговле не только с ФРГ, но и с ЕС в целом, что объясняет протекционистский французский подход в отношениях с третьими странами (как будет показано далее).

Доля Франции в мировом объёме экспорта германских товаров составляет 5.7% (8.8% внутрирегионального и 16.5 внерегионального показателя ЕС), в то время как доля ФРГ в мировом объёме экспорта французских товаров – 15.4% (41.3 и 24.6% соответственно). Франция с 2017 г. – четвёртый после Китая, США и Нидерландов торговый партнёр ФРГ. В 2023 г. франко-германский товарооборот составил 6.4% от общего объёма торговли ФРГ, при этом на французские товары в 2024 г. пришлось меньше 5.1% импорта ФРГ.

По данным франко-германской торгово-промышленной палаты, в ФРГ примерно в 2.6 тыс. французских компаний работает около 330 тыс. человек, во Франции в 3 тыс. компаний, контролируемых немецкими инвесторами, – около 350 тыс. человек. Из действующих во Франции 25 крупнейших зарубежных групп шесть – немецкие (*Allianz, HeidelbergCement, Mercedes-Benz-Group, SAP, Sartorius, Volkswagen AG*). По данным *Business France*[7], ФРГ в 2024 г. стала инициатором 232 инвестиционных проектов во Франции и оказалась на первом месте среди европейских инвесторов в стране (14% от общего числа иностранных инвестиционных проектов). В 2024 г. инвестиции ФРГ помогли Франции создать или сохранить более 4.5 тыс. рабочих мест, или около 12% всех рабочих мест, связанных с иностранными инвестициями[8]. Иными словами, при всей важности двусторонних хозяйственных связей для обеих стран, Франция заинтересована в экономическом сотрудничестве с ФРГ больше.

В 2025 г. по итогам заседания министерского совета в Тулоне появился ряд новых направлений кооперации, которые могут потенциально привести к некоторой корректировке указанных выше дисбалансов. Стороны договорились о взаимодействии при реализации стратегической автономии в экономике[9] и в создании новых технологий, выразили (хотя только формально) общую позицию в отношении Китая. Расширение сотрудничества не решает, однако, существующих проблем, о которых будет сказано далее.

ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ФРАНКО-ГЕРМАНСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ

Несовпадения подходов Франции и ФРГ по вопросам европейского строительства имеют столь же длительную историю, как и существование самого тандема, причём экономический аспект разногласий фигурировал изначально. В исследовании коллектива авторов отмечен парадокс: чем сильнее расходились исходные позиции партнёров, тем больше достижение ими в дальнейшем консенсуса влияло на общеевропейский вектор интеграции [25, pp. 16–17]. К дискуссионным темам относится старейшее направление общеевропейского сотрудничества – сельскохозяйственная политика, позднее – фискальная, а в последние годы и миграционная (этот аспект находится за рамками данной статьи).

Разногласия Франции и ФРГ относительно сельскохозяйственной политики имеют давнюю историю. В качестве примера можно привести ситуацию 1960-х годов, когда Ш. де Голль умело воспользовался

[5] OECD Data Exporer. https://data-explorer.oecd.org/

[6] Database. International trade in goods. Eurostat

[7] Business France – государственное учреждение Франции, занимающееся поддержкой международного развития экономики страны. Создано 1 января 2015 г. в результате слияния Ubifrance и Французского агентства международных инвестиций (InvestInFrance).

[8] Politique et économie. 25.03.2026. https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/information-par-pays/allemagne/politique-et-economie.

[9] Самое важное измерение франко-германской кооперации в связи с этим – наука и высокие технологии (чипы, ИИ, квантовые технологии и пр.).

Таблица 1. Структура взаимной торговли ФРГ и Франции, 2005–2025 гг., млрд евро и % (основные группы)
Table 1. Germany–France bilateral trade structure: 2005–2025, in billion euros and % (main groups)

Код ТН ВЭД	Наименование товара	Экспорт Германии во Францию						Импорт Германии из Франции					
		Млрд евро			% от итога			Млрд евро			% от итога		
		2005	2015	2025	2005	2015	2025	2005	2015	2025	2005	2015	2025
Все товары		78.4	102.8	117.3	100	100	100	53.6	71.8	78.4	100	100	100
01–24	Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё	4.0	6.3	9.3	5.2	6.1	7.9	5.4	6.8	8.5	10.0	9.5	10.9
25–27	Минеральные продукты	1.7	1.3	1.6	2.2	1.3	1.4	1.2	1.2	2.9	2.2	1.7	3.7
в т. ч. 27	Топливно-энергетические товары	1.5	1.1	1.4	2.0	1.0	1.2	1.0	0.9	2.6	1.9	1.3	3.3
28–40	Продукция химической промышленности, каучук	11.5	17.7	21.9	14.7	17.2	18.7	9.6	13.7	18.5	17.9	19.1	23.6
72–83	Металлы и изделия из них	7.1	8.4	9.5	9.0	8.2	8.1	5.2	6.0	7.3	9.7	8.4	9.3
84–90	Машины, оборудование и транспортные средства	44.2	56.4	58.2	56.4	54.9	49.6	27.8	37.5	31.3	51.9	52.2	39.9

Источник: *Eurostat*. https://ec.europa.eu/eurostat/data/database
Source: *Eurostat*. https://ec.europa.eu/eurostat/data/database

внутригерманскими трудностями, и канцлер Л. Эрхард был вынужден уступить по ценовым вопросам в рамках Общей сельскохозяйственной политики (ОСХП). Переговоры о единой цене на зерновые привели к росту противоречий из-за расхождения между средними ценами на двух внутренних рынках (более высокая в ФРГ и более низкая во Франции). В продолжение дискуссии последовали кризис "пустого кресла"[10] и Люксембургский компромисс, ограничивший наднациональные аспекты евроинтеграции и переориентировавший её на межгосударственный подход. Это явилось стратегическим поражением ФРГ, которая отстаивала общеевропейский характер сельскохозяйственной политики, и победой Франции. Очередной пик разногласий в тандеме пришёлся на период перед окончательным введением евро[11], причём самые острые дебаты проходили по ОСХП.

В настоящее время будущие контуры ОСХП остаются неясными, поскольку подходы ФРГ и Франции к её реализации снова разнятся. В проектах своих сельскохозяйственных стратегических планов (обязательные документы, которые с 2023 г. должны предоставляться Еврокомиссии для получения финансирования по линии ОСХП) Франция и ФРГ серьёзно расходятся по степени строгости критериев экологической эффективности ОСХП. Французский подход предполагает более глубокую экологическую направленность европейского сельского хозяйства, чем у германской стороны [27, pp. 3–4]. Это создаёт почву для разногласий при формировании новых параметров сельскохозяйственной политики.

Только с осознанием на высшем уровне того, что ЕС не сможет развиваться без прочного партнёрства

[10] Кризис пустого кресла – столкновение двух подходов к европейскому строительству, которое достигло своего апогея в конце1965 – начале1966 г. Тогда президент Франции Ш. де Голль отозвал французских представителей из органов ЕЭС и несколько месяцев блокировал их работу до тех пор, пока партнёры не пошли на люксембургский компромисс. Он предусматривал сохранение за Францией права накладывать вето при принятии важнейших решений шестью членами ЕЭС как гарантии сохранения государственного контроля над развитием ЕЭС.

[11] При обсуждении наднационального фискального законодательства даже предложенное ФРГ название (Пакт стабильности) Францию не устроило, и в историю документ вошёл как Пакт стабильности и роста. Строго говоря, про рост там речи нет, что доказала и практика [26, с. 13–39].

Франции и ФРГ, компромиссы с трудом, но достигались. После Ниццкого саммита 2001 г. удалось договориться о регулярных встречах президента Франции и канцлера ФРГ (так называемый Блесхаймский процесс). В ходе этих неформальных саммитов принимались многие ключевые для ЕС решения. Но уже в 2005 г. после провала во Франции референдума по Европейской конституции взаимодействие затормозилось.

XXI столетие партнёры начинали с удовлетворительными для развитых стран экономическими показателями (табл. 2), хотя уже в 2000 г. темпы прироста их ВВП были ниже среднемирового уровня на 4.52%. Заканчивалась фаза подъёма очередного среднесрочного экономического цикла, в 1999 г. в безналичный расчёт был введён евро, и 11 стран еврозоны согласовали свои государственные финансы с критериями принятого в 1997 г. Пакта стабильности и роста, предполагающего дефицит госбюджета не более 3% ВВП и объём госдолга не более 60%. Улучшились фискальные позиции не только двух стран, но и еврозоны в целом. Обсуждались планы по крупнейшему расширению в истории объединения.

После введения правил наднационального фискального регулирования к разногласиям по сельскохозяйственной повестке добавилось фискальное направление интеграции как тлеющий очаг противоречий Франции и ФРГ. С началом очередного среднесрочного цикла в 2001 г. макроэкономические показатели в тандеме начали ухудшаться. Более двух десятилетий назад наблюдался существующий и поныне комплекс проблем: нехватка инвестиций, проблемы рынка труда (не только высокая норма безработицы, но и старение населения со всеми производными в бюджетной сфере), недостаточное внимание к новейшим технологиям (ИКТ), отсутствие эффективных стимулов роста экономики. Проблемы уходят корнями в специфику национальных социально-экономических моделей и структуру государственных расходов.

Две ведущие страны ЕС так и не смогли воспользоваться “тучными годами” циклического подъёма второй половины 1990-х годов, чтобы обеспечить длительное оздоровление госфинансов, поэтому ухудшение показателей было неизбежным. Темп прироста номинального ВВП на 5% в год (при котором можно было соблюсти критерии Пакта стабильности и роста – ПСР) не представлялся достижимым. Особо отметим тогдашнюю позицию Еврокомиссии (ЕК) по рынку труда – естественным показателем нормы безработицы сочли 9.3% (!) [28, pp. 8, 14]. К 2005 г. половина стран еврозоны, включая крупнейшие экономики, нарушала критерии ПСР. Против 6 из 12 на тот момент её членов была инициирована процедура коррекции избыточного дефицита, подразумевающая в жёстком варианте большие штрафы.

Почти сразу после принятия Пакта зазвучала критика, которая и привела в 2005 г. к его реформированию. Смягчение не означало отмену процедуры коррекции избыточного дефицита, но нарушения критериев ПСР при отрицательных темпах прироста ВВП стали допустимыми. То есть тормоз для роста экономики в виде чрезмерно жёстких критериев Пакта (уже упомянутых 3% и 60% ВВП по дефициту бюджета и госдолгу соответственно), по мнению Франции, Италии, ряда других стран, сохранился, ФРГ же была удовлетворена таким исходом. Разногласия в изначальных позициях ФРГ и Франции присутствовали, но ФРГ согласилась на реформу, поскольку ей самой грозили серьёзные последствия за нарушение ПСР.

Таблица 2. Основные макроэкономические показатели ФРГ и Франции, %
Table 2. Key macroeconomic indicators for Germany and France, %

Показатели \ Годы	2000	2005	2010	2015	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
ФРГ											
ВВП	3.0	0.9	3.7	1.7	1.1	–4.6	3.7	1.4	–0.3	–0.2	0.0
Баланс бюджета	–1.7	–3.4	–4.4	0.9	1.3	–4.4	–3.2	–2.1	–2.5	–2.8	–2.7
Госдолг	59.2	67.1	81.0	71.2	58.7	68.1	68.1	65.0	62.9	62.5	63.8
Норма безработицы	7.9	11.2	7.0	4.6	3.1	3.9	3.6	3.1	3.1	3.4	3.6
Франция											
ВВП	3.1	1.2	1.5	1.3	1.8	–7.9	6.9	2.6	0.9	1.2	0.6
Баланс бюджета	–1.3	–3.5	–7.2	–3.9	–2.4	–8.9	–6.6	–4.7	–5.4	–5.8	–5.6
Госдолг	59.7	68.2	86.3	97.0	98.2	114.9	112.8	111.4	109.8	113.0	116.0
Норма безработицы	10.2	8.5	8.9	10.4	8.4	8.0	7.9	7.3	7.3	7.4	7.9

Источник / source: Eurostat https://ec.europa.eu/eurostat/data/database; European Economic Forecast 2025. https://economy-finance.ec.europa.eu/economic-forecast-and-surveys/economic-forecasts/spring-2025-economic-forecast-moderate-growth-amid-global-economic-uncertainty_en

После Великой рецессии противоречия Франции и ФРГ относительно ПСР вновь обострились. Пакт, действие которого фактически приостановили в период рецессии, пережил двойное ужесточение условий реформами 2011 и 2012 гг., когда ещё не был преодолён кризис суверенных долгов еврозоны. За ужесточение особенно ратовала ФРГ, в отличие от Франции. Компромисса удалось достигнуть в обмен на учреждение в 2012 г. постоянно действующего фонда – Европейского стабилизационного механизма (*ESM*), заменившего временный Европейский фонд финансовой стабильности (*EFSF*).

Двойной удар привёл к двойной рецессии, ЕС начал стремительно сдавать позиции в мировой экономике. Турбулентный для Евросоюза период был отмечен многочисленными разногласиями между ФРГ и Францией по ряду экономических направлений[12], в том числе по антикризисным мерам, что было связано с различным положением национальных экономик до кризиса. Противоречия в трактовке экономической роли тандема (по вопросам как денежно-кредитной, так и в целом экономической политики) были среди причин вялого восстановления экономики ЕС после рецессии 2008–2009 гг.

Перенос Фискальным пактом, подписанным в декабре 2012 г., критериев ПСР на национальный уровень, проведённый при активной поддержке ФРГ, повысил значение наднационального регулирования в ЕС. При этом в странах Евросоюза не была решена проблема фискального стимулирования экономического роста, которая должна была сопровождаться реформами трудового и социального законодательства. В результате жёсткое соблюдение бюджетной дисциплины[13] закрепило слабые позиции ряда национальных экономик, прежде всего Франции. Для ФРГ же такая дисциплина не означала несовместимость с экономическим развитием в долгосрочной перспективе.

Возврат к правилам Пакта стабильности и роста после ряда событий, включая кризис, вызванный COVID-19, проходил сложно, поскольку позиции Франции и ФРГ снова разошлись. Связанная с этим очередная фактическая приостановка правил ПСР продолжилась из-за энергетического кризиса 2022 г. В отношении ежегодного сокращения госдолга ФРГ ратовала за ясные количественные ориентиры и автоматические правила *для всех*, Франция же отстаивала возможность *индивидуальной* договорённости с ЕК. Компромисс был достигнут весной 2024 г., но в 2025 г. потребность в реформах[14] снова усилилась из-за тех же проблем – неспособности стимулировать инвестиции для обеспечения роста экономики ЕС [29, 30], сопровождавшегося некоторым смягчением позиции ФРГ касательно собственной экономики (что во Франции сочли политикой двойных стандартов). Так, правительство канцлера Ф. Мерца отменило “долговой тормоз” (*Schuldenbremse*) в отношении расходов на оборону и инфраструктуру, проведя это изменение через основной закон страны.

Теперь из существующих ограничений размера структурного дефицита федерального бюджета исключены займы в рамках нового инфраструктурного фонда (*Sondervermögen für Infrastruktur und Klimaneutralität*, 500 млрд евро) и оборонные расходы. Позиция Франции двойственна – потратить полтриллиона евро она не может, но после многих лет борьбы за смягчение жёсткой фискальной позиции ФРГ Франция обрела новый аргумент для дальнейших реформ – немецкой стороне придётся повышать порог критериев ПСР. ФРГ, служившая образцом жёсткой политики, после многолетних дискуссий по поводу фискального регулирования начала сдавать позиции. Хотя с точки зрения не только эффективности тандема, но и будущего евроинтеграции именно Франция должна санировать госфинансы, а не ФРГ смягчать подходы.

ВНУТРИНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, МЕШАЮЩИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ РАБОТЕ ТАНДЕМА

После первой реформы Пакта стабильности и роста (2005) ФРГ и Франция необратимо разошлись по балансу государственного бюджета, а затем (с 2010 г.) – и по госдолгу. ФРГ, ратовавшая за ужесточение условий ПСР, сумела лучше Франции справиться с проблемой дефицита госбюджета (для Франции это традиционная проблема). Не в последнюю очередь подобной ситуации способствовали жёсткие, но эффективные реформы рынка труда в ФРГ (рис. 1, 2).

Проблемы Франции с балансом госбюджета унаследованы от четвёртой четверти XX в.: “славное тридцатилетие” в 1970-х годах закончилось, началось накопление структурных проблем. Левые силы во главе с президентом Ф. Миттераном усугубили тяжёлое положение государственных финансов, гипертрофировав социальную сферу. Сменившим их правоцентристам удалось поправить положение в конце 1990-х, как раз перед формированием еврозоны, но только на короткий срок.

Различия между ФРГ и Францией носят принципиальный характер. Размер государственной квоты (макроэкономический показатель, выражающийся в процентном отношении совокупных государственных расходов к ВВП и наглядно демонстрирующий роль государства в экономике) во Франции, в 2000 г. составивший 51.69% ВВП (в Великобритании 36.76%, в США 31.73%), в 2024 г. достиг 57.17% (44.04 и 37.92%[15] соответственно). В ФРГ в 2000 г. – 45.15%, в 2024 г. – 49.42%[16]. У Франции тренд на повышение,

[12] Критикуя антикризисную программу ФРГ в 32 млрд евро, президент Франции Н. Саркози заявил: “Франция действует, Германия думает” (после чего сумма выросла до 50 млрд) [31, p. 18].

[13] Политику нулевого дефицита (Schwarze Null) сами немецкие эксперты назвали “фетишизмом” [32, p. 32].

[14] Даже со стороны немецких специалистов прозвучало предложение поднять потолок установленного ПСР госдолга с 60% до 90% [33].

[15] Эволюция государственной квоты в странах англосаксонской социально-экономической модели выходит за рамки темы статьи. О британской специфике формирования “большого государства” – в работе [34].

[16] Government expenditure, percent of GDP (2023). https://www.imf.org/external/datamapper/exp@FPP/FRA/DEU.

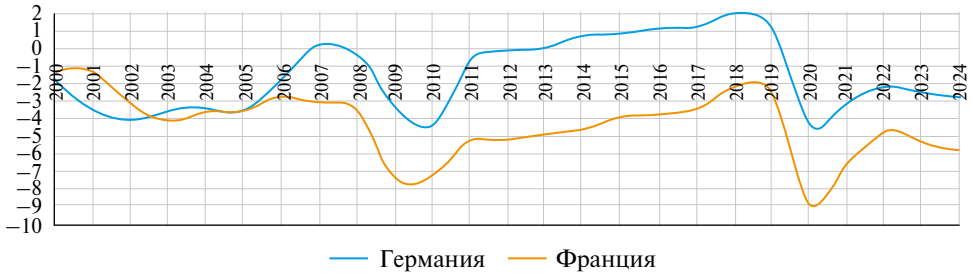

Рис. 1. Баланс госбюджета ФРГ и Франции
Fig. 1. The national budget balance of Germany and France

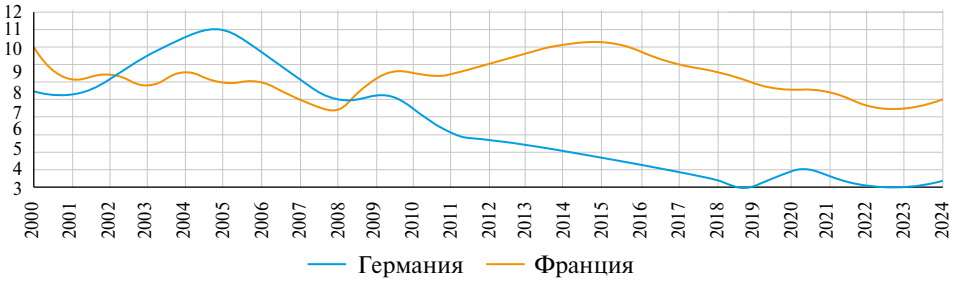

Рис. 2. Нормы безработицы ФРГ и Франции
Источник: Eurostat https://ec.europa.eu/eurostat/data/database
Fig. 2. Unemployment rates in Germany and France
Source: Eurostat https://ec.europa.eu/eurostat/data/database

у ФРГ – достаточно стабильный, при показателе, не достигающем 50% (своеобразной психологической отметки).

Экономисты отмечали, что большой размер государственной квоты вкупе с обширными социальными программами не снижает макроэкономическую эффективность, а страны с высокой долей государственных расходов в ВВП необязательно характеризуются худшей динамикой развития [35]. Однако затем возникла ситуация, когда прежде хорошо работавшие механизмы в XXI в. снизили свою эффективность. Очевидно, что ЕС в целом и отдельные его члены перешли порог, за которым зависимость темпов роста экономики от размеров государственной квоты становится обратно пропорциональной.

Обратим внимание на ситуацию последних пяти лет. В 2020 г. Франция пострадала от кризиса, связанного с коронавирусом, сильнее ФРГ, но вследствие беспрецедентных государственных вливаний французская экономика “отскочила от дна” успешнее. Снижающиеся темпы прироста ВВП Франции были с 2022 г. в некоторой мере поддержаны энергетикой. Для ФРГ, обрабатывающая промышленность которой находится в кризисе, это нехарактерно, что отразилось в низких темпах прироста её ВВП. По госдолгу пути ФРГ и Франции разошлись после 2010 г., когда Франция, в отличие от ФРГ, перешла от рецессии к кризису суверенных долгов еврозоны (рис. 4). В 2008–2009 гг. именно Германия сумела быстрее преодолеть “дно”: в ФРГ в 2010 г. темп прироста ВВП составил 3.6% (рис. 3), а во Франции – всего 1.5%. В 2020 г., в разгар коронакризиса, специалисты Центра европейской политики (CEP) предлагали Франции жёсткую программу реформ – увеличить рабочую неделю, сократить пособия по безработице и период их выплат, повысить пенсионный возраст [36, pp. 10–11]. Проблема стимулирования роста экономики связывалась с положением на рынке труда и в социальной сфере, в то время как для ФРГ было предложено только возобновить действие “долгового тормоза” (*Schuldenbremse*).

Указанные различия в показателях госфинансов и эффективности рынка труда ФРГ и Франции – тот фундамент, на котором базируются их разногласия в общеевропейских вопросах, прежде всего в сфере фискальной интеграции.

Необходимые для повышения эффективности тандема национальные реформы включают сокращение государственной квоты и перераспределение расходов от гипертрофированных социальных статей на науку, инновации и ВПК. Это затронет прежде всего экономику Франции. Давняя проблема “ножниц” между экономической и социальной динамикой решалась наращиванием государственных расходов, что вело к росту госдолга. Ресурсы этой схемы, исчерпанные ещё до коронакризиса, не могут быть основой долгосрочного развития.

Перспективы реформирования крупной статьи бюджетного финансирования Франции – пенсионной системы – неясны. Пенсионные средства – одна из самых

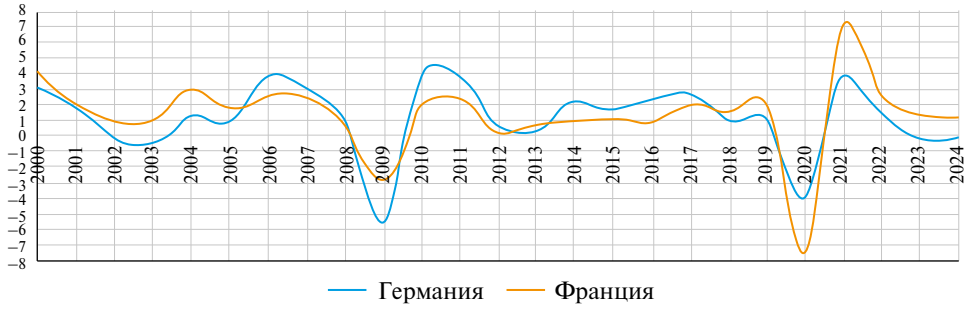

Рис. 3. Темпы прироста ВВП в ФРГ и во Франции, %
Fig. 3. Germany and France GDP growth rates, %

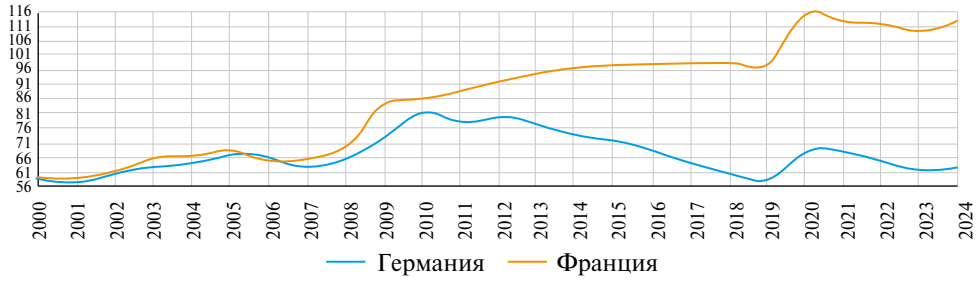

Рис. 4. Динамика государственного долга ФРГ и Франции, %
Источник: Eurostat. https://ec.europa.eu/eurostat/data/database
Fig. 4. German and French Government Debt Dynamics, %
Source: Eurostat. https://ec.europa.eu/eurostat/data/database

крупных расходных статей (свыше 13.5% ВВП)[17] при суммарной доле социальных затрат 34%. Повышение пенсионного возраста с 62 до 64 лет[18] вызвало массовое неприятие в стране. Попытки левых летом 2025 г. вернуться к этому вопросу привели правительство Ф. Байру к голосованию о вотуме недоверия, которое провалилось благодаря поддержке правых, но осенью 2025 г. правительство из-за бюджетных проблем всё же ушло в отставку, на этот раз под давлением и левых, и правых.

Понимание того, что во Франции накопился ряд серьёзных структурных проблем, произошло в экспертной среде достаточно давно. В отличие от Франции в ФРГ решение о повышении пенсионного возраста с 65 до 67 лет в 2031 г. воспринято населением более спокойно. Во Франции считают недопустимым проведение реформы за счёт будущих поколений, в ФРГ же к этому относятся прагматичнее, как к неизбежности, особенно с учётом старения населения. Реформа пенсионной системы, по мнению германских экспертов, снижает неравенство [37], обеспечивая социально-экономическую стабильность (хотя в первом десятилетии XXI в. неравенство росло).

До пандемии стороны попытались оживить тандем, заключив в 2019 г. Ахенский договор. Экономическое взаимодействие получило институциональное оформление на всех уровнях. В дополнение к уже существующим органам сотрудничества договором учреждён ряд новых структур, но их эффективность сомнительна. Ахенский договор был подписан в тяжёлое для ЕС время: долговые проблемы, миграционный кризис и его последствия, Брекзит – то, что в 2016 г. тогдашний президент ЕК Ж.-К. Юнкер назвал “поликризисом”[19]. Добавим сюда санкционное противостояние с Россией, а также замедление глобальной экономики в 2015 г. После Брекзита заговорили о “европейской дезинтеграции” [38], мы же отметим невысокую эффективность тандема.

Коронакризис показал, что преодоление разногласий двух локомотивов ЕС возможно только перед лицом очень серьёзной угрозы. Так, в 2020 г. ФРГ и Франции удалось договориться о Плане восстановления ЕС (*NG EU*) в 750 млрд евро[20], что можно считать крупнейшим успехом тандема за последние годы. Но уже к 2022 г. экономические споры обострились настолько, что франко-германский совет

[17] *Ageing Report France*. 2024, p. 7.
[18] Это решение не стало панацеей от накопившихся проблем: к 2035 г., если не проводить дальнейших изменений, дефицит пенсионной системы Франции достигнет 15 млрд евро и 30 млрд евро – к 2045 г. (Situation financière et perspectives du système de retraites. Communication au Premier ministre. *Cour des Comptes*. 2025, Février).
[19] *European Commission* 2016. https://ec.europa.eu/commission/presscorner/api/files/document/print/en/speech_16_2293/SPEECH_16_2293_EN.pdf.
[20] Впоследствии сумма возросла до 806.9 млрд евро. (Recovery plan for Europe. https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/recovery-plan-europe_en).

министров (который должен был стать первым для канцлера О. Шольца) пришлось временно отложить.

Упомянутые структурные проблемы характерны не только для Франции, но и для других современных социально-экономических моделей стран ЕС. Неслучайно в 2023 г., когда тандем пытался в очередной раз повысить экономическую эффективность, среди прочих стандартных направлений (состояние ВПК, вопросы инноваций, инвестиций и интеграции) было выделено "укрепление (*Stärkung*) уникальной европейской модели на основе экономического и социального прогресса, сопровождающегося экологическим переходом"[21]. Европейская социальная модель размывается кризисами XXI в., а укрепление экономической модели ЕС подразумевает трансформацию социально-экономической сферы его ведущих экономик.

ДВУСТОРОННИЕ ПРОБЛЕМЫ ТАНДЕМА

Помимо европейского строительства и внутринациональных экономических сложностей, в числе причин разногласий – ряд направлений двустороннего сотрудничества, которые могут сопровождаться проблемами в национальных экономиках. Одной из болевых точек стала энергетика, причём не только в силу различий в структуре первичного потребления энергии в ФРГ и во Франции[22].

С осени 2022 г. Франция впервые начала поставлять природный газ напрямую в ФРГ реверсной прокачкой через оператора *GRTgaz*, что формально можно считать успехом партнёрства и показателем его эффективности (хотя цифра достаточно скромная – около 2% потребления газа в ФРГ[23]). Согласно договору об энергетической солидарности Франция помогала ФРГ с поставками газа, в то время как последняя производила больше электроэнергии для снабжения Франции в периоды пикового потребления. В то же время возникли существенные разногласия по поводу ограничения цен на газ, поскольку установление ценового предела для поставщиков газа с точки зрения ФРГ (самой энергоёмкой экономики ЕС)[24] недопустимо. ФРГ опасалась, что продавцы газа в случае навязывания им ограничений перейдут на более привлекательные с ценовой точки зрения рынки без гарантии бесперебойных поставок европейским потребителям. Позиция Франции и ряда членов ЕС иная: Э. Макрон и главы 14 государств ратовали за установление предела.

Ещё один повод для споров в тандеме связан с характером собственности на энергетическую инфраструктуру: во Франции ею владеет государство, а в ФРГ сложилась гибридная модель с существенным участием частного сектора. Немцы опасаются, что французская модель позволит обеспечить более низкие цены (что и происходит), повышая конкурентоспособность национальной промышленности (и снижая соседской). Разногласия между Парижем и Берлином касались использования во Франции государственных инвестиционных схем – контрактов на разницу цен (*Contracts for Difference, CfD*), когда правительство и энергетические компании договариваются о фиксированной ставке, которую компании получают за производимую ими электроэнергию. Если цены на рынке падают ниже определённого уровня, государство возмещает энергетической компании разницу субсидией. Но если цены поднимаются выше этого уровня, производитель возвращает излишек государству. ФРГ и ряд других стран ЕС опасались, что Франция получит огромные доходы от применения таких контрактов в отношении АЭС, поставляющих около 70% электроэнергии в стране (причём более низкой себестоимости), которые она затем могла бы направить на субсидирование своей экономики и развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Достигнутый осенью 2023 г. компромисс по этому вопросу Франция сочла успехом – своим и Европейской комиссии (ЕК): Елисейский дворец приветствовал "прекрасную победу Франции и Европы" и выразил удовлетворение тем, что в тексте не проводится различия между ядерной и возобновляемой энергией[25]. У ФРГ состояние французских АЭС вызывает опасение. Внештатные ситуации могут потенциально привести к тому, что Берлин будет вынужден компенсировать партнёру дефицит электроэнергии со своих газовых электростанций.

Ещё одно яблоко раздора – газопровод *MidCat* между Испанией и ФРГ, за который ратовали Мадрид, Берлин, Португалия, страны Центральной и Восточной Европы. Строительство этого исключительно важного для ФРГ газопровода между севером Испании и югом Франции с ответвлением в ФРГ, начатое в 2013 г., было остановлено ещё до пандемии из-за потенциального воздействия на окружающую среду и сомнения ЕК по поводу экономической целесообразности проекта.

MidCat мог бы транспортировать СПГ из США или Катара, или даже "зелёный водород", что соответствует курсу ЕС. Позиция Франции в этом отношении была весьма сдержанной. В 2022 г. Франции удалось убедить Испанию и Португалию заменить *MidCat* на подводный газопровод *BarMar*[26] между Барселоной

[21] Die Bundesregierung. Archiv. 22.01.2023. https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/scholz-macron-gastbeitrag-faz-2159482.

[22] По выбросам CO_2 экономика Франции "чище", чем ФРГ: различия до коронакризиса достигали 45% не в пользу Германии. (Montel. 15.08.2024. https://montel.energy/resources/blog/two-different-energy-systems-france-and-germany-compared).

[23] *The Associated Press.* 13.10.2022. https://apnews.com/article/technology-business-france-germany-92128b52f361b0e0fcf2c46bf66e4e08.

[24] ФРГ, одной из ведущих стран мира по энергоэффективности, к 2023 г. удалось сократить потребление первичной энергии на 26% от уровня 1990 г. Сокращение к 2030 г. на 39%, как и для всего ЕС, представляется слишком амбициозной целью [39].

[25] Sciences et Avenir. *AFP.* 18.10.2023. https://www.sciencesetavenir.fr/nature-environnement/nucleaire-les-27-tentent-de-debloquer-la-reforme-du-marche-de-l-electricite_174516.

[26] Это часть более крупного проекта *H2Med*, который к 2030 г. должен связать Португалию, Испанию, Францию, ФРГ и обеспечить около 10% потребления водорода в ЕС. Жизнеспособность водородопровода из Испании через Францию в ФРГ связана с признанием зелёным водорода от АЭС.

и Марселем, с возможной прокачкой и водорода. Предусмотренные сроки строительства составляют 4–5 лет, дискуссии вокруг проекта продолжаются.

Непросто складывается ситуация и в отношении зелёного водорода. Франция и ФРГ годами спорили относительно водорода с французских АЭС. В 2023 г. ЕК дала определение зелёного водорода, которое устроило Францию и Швецию (где АЭС дают соответственно более 70% и около 40% энергии), но не ФРГ. Согласно ЕК, полученный на АЭС водород считается зелёным при условии, что производитель заключает долгосрочный контракт на использование ВИЭ, эквивалентный объёму, необходимому для производства водорода методом электролиза воды. То есть водород производится не из ископаемого топлива, и при этом идут инвестиции в развитие экологичных источников энергии. Непримиримая позиция ФРГ, выраженная министром от партии "зелёных", была проигнорирована. Производители водорода в ЕС также опасаются перемещения производства в США (где зарезервированы инвестиции в чистую энергию), если Франция и ФРГ не выработают общую позицию. Разногласия продолжались до середины 2025 г., когда новое руководство ФРГ сняло возражения против того, чтобы ядерная энергетика рассматривалась в законодательстве ЕС наравне с ВИЭ. Канцлер Ф. Мерц назвал ошибкой отказ от АЭС[27], большинство немцев выступают за их возрождение[28].

Остальные страны ЕС опасаются, что нескоординированные усилия ещё больше разделят Европу, затрудняя интеграцию. Кроме того, в ФРГ налицо политика двойных стандартов: продавливание жёсткой экономии в Брюсселе (Фискальный пакт 2013 г.) и противодействие общим европейским долгам. Проект общеевропейских долговых инструментов не принят, несмотря на различные варианты его реализации при одновременном щедром расходовании средств для национальной экономики.

В 2022 г. Франция и Германия продемонстрировали слаженность в вопросах политики, но снова разошлись в способах решения новых проблем в экономике. План ФРГ по поддержке национальной экономики после событий 2022 г. стоимостью 200 млрд евро (потом цифра ещё увеличилась), призванный смягчить резкий рост цен на энергоносители[29] (*Doppel-Wumms*), – беспрецедентная сумма для страны, строго следящей за фискальной дисциплиной, – вызвал закономерное удивление партнёров по ЕС, особенно Франции. Для неё столь щедрая поддержка ФРГ своей экономики стала неожиданной, несмотря на регулярные контакты с ФРГ. Реакция Франции отразила позицию ряда стран ЕС, которые не могли оказать столь масштабной помощи своим потребителям и бизнесу и критиковали более щедрые страны, выражая обеспокоенность по поводу возможных искажений конкуренции на едином рынке [40, с. 5]. Канцлер О. Шольц, со своей стороны, подчёркивал, что его план вдохновлён другими мерами, принятыми в ЕС, особенно во Франции, где в 2022 г. государство взяло на себя защиту населения от резкого скачка цен на электроэнергию[30].

Достаточно новый вектор разногласий Франции и ФРГ на экономическом поле – автопром, где позиции обеих стран традиционно прочны. Речь идёт прежде всего о той его части, что связана с реализацией зелёного курса ЕС. В сегменте электромобилей действует программа "Сделано в ЕС" (*MiEU*), направленная в том числе на снижение китайского влияния, которое вызывает опасения у европейских производителей. Так, на рынке электромобилей доля китайских брендов на начало 2026 г. превысила 10%. И это несмотря на введённые с 2024 г. компенсационные пошлины от 7.8% до 35.3% на импорт китайских электромобилей[31]. Мнения Франции и ФРГ относительно подобного механизма защиты европейских компаний опять разошлись. Франция поддерживает введение пошлин для защиты собственных производителей, а ФРГ утверждает, что конкуренция с Китаем может стимулировать инновации в европейском секторе производства аккумуляторов и зарядных устройств, хотя на деле опасается ответных мер со стороны Китая, которые могут навредить интересам германских компаний. Эти различия демонстрируют полярность взглядов ФРГ[32] и Франции на развитие торговых отношений с третьими странами. Если ФРГ придерживается более либерального подхода в торговой политике, то Франция чаще выступает за протекционистские меры, применение которых, однако, ограничивает наднациональное регулирование.

В 2025 г. количество накопившихся разногласий перешло в качество: во второй половине 2025 и в начале 2026 г. произошли сразу два крупных события, касающиеся экономической стороны взаимоотношений двух стран. В конце августа на 25-й встрече франко-германского совета министров в Тулоне, где председательствовали Ф. Мерц и Э. Макрон, была предпринята очередная попытка перезагрузки тандема в экономическом плане с точки зрения международного, европейского и двустороннего уровней, достижения компромисса по всем болевым точкам. Так, страны подчеркнули различие своих подходов в энергетике, но при этом договорились развивать общие

[27] *Tagesschau*. 22.05.2025. https://www.tagesschau.de/inland/energiepolitik-atom-kurs-deutschland-100.html (дата обращения 04.08.2025).

[28] *Die Welt*. 04.04.2025. https://www.welt.de/vermischtes/article255862090/Atomenergie-Deutsche-wuenschen-sich-Rueckkehr-zur-Atomkraft-Brantner-will-nicht-alle-paar-Wochen-Kehrtwende.html (дата обращения 04.08.2025).

[29] *Bundestag*. https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2022/kw42-de-stabilisierungsfond-915612 (дата обращения 04.08.2025).

[30] *Écologie*. https://www.ecologie.gouv.fr/politiques-publiques/bouclier-tarifaire-lelectricite.

[31] Williams G. Don't Stop Me Now: Chinese Cars Are Having a Good Time in Europe // *Rhodium group*. 1.04.2026. https://rhg.com/research/dont-stop-me-now-chinese-cars-are-having-a-good-time-in-europe/. China and EU towards resolving EV imports dispute. *European Interest*. 13.01.2026. https://www.europeaninterest.eu/china-and-eu-towards-resolving-ev-imports-dispute/

[32] Германский автопром нашёл выход, переориентировавшись на программу перевооружения ЕС: львиная доля европейских оборонных инвестиций приходится на компании ФРГ.

представления о роли энергетических технологий в достижении европейских целей в области климата – речь идёт о разработке прагматичных предложений[33]. Обсуждалось и формирование Союза инвестиций и сбережений (*Savings and Investment Union*). Доклад бывшего председателя Европейского центрального банка М. Драги дал результат, и две крупнейшие экономики ЕС приняли меры для повышения эффективности использования частного капитала[34].

В начале 2026 г. стало ясно, что никакой перезагрузки или прорыва не произошло. Вероятным представляется формирование новой "влиятельной пары" (*power couple*)[35] в лице Ф. Мерца и Дж. Мелони – германо-итальянское взаимодействие как возможная альтернатива тандему. Конечно, существует формат тройственной встречи министров экономики, и пока о подобных изменениях следует говорить осторожно (аналогов тандему нет). Тем не менее речь идёт не только о политическом измерении (хотя там единство интересов Мерца и Мелони гораздо выше, чем Мерца и Макрона), но и о значительной экономической составляющей, затрагивающей торговлю и промышленность[36].

* * *

В настоящее время франко-германское взаимодействие отмечено рядом проблем, затрудняющих эффективную работу и отягощающих перспективы евроинтеграции. В их числе – чрезмерное внимание к экологии, "потерянные 90-е" (провал в конкуренции в сфере новейших технологий, особенно со стороны ФРГ, в области реиндустриализации), отсутствие стимулирования роста экономики, причём последнее – на уровне стратегических документов ЕС. Развитие экономики тормозят и жёсткие критерии Пакта стабильности и роста, которые ФРГ навязала остальным странам ЕС Фискальным пактом 2013 г.

Эффективность тандема не слишком велика. Может сложиться впечатление, что одна сторона всё время выигрывает (имеется в виду ФРГ, особенно за счёт того, что фискальные вопросы традиционно привлекают много внимания), но это не так – система сдержек и противовесов действует постоянно (что видно на примере сельскохозяйственной политики ЕС). Заметной уступкой ФРГ на уровне ЕС стало одобрение Европейского стабилизационного механизма (*ESM*). Создание такого фонда было изначально абсолютным приоритетом для Франции, которая, со своей стороны, уступила ФРГ в отношении Фискального пакта. Кстати, последний, принятый благодаря тандему, стал крупным поражением Великобритании, угрожавшей наложить вето на это решение, но Франция и ФРГ заключили фискальное соглашение на межправительственной основе, просто обойдя англичан. Впоследствии, отказавшись от двусторонних (по сути, сепаратных) переговоров с британским правительством во время Брекзита, Франция и ФРГ сумели поддержать единство ЕС. Однако за прошедшие годы франко-германские встречи слишком часто характеризовались обеими сторонами как "перезагрузка" (последняя произошла осенью 2025 г.). Уже одно это даёт основание утверждать, что эффективность взаимодействия по ряду ключевых вопросов не удовлетворяет ни одну из сторон.

С 2023 г. наблюдается определённое сближение по линии ФРГ–Италия, которое в дальнейшем может перерасти в нечто большее, хотя говорить об этом с уверенностью преждевременно. О хороших перспективах этого взаимодействия говорит большое количество общих точек соприкосновения в политике и экономике.

На партнёрство ФРГ и Франции влияют их внутренние экономические проблемы. Так, ФРГ, будучи до недавнего времени бастионом фискальной жёсткости, вынужденно смягчила позицию. У обеих стран практически нет выбора: после возрождённой в 2023 г. концепции общей ответственности в политике и экономике придётся проводить реформы в национальных хозяйственных системах. Если взаимодействие станет эффективнее за счёт прагматизма и способности достигать компромиссов в сложных вопросах, сможет проясниться будущее всего ЕС, тем более что альтернативы подобному тандему по-прежнему нет.

Опыт крупнейших экономик ЕС может быть полезным для России с точки зрения нашего участия в формальных и неформальных интеграционных объединениях (ЕАЭС и БРИКС). Основа эффективного взаимодействия так или иначе лежит внутри национальных экономик. Без реализации хозяйственных реформ, отвечающих современным вызовам, его продуктивность снижается. В рамках ЕАЭС (даже с учётом моноцентричной интеграционной схемы) целесообразно разработать более эффективную систему сдержек и противовесов между крупнейшими участниками для повышения эффективности всего объединения (в особенности это касается права вето и его применения). Если говорить о БРИКС, то обсуждается возможность его дальнейшей институционализации. Учитывая роль России и Китая в этом объединении, сложившаяся договорная архитектура модели франко-германского взаимодействия может оказаться полезной в качестве примера. Кроме того, Россия могла бы использовать в своих национальных интересах (прежде всего в энергетике) существующие в европейском тандеме разногласия, а также вероятные новые конфигурации в элитах ЕС.

[33] Franco-German Economic Agenda. *La Maison Élysée*. 01.09.2025. https://www.elysee.fr/en/emmanuel-macron/2025/09/01/franco-german-economic-agenda

[34] Franco-German Council of Ministers in Toulon. *Federal Ministry of Finance*. 29.08.2025. https://www.bundesfinanzministerium.de/Content/EN/Standardartikel/Topics/Europe/Articles/franco-german-council-of-ministers-2025.html

[35] Angelos J., et al. The EU's new power couple: Merz and Meloni. *Politico*. January 23.01.2026. https://www.politico.eu/article/eu-new-power-couple-alliance-europe-giorgia-meloni-friedrich-merz/

[36] В январе 2026 г. канцлер ФРГ и премьер-министр Италии подписали германо-итальянский план действий. (Barbati G. Italian Prime Minister Giorgia Meloni and German Chancellor Friedrich Merz signed the new German-Italian Action Plan in Rome, where the two delegations met for the intergovernmental summit in Rome on Friday. *Euronews*. 23.01.2026. https://www.euronews.com/2026/01/23/italy-germany-summit-meloni-and-merz-push-for-an-autonomous-competitive-europe)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Гусаров Ю.А. Изменения во франко-германских отношениях в постконфронтационный период. *Актуальные проблемы Европы*. 2001. № 1. С. 188–197.

   [Gusarov Yu.A. Changes in Franco-German Relations in the Post-Confrontation Period. *Current Problems of Europe*. 2001, no. 1, pp. 188–197. (In Russ.)]

2. Рубинский Ю.И. Россия и франко-германский тандем: история, проблемы, перспективы. *Современная Европа*. 2009. № 4. С. 38–45.

   [Rubinsky Yu.I. Russia and the Franco-German Tandem: History, Problems, Prospects. *Contemporary Europe*. 2009, no. 4, pp. 38–45. (In Russ.)]

3. Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. *Эволюция франко-германского тандема*. М.: ИЕ РАН, 2023.

   [Rubinsky Yu.I., Sindeev A.A. *Evolution of the Franco-German tandem*. Moscow: IE RAS, 2023. (In Russ.)]

4. Сидоров А.С. *Военно-политическое измерение европейской интеграции: позиция Франции (от де Голля до наших дней)*. М: ИНИОН РАН, 2023.

   [Sidorov A.S. *The Military-Political Dimension of European Integration: Position of France (from Charles de Gaulle up to the Present Day)*. Moscow: INION RAS, 2023. (In Russ.)]

5. Тимофеев П.П., Хорольская М.В. Дилеммы европейской безопасности: сравнение подходов Германии и Франции к соотношению роли ЕС и НАТО в Европе после 2022 г. *Сравнительная политика*. 2024. Т. 15. № 4. С. 132–154.

   [Timofeev P.P., Khorolskaya M.V. European Security Dilemmas: A Comparison of Germany and France's Approaches to the Relationship of the EU and NATO Roles in Europe after 2022. *Comparative Politics Russia*. 2024, vol. 15, no. 4, pp. 132–154. (In Russ.)]

6. Трунов Ф.О. Германия и германо-французский тандем на мировой арене в 2021 г. Политические и военные аспекты. *Свободная мысль*. 2022. № 1 (1691). С. 71–88.

   [Trunov F.O. Germany and the German-French tandem on the World stage in 2021. Political and military aspects. *Free Thought*. 2022, no. 1 (1691), pp. 71–88. (In Russ.)]

7. Чернега В.Н. Франция и Германия: диалектика сотрудничества и соперничества. *Актуальные проблемы Европы*. 2019. № 4. С. 158–171.

   [Chernega V.N. France and Germany: The Dialectics of Cooperation and Rivalry. *Current Problems of Europe*. 2019, no. 4, pp. 158–171. (In Russ.)]

8. Чихачёв А.Ю. Франция – Германия: устоит ли тандем? *Международный дискуссионный клуб "Валдай"*. 18.11.2022. https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/frantsiya-germaniya-ustoit-li-tandem/

   [Chikhachev A.Yu. France – Germany: Will the Tandem Survive? *Valdai Discussion Club*. 18.11.2022. https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/frantsiya-germaniya-ustoit-li-tandem/ (In Russ.)]

9. Шмелёв Д.В. Франко-германские отношения в контексте европейской интеграции (1970-е годы). *Запад-Восток*. 2019. № 12. С. 29–45.

   [Shmelev D.V. Franco-German relations in the context of European integration (1970s). *West-East*. 2019, no. 12, pp. 29–45. (In Russ.)]

10. Белов В.Б. Актуальные вызовы и задачи хозяйственно – политического тандема Германии и Франции. *Современная Европа*. 2019. № 2 (88). С. 27–39.

    [Belov V.B. Current Challenges and Major Tasks of the Economic Tandem of Germany and France. *Contemporary Europe*. 2019, no. 2 (88), pp. 27–39. (In Russ.)]

11. Кузнецов А.В. Экономическая мощь Германии как основа лидерства страны в Европе / *Пределы лидерства Германии в Европе*. Сб. ст. Отв. ред. А.В. Кузнецов. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 9–14.

    [Kuznetsov A.V. Germany's Economic Power as the Basis for the Country's Leadership in Europe / *The Limits of German Leadership in Europe*. Coll. of art. Ed. by A.V. Kuznetsov. Moscow: IMEMO RAS, 2018, pp. 9–14. (In Russ.)]

12. Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. От Елисейского к Ахенскому договору. *Современная Европа*. 2019. № 2. С. 18–26.

    [Rubinsky Yu.I., Sindeev A.A. From the Elysee Treaty to the Treaty of Aachen. *Contemporary Europe*. 2019, no. 2, pp. 18–26. (In Russ.)]

13. Cole A. *Franco-German relations*. L.: Routledge, 2001.

14. *Deutschland und Frankreich in der europäischen Integration: "Motor" oder "Blockierer"?* / Hrsg. Siedentopf H., Speer B. Berlin: Duncker & Humblot, 2011.

[Germany and France in European Integration: “Engine” or “Blocker”? / Ed. by Zydentopf H., Speer B. Berlin: Duncker & Humblot, 2011. (In Germ.)]

15. Trouille M.-J. Economic and Industrial Cooperation between France and Germany: Assessment and Future Prospects. *German Politics & Society*. 2013, vol. 31, iss. 1, pp. 1–23.
16. Krotz U., Schild J. *Shaping Europe: France, Germany, and embedded bilateralism. From the Elysée Treaty to Twenty-Century Politics.* Oxford: Oxford University Press, 2013.
17. Uterwedde H. Deutsch-französische Wirtschaftsbeziehungen: Partner und Konkurrenten. *Bundeszentrale für politische Bildung*. 21.01.2013. https://www.bpb.de/themen/europa/frankreich/152436/deutsch-franzoesische-wirtschaftsbeziehungen-partner-und-konkurrenten/

[Uterwedde, H. German-French Economic Relations: Partners and Competitors. *Federal Political Education Center*. 21.01.2013. https://www.bpb.de/themen/europa/frankreich/152436/deutsch-franzoesische-wirtschaftsbeziehungen-partner-und-konkurrenten/ (In Germ.)]

18. Gros D., Schwarzer D., et al. Frankreich und Deutschland – starke Partner für ein stabiles Europa? *ZBW – Leibniz-Informationszentrum. Wirtschaftsdienst*. 2018. Jg 98. Heft 2. S. 79–99.

[Gros D., Schwarzer D., et al. France and Germany – Strong Partners for a Stable Europe? *ZBW – Leibniz Information Centre for Economics Wirtschaftsdienst*. 2018, vol. 98, no. 2, pp. 79–99. (In Germ.)]

19. Braouet Chr. *Deutschland und Frankreich schaffen das. Für eine neue Zusammenarbeit 60 Jahre nach dem Élysée-Vertrag.* Deutsch-Französisches Institut. 2023.

[Braouet Chr. *Germany and France will overcome this. For a new cooperation 60 years after the Élysée Treaty.* Franco-German Institute, 2023. (In Germ.)]

20. Fratzscher M. Country first? Deutschland und Frankreich liefern sich einen Subventionswettkampf zur Unterstützung der heimischen Wirtschaft. Den Schaden trägt die EU. *IPG*. 02.01.2024. https://www.ipg-journal.de/rubriken/wirtschaft-und-oekologie/artikel/country-first-7217/

[Fratzscher M. Country First? Germany and France Lead Subsidy Race in Support of National Economies. The EU Bears the Damage. *IPG*. 02.01.2024. https://www.ipg-journal.de/rubriken/wirtschaft-und-oekologie/artikel/country-first-7217/ (In Germ.)]

21. Schramm L., Krotz U. Leadership in European crisis politics: France, Germany, and the difficult quest for regional stabilization and integration. *Journal of European Public Policy*. 2024, vol. 31, no. 5. pp. 1153–1178.
22. Schramm L. Bilateral leadership in critical moments: France, Germany, and the management of major European integration crises. *Comparative European Politics*. 2024, vol. 22, pp. 170–191.
23. Hoscislawski S. Europa auf Touren bringen: Neuer Schwung für den deutsch-französischen Motor. *Der (europäische) Föderalist*. 06.10.2025. https://www.foederalist.eu/2025/10/deutsch-franzoesischer-motor.html

[Choszczewski S. Setting Europe in Motion: A New Impetus for the Franco-German Engine. *(European) Federalist*. 06.10.2025. https://www.foederalist.eu/2025/10/deutsch-franzoesischer-motor.html (In Germ.)]

24. Küsters H.J. Deutsch-französische Wirtschaftsbeziehungen in den Anfangsjahren der Europäischen Gemeinschaft. *Revue d'Allemagne et des pays de langue allemande*. 1988. Jg. 20. Nr. 3. S. 274–296.

[Küsters H. J. German-French Economic Relations in the Early Years of the European Community. *Revue d'Allemagne et des pays de langue allemande*. 1988, vol. 20, no. 3, pp. 274–296. (In Germ.)]

25. *The Franco-German Relationship in the EU* / Ed. by Webber D. 1st ed. London, 1999.
26. Сидорова Е.А. *Фискальная интеграция в Европейском союзе*. М.: Весь мир, 2021.

[Sidorova E.A. *Fiscal integration in the European Union*. Moscow: Ves' Mir, 2021. (In Russ.)]

27. Frank L., Schanz H. Policy for regime destabilisation in CAP Strategic plans assessing the transformative ambition of France's and Germany's implementations of the Common agricultural policy. *Environmental Politics*. 11.07. 2025.
28. Mathieu C., Sterdyniak H. Reforming the Stability and Growth Pact: Breaking the Ice. *OFCE. Documents de travail*. 2003, no. 02, May.
29. Boivin N., Darvas Z. The European Union's new fiscal framework: a good start, but challenges loom. *Policy Brief*. 17.02.2025. https://www.bruegel.org/sites/default/files/2025-02/PB%2006%202025_0.pdf
30. Pench L. European Union fiscal rules: it's already time to reform the reform. *Bruegel analysis*. 15.07.2025. https://www.bruegel.org/sites/default/files/2025-07/european-union-fiscal-rules%3A-it%E2%80%99s-already-time-to-reform-the-reform-11082.pdf
31. Glomb W. *The franco-german tandem confronts the Euro crisis.* Paris: Fondapol, 2011.
32. Eisl A. Unüberwindbare Divergenzen in der Haushaltspolitik Deutschlands und Frankreichs? *Notes de l'IFRI*. 2023, no. 34.

[Eisl A. Insurmountable divergences in the fiscal policies of Germany and France? *Notes de l'IFRI*. 2023, no. 34. (In Germ.)]

33. Steinbach A., Zettelmeyer J. Germany's fiscal rules dilemma. *Bruegel*. 24.04.2025. https://www.bruegel.org/sites/default/files/2025-04/Germany%27s%20fiscal%20rules%20dilemma.pdf
34. Подколзина И.А. *Парадоксы британской экономики. Специфика и тенденции экономического развития Соединённого Королевства*. М.: ИМЭМО РАН, 2024.

[Podkolzina I.A. *British Economy Paradoxes. Patterns and Trends in the UK Economy*. Moscow: IMEMO RAS, 2024. (In Russ.)]

35. Клинова М.В. Государство-покровитель: социальное государство на перепутье. *Современная Европа*. 2019. № 2. С. 151–162.

[Klinova M.V. The Paternalistic State: The Welfare State at a Crossroads. *Contemporary Europe*, 2019, no. 2, pp. 151–162. (In Russ.)]

36. Warhem V., Kullas M. Debt-to-GDP divergence of France and Germany. *cepInput*. 10.11.2020.
37. Börsch-Supan A.H., Rausch J., Salerno L. Pension reforms and inequality in Germany: micro-modelling. *NBEA Working Papers*. 2026, April.
38. Webber D. *European Disintegration? The Politics of Crisis in the European Union*. London: Red Globe Press, 2019.
39. Brüggemann A. How energy-efficient is Germany? *KfW Research*. 03.07.2018, no. 213.
40. Кавешников Н.Ю. Реакция Евросоюза на энергетический кризис 2022 г. Аналитическая записка № 42. *РСМД*. 2023.

[Kaveshnikov N.Yu. The European Union's Response to the 2022 Energy Crisis. Analytical note no. 42. *RIAC*. 2023. (In Russ.)]

В МИРЕ КНИГ
IN THE BOOK WORLD

DOI: 10.7868/S3034520026100074 Рецензия

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ В.А. ТИШКОВА “ОЧЕРКИ ТЕОРИИ ЭТНИЧНОСТИ. РЕВИЗИЯ КАТЕГОРИЙ И ПРАКТИК”

М.: НАУКА, 2025. 275 с.

Н.В. Ссорин-Чайков*

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”,
190068, Санкт-Петербург, Российская Федерация
**E-mail: nssorinchaikov@hse.ru*

Аннотация. Статья посвящена обсуждению книги академика В.А. Тишкова “Очерки теории этничности. Ревизия категорий и практик”. Отмечая фундаментальный научный характер этой работы, автор рецензии подробно анализирует вклад В.А. Тишкова в теорию этничности в рамках конструктивистского подхода. Особое внимание уделено терминологии, прежде всего пониманию таких категорий, как идентичность и этничность. Ставится вопрос о путях “примирения” конструктивизма и примордиализма.

Ключевые слова: В.А. Тишков, теория этничности, конструктивизм, примордиализм, идентичность, этничность

Финансирование. Статья подготовлена без дополнительного финансирования.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Ссылка для цитирования: Ссорин-Чайков Н.В. Рецензия на книгу В.А. Тишкова “Очерки теории этничности. Ревизия категорий и практик”. *Вестник РАН / Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2026. Том 96. № 10. С. 908–916. https://doi.org/10.7868/S3034520026100074

Поступила в редакцию 13.05.2026
После доработки 20.05.2026
Принята к публикации 30.06.2026

ССОРИН-ЧАЙКОВ Николай Владимирович – PhD, доцент культурной антропологии департамента истории НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: nssorinchaikov@hse.ru, https://orcid.org/0000-0001-7521-6912.

© Ссорин-Чайков Н.В., 2026

В МИРЕ КНИГ
IN THE BOOK WORLD

DOI: 10.7868/S3034520026100074 Review

REVIEW OF THE BOOK: V.A. TISHKOV. ESSAYS IN THEORY OF ETHNICITY. REVISION OF CATEGORIES AND PRACTICES MOSCOW: NAUKA, 2025. 275 p.

N.V. Ssorin-Chaikov*

National Research University Higher School of Economics,
190068, St. Petersburg, Russian Federation
**E-mail: nssorinchaikov@hse.ru*

Abstract. This article discusses Academician V.A. Tishkov's book "Essays on the Theory of Ethnicity. A Revision of Categories and Practices". Noting the fundamental scientific nature of this work, the author of the review analyzes in detail Tishkov's contribution to the theory of ethnicity within the constructivist approach. Particular attention is paid to terminology, first of all to understanding of such categories as identity and ethnicity. The question of ways to "reconcile" constructivism and primordialism is raised.

Keywords: V.A. Tishkov, theory of ethnicity, constructivism, primordialism, identity, ethnicity

Funding. This article was prepared without additional funding.

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Ssorin-Chaikov N.V. Review of the book: V.A. Tishkov. Essays in theory of ethnicity. Revision of categories and practices. *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk / Herald of the Russian Academy of Sciences.* 2026, vol. 96, no. 10, pp. 908–916. (In Russ.) https://doi.org/10.7868/S3034520026100074

Received May 13, 2026
Revised May 20, 2026
Accepted June 30, 2026

SSORIN-CHAIKOV Nikolay V. – PhD, Associate Professor of Cultural Anthropology, Department of History, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: nssorinchaikov@hse.ru, https://orcid.org/0000-0001-7521-6912.

© Ssorin-Chaikov N.V., 2026

В предисловии к книге академик В.А. Тишков замечает, что на его стадии научной карьеры многие учёные предпочитают писать мемуары, в то время как он ставит перед собой задачу вернуться к судьбе конструктивистского подхода в анализе этничности и этноса. Он указывает на недостатки доминирующей теории социального конструктивизма в данной области (с. 6). Как автор их понимает? Зачем необходимо "примирение конструктивизма и примордиализма" (гл. 4)? Как видит автор соотношение проблематики этничности и предметной области "этнологической науки" (с. 265)?

Несмотря на то, что В.А. Тишков ставит эти концептуальные цели, книга автобиографична. Академическая полемика сочетается в ней с размышлениями о резонансе, который вызвал подход, адвокатом которого Тишков выступает с конца 1980-х годов. Причём обсуждение выдвинутых идей затронуло не только профессиональное сообщество, но и представителей этнических и национальных движений, то есть тех, кого можно считать важной частью исследуемой им реальности.

Книга состоит из четырёх частей. В первой рассматривается теория этничности, вторая посвящена одному из ярких примеров конструктивистского подхода – исследованиям переписей населения. Фокусом третьей части стала языковая политика в России после распада СССР, а четвёртой – теоретические инновации, где автор ставит вопросы, важные с точки зрения его ви́дения будущего науки.

Моей целью не является обзор и оценка прикладных измерений монографии, которые в основном сконцентрированы в третьей её части. В центре моего внимания – фундаментальный научный вклад этой работы, хотя именно здесь видна обратная сторона прикладных исследований, а именно "онтологическое соучастие", говоря словами П. Бурдье, *соотношения изучаемой реальности и научных категорий*. Это фундаментальное понятие методологии Бурдье, которое он применил, в частности, к рассмотрению генезиса групп и классовых отношений, но первое его упоминание относится к соотношению хабитуса и социального поля, то есть пониманию внутреннего и внешнего, в том числе внутренней логики реальности и вешней логики её исследований [1]. Онтологическое соучастие исследователей и исследуемых красной нитью проходит через все разделы обсуждаемой монографии, делая её, с моей точки зрения, крайне интересной для чтения, определяя в то же время темы для дальнейшего обсуждения и исследований – о понимании *идентичности и этничности*, а также о возможностях *онтологического поворота* в отношении последнего концепта. В заключении рецензии я рассмотрю эти три круга вопросов.

Важный контекст книги составляют реакции на конструктивистские публикации В.А. Тишкова, о которых следует сказать несколько слов. По Тишкову, этносы "есть умственные конструкции", существующие "исключительно в умах историков, социологов, этнографов". Автор называет их «своего рода "идеальным типом", используемым для систематизации конкретного материала, то есть культурного многообразия... объективно существующих и отличных друг от друга элементов общества и культуры» [2, с. 7–8]. Такое понимание сформулировано В.А. Тишковым в статьях "О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений" (1989), "Советская этнография: преодоление кризиса" (1992), а также в книге "Реквием по этносу" (2003). Эти публикации породили оживлённую дискуссию в профессиональной среде, в том числе на страницах "Этнографического обозрения" в конце 1980-х – начале 1990-х годов, и недавние критические отзывы, которые цитируются в книге. Вот некоторые примеры: В.А. Тишков «отрицает объективное существование предмета той "логии", которая фигурирует в наименовании возглавлявшегося им института (*Крюков* 2023: 95)» (с. 4); социальный конструктивизм означает, что "нет этносов, есть конструкции, нет объективного, есть интерпретации, а нации – это воображаемые сообщества (*Банников* 2022: 31)" (с. 107). В разгар дискуссий в 1992 г. на страницах "Этнографического обозрения" на В.А. Тишкова как федерального министра по делам национальностей был подан судебный иск после его высказывания о "двухобщинном характере населения" Кабардино-Балкарии: "Мы – нация, а нас называют общинами, как в первобытно-общинном строе" (с. 15). Его отказ как министра завизировать указ президента Б.Н. Ельцина о государственной поддержке российского казачества как "этнической общности" стал одной из причин его ухода с этого поста (с. 114). Среди недавних реакций – подготовленная Высшей политической школой им. Ивана Ильина РГГУ аналитическая справка (2023) по дисциплинам "антропология" и "этнология" (с. 260–262), в развитие которых в этом университете В.А. Тишков был активно вовлечён с 2000 г. Конструктивистский подход, в терминах этой справки, "имплицитно закладывает установку желательности преодоления этноса" (с. 261).

Книгу можно воспринимать и как хронику этой дискуссии, и как реакцию самого Тишкова на такую оценку его позиции. Последнее представляет интерес не столько как ещё одно разъяснение конструктивистского подхода, сколько с точки зрения развития этого подхода в рамках антропологии сегодняшнего дня. *Конструктивизм в антропологии* сформирован кризисом репрезентаций, появившихся в начале 1980-х годов. В те годы появилась ставшая знаменитой триада конструктивистского прочтения нации и национализма в работах Б. Андерсона, Э. Геллера и Э. Хобсбаума. Впрочем, В.А. Тишков показывает, что для понимания истоков этой перспективы важен также конструктивизм 1960-х годов социологов П. Бергера и Т. Лукмана, а в советской науке психолога Л.С. Выготского (с. 27).

Монография следует за этими теоретическими трансформациями. Перед читателем предстают оживлённые дискуссии в науке российской и экскурсы в науку мировую – от транзакционализма Ф. Барта до антропологии глобализации и онтологического поворота, которые Тишков интерпретирует в российском контексте. Он внимательно отслеживает, переводились ли иностранные работы на русский язык, в каких случаях можно говорить о диалоге российских и зарубежных учёных — и что это был за диалог. "Большего стыда

я не переживал в своей жизни", – пишет В.А. Тишков после того, как ему пришлось прочитать за Ю.В. Бромлея его доклад о современных этнических процессах в 1988 г. в Загребе на Международном конгрессе антропологических и этнологических наук. После доклада Э. Вулф язвительно заметил: "Спасибо Вам за лекцию по социальному расизму" (с. 67). Что касается российских исследователей, то В.А. Тишков цитирует переписку и разговоры с коллегами – М.И. Губогло, А.Л. Елфимовым, С.В. Соколовским, В.В. Степановым и другими. Всё это приближает рецензируемую книгу к жанру "этнографии этнографии", хотя и в дискурсивном, а не институциональном смысле этого понятия.

Главный тезис книги состоит в том, что конструктивизм не означает отрицание реальности. Конструктивизм – это ни в коем случае не замена реальности нарративами и интерпретациями, как это пытались представить критики его публикаций (см. выше). Напротив, конструктивизм предлагает метод рассмотрения реальности. Сконструированная и собранная машина или самолёт реальны, но они есть конструкты. Эти примеры машины и самолета из области антропологии науки [3], в которой конструктивизм подвергался атакам не менее, если не более сильным, чем в области исследований этничности. Предметом этих атак было отношение к *научному факту*. Согласно конструктивизму научный факт – это конструкт. Так, защищая конструктивистское понимание факта, Д. Харауэй обращает внимание на то, что факт неотделим от истории этого понятия, которая восходит к латинскому *factum* (действие) от *facere* (делать, создавать). Поэтому факт не следует воспринимать как простую регистрацию того, что есть, а "делание", то-есть конструирование [4, p. 3]. Согласно Б. Латуру, конструктивизм не является отрицанием онтологической реальности научных открытий, подобно тому как этнология анимистических и шаманских верований индейцев Амазонии как конструкта не есть сомнение в их онтологической истинности [5, pp. 100–103].

Так почему В.А. Тишков считает, что есть "необходимость доработки теории этничности"? Почему один из разделов главы 4 назван "О примирении конструктивизма и примордиализма"? И то, и другое вызвано неудовлетворённостью автора формулировками, согласно которым этносы есть *идеально-типичные конструкты*, существующие исключительно в умах исследователей, о чём говорилось выше. С точки зрения Тишкова, работающее определение понятия "этничность" должно включать способы описания её онтологической реальности для членов изучаемых сообществ. Он цитирует важный для этой тематики сборник "Конструктивистские теории политики этничности" под редакцией американского политолога К. Чандры: "Конструктивистский подход не отвергает, как это зачастую считают, примордиальные интерпретации этнических идентичностей. Он их проблематизирует. Если этнические идентичности действительно конструируются, тогда при каких условиях примордиальные трактовки этих идентичностей укореняются в жизни? Почему именно примордиальные взгляды в бóльшей степени связываются с одними этническими категориями и меньше с другими? Как воздействует на людей осознание ими природы этничности как сконструированной или как примордиальной? Парадоксально, но исходя из конструктивистских оснований, мы можем лучше познать и корни примордиализма" (с. 121).

Так какие же характеристики, имея в виду приведённое выше высказывание, по Тишкову, позволяют считать данную общность этнической? *Этничность* – это "форма социальной организации культурных различий". Её основу составляют разделяемые членами сообщества, во-первых, представления об общем территориальном и историческом происхождении, едином языке, и общие черты материальной и духовной культуры; во-вторых, политически оформленные представления о родине и особых институтах, таких как государственность, которые могут считаться частью представлений о народе; в-третьих, чувство отличительности, то есть осознание членами группы своей принадлежности к ней и основанные на этом формы солидарности и совместные действия (с. 28).

И в случае антропологии науки, и в случае антропологии этничности конструктивизм предполагает, что описание есть не отражение сущего, а его создание – даже если его продукт примордиален (изначально присущ) с точки зрения членов этнического сообщества. Ближе всего к этой конструктивистской проблематике принадлежат антропологические исследования переписи, которым посвящена вторая часть рецензируемой книги. Эта тематика возникла в российской этнологии в диалоге со ставшими классическими исследованиями переписи антрополога Д. Керцера и политолога Д. Арела, подход которых в свою очередь резонирует с также классической перспективой Э. Геллнера в отношении нации, национального государства и национализма, исторических корней этих реалий в Западной Европе. Согласно Э. Геллнеру только модерн ставит вопрос о том, что политические единицы должны иметь культурно-гомогенную "начинку". До эпохи модерна культурная мозаика ни в городе-государстве, феодальном владении или в селе, ни в империи не составляла ни политической, ни демографической проблемы – элита и подданные, как правило, говорили на разных языках [6]. Например, когда Кёнигсберг перешёл из российского владычества назад в прусское в ходе Семилетней войны, во время которой российский губернатор предоставил Иммануилу Канту университетскую должность, философу "не требовалось проходить никаких трибуналов деруссификации" [7, с. 77].

Внимание к переписи существенно расширяет круг концептуальных дискуссий в этой области. Рассматривая роль переписи в создании категорий идентичности, Тишков опирается на исследования роли этнографии и этнографов в конструировании российской и советской категории "национальность" (Ф. Хирш), но также и на сравнительную перспективу, привлекая в числе прочих польские и британские труды. В частности, он указывает на соотношение принадлежности "британец" или "англичанин", напоминающие отечественную дихотомию "российский" и "русский" (с. 136).

Грани политики этничности в России выступают в таком контрастном примере, как алюторцы (этнографическая группа коряков), выделения которых в отдельный народ долго добивался корякский лингвист, этнограф, писатель и педагог М.И. Попов (Татха). Перепись 2002 г. зафиксировала 12 алюторцев, перепись 2010 г. – ни одного. Но после того, как было принято решение о включении алюторцев в перечень национальностей, перепись 2020/21 гг. обнаружила 95 алюторцев (с. 148). Другой яркий пример касается восприятия вопроса о национальной принадлежности опрашиваемыми: в переписях 2002 и 2010 гг. переписчик пояснял, что означает вопрос "Какая у Вас национальная принадлежность?" (что это вопрос о национальности). В переписи 2020/21 гг. переписчик во многих случаях отсутствовал, и респонденты нередко воспринимали этот вопрос как касающийся атрибутов культуры; в результате вместо "русского", "татарина" или "кабардинца" они писали "навруз", "курбан байрам", "русская литература", "русская музыка" или "русский хор" (с. 129).

И в антропологии науки, и для Тишкова в отношении этничности конструктивизм означает детальное внимание к тому, как распределены действующие лица в процессе конструирования реальности. Конструктивистский подход к этничности отличается, таким образом, от подхода примордиального (эссенциалистского), который постулирует универсальность этнического деления человечества на всём протяжении его истории. Этот контраст стал основным для российской дискуссии, хотя в более широком контексте важно и отличие конструктивистского подхода от инструменталистского. Последний часто предполагает уже существующую (фиксированную) этническую сущность, данную человеку как реальность или как политический миф (с. 30), но в любом случае как инструмент для использования (с. 27), например для легитимизации власти.

Конструктивистский подход подвергает эмпирическому анализу то, как этничность собрана и как работает политика этничности. Тишков подчёркивает, что "политика этничности" (в том смысле, в котором он употребляет это понятие) – это не одно и то же, что "этническая политика" (с. 109). Конструктивизм исследует, какие интересы и намерения стоят как за созданием, так и за сохранением этнической идентичности. Этот подход предполагает рассмотрение круга вопросов о том, какова социокультурная реальность сборки национальных и этнических взаимоотношений – от насилия до индустриализации и урбанизации, становления рынка труда и печатного дела (с. 112–113). Роль последнего в форме "печатного капитализма" стала ключевой в подходе к нации британского социолога и политолога Б. Андерсона. В.А. Тишков добавляет к этому цифровые социальные медиа сегодняшней эпохи с опорой на антропологию глобализации норвежского антрополога Т.Х. Эриксена (с. 249–559). Но и сам Эриксен показывает связь между "печатным капитализмом" и глобальной модерностью в работах по этничности и национализму [8, с. 110] и в более ранней книге о перегреве глобального сообщества [9, с. 45], о которой ниже.

Этничность здесь двуедина. Во-первых, это категория прежде всего языковая, рассматриваемая по аналогии с исторической антропологией А.Я. Гуревича о категориях культуры как "моделях мира" (с. 8–9). Во-вторых, это группа, которая не предшествует категориям, а опосредована ими. Тишков акцентирует внимание на процессе создания этнических единиц, который он описывает с опорой на понятие "групповость" Р. Брубейкера (с. 32–41), указывая на существенный задел российской науки в понимании различия между категориями и группами населения. Это новое восприятие базового материала этнологии позволяет различать "степень групповости", связанной с конкретной категорией и конкретной ситуацией: «Мы можем установить социальные, политические, психологические мотивы и воздействия, по причине которых категории наделяются "групповостью" и становятся народом России» (с. 39–40).

Этничность – это "и категория, и группа как кластер индивидов, которые разделяют то или иное приписываемое обозначение, но совсем необязательно считают себя одним коллективом с общими интересами". Подобные коллективы не являются этносами как "коллективными телами" – действующими субъектами, которые "пашут землю и выращивают урожаи, строят города, ведут войны, создают культурные памятники и т.д." (с. 34). Процесс сборки конфигураций групп и категоризаций ситуационен. Он относителен с точки зрения того, как люди презентуют себя. Это то, что можно назвать реляционным аспектом идентичности. Характерен пример М.Н. Губогло, который однажды рассказывал Тишкову: "Во время депортации в Сибири я и мои родители были выселенными из Молдавии гагаузами, при поступлении в МГУ я выбрал близкую мне и более понятную всем болгарскую национальность, за время жизни в Москве и работы в Академии наук я стал и считаю себя русским, но когда я еду в отпуск или в экспедицию в Гагаузию, то снова становлюсь гагаузом" (с. 122).

Здесь можно использовать термин "идентификационные качели", который автор вводит по отношению к Британии – к "качелям" страновой, имперской и этнической идентичностей британцев, с одной стороны, и англичан как британцев – с другой (с. 160–167). И если реляционный характер идентичности[1] хорошо исследован антропологами начиная с классических "Нуэров" Э. Эванс-Причарда[2], то использование термина "идентификационные качели" применительно к этничности стало интересной новацией автора. Как пишет Тишков, конструктивизм предполагает, что "этнические деления могут создаваться и меняться

[1] Реляционный характер идентичности – это концепция, согласно которой идентичность человека формируется и определяется его отношениями с другими людьми, социальными группами или контекстами. Идентичность не является статичной и фиксированной, а зависит от взаимодействий, связей и ситуативных обстоятельств.

[2] Эванс-Причард Эдвард Э. (1902–1973) – британский социально-культурный антрополог, представитель структурного функционализма, основатель политической антропологии.

или, наоборот, стойко сохраняться в результате политического воздействия или последовательной индоктринации" (с. 112). Помимо британцев и англичан, он приводит пример из российской практики – татаро-башкирские "качели" в ряде районов Башкортостана. От переписи к переписи несколько десятков тысяч жителей этого региона переписываются из башкир в татары, а затем наоборот из татар в башкиры в зависимости от политического курса руководства «и от степени энтузиазма местных "экспертов" по этнополитологии и этнической истории» (с. 110). Реальность этничности как конструкта – это реальность идентичности как "осознания членами группы своей принадлежности" к этническому сообществу и реальность собранной таким образом группы (с. 28). А значит, заключает автор, конфигурации конструирования идентичности контекстуальны и исторически подвижны.

Для меня проблематика идентичности предстаёт здесь, скорее, как вопрос, а не ответ. С одной стороны, Тишков вступает в диалог с "этничностью без групп" социолога Р. Брубейкера и более ранней работой этого исследователя в соавторстве с историком империй А. Купером, где они пишут об "академической усталости" от этого понятия: "идентичность" так часто употребляется в науке и означает так много, что практически ничего не означает. Брубейкер и Купер предлагают заменить "идентичность" такими терминами, как "идентификация", "категоризация", "групповость", иными словами, *аналитикой практик*. Подобный пересмотр представляется Тишкову интересным, но "чересчур радикальным" и трудно реализуемыми без оговорок, таких как укоренённость всех этих понятий, особенно "групповости", в научной терминологии (с. 35–36). Феномены нации, расы и класса, утверждает он, нельзя понять без рассмотрения влияния научного языка на общественные практики за пределами науки. Аналитика их бытования должна быть дополнена аналитикой языков научного описания. Тишков фокусирует внимание на расе и нации, но такой конструктивизм приложим также и к понятию класса. Действительно, проблема "онтологического соучастия" исследователей и исследуемых, о чём упоминалось выше, была сформулирована П. Бурдье именно по отношению к классовым отношениям: социальное поле классовых различий во Франции во второй половины XX в. включает в себя влияние на них опросов общественного мнения и других исследований социальной стратификации [10].

С другой стороны, В.А. Тишков согласен с Т.Х. Эриксоном в том, что "политическое действие в современных условиях уже утратило строго социальную (классовую) направленность в пользу вопросов идентичности" (с. 258). Политическое действие понимается здесь шире, чем область государственной или партийной политики – как любое действие в контексте отношений власти: в ситуации упадка "политики классовых отношений", указывает Эриксен, "политики идентичности (националистические, этнические, религиозные, территориальные) вышли на передний край международной повестки, будучи инициированными и проводимыми как сверху (требование гомогенности населении государств и вовлечённость последних в этнические чистки), так и снизу (требования меньшинствами соблюдения своих прав или отделения)" (с. 250).

Но что здесь понимается под *идентичностью*? Это первый вопрос, который у меня возник при чтении данной книги. Идентичность – это язык описания или исторический период? Язык описания может выйти из моды или просто устареть. Но сама по себе историческая реальность не может подвергнуться академической инфляции. То же самое можно сказать об "этническом" в "этнической идентичности". Тишков упоминает М. Вебера, когда подводит читателя к своему пониманию субъективных измерений этничности – к тому, что члены "этнической общности как группы" считают значимым. Он подчёркивает, что сохраняется актуальность веберовского определения этнической общности как основанной на "субъективной вере в общее происхождение по причине схожести физического облика или обычаев, или того и другого вместе, или же по причине общей памяти о колонизации и миграции" (с. 28). Но именно это заставляет задуматься о соотношении эпистемологии и онтологии этничности.

Вопрос состоит в том, выходит ли такое понимание этничности на передний план как следствие реальных изменений в мире, приведших к возникновению "политики идентичности" (с. 249–250, 258), или речь идёт о методологическом предпочтении идеально-типической эпистемологии Вебера структурному анализу в духе Дюркгейма и Маркса независимо от того, анализируется ли мир глобальный ("перегретый" и "сжатый" в терминологии Т.Х. Эриксена) или любой.

Далее, "субъективная вера" в "общее происхождение" также может вести к различным конфигурациям сообщества. Тишков определяет этничность как "общность на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях" (с. 28). Мой второй вопрос: что именно отличает этническое сообщество от других, которые могут быть описаны при помощи такой дефиниции? В качестве мыслительного эксперимента возьмём пример Б. Малиновского о кланах как *категориях*, а не группах. Это различие важно для понимания генеалогии метода Тишкова, которая берёт своё начало от работ Б. Малиновского, Э. Дюркгейма и М. Мосса (с. 10).

В книге о родстве, семейных и территориальных связях на Тробрианских островах Малиновский описывает группы как семейно-родственные и локальные сообщества, в то время как клан – это "категория, а не группа". "Категория" используется Малиновским как основа классификации. Клан – категория многовидовая, в которой "клан" объединяет "целый ряд животных, растений и других природных объектов" и составляет одну классификационную единицу вместе с людьми [11, с. 500]. Игуана, собака, свинья и змея, после того как они появились на поверхности земли "в начале" мира, дали начало четырём кланам. При этом клан (как категория) универсален. При встрече

с “европейцами”, приезжающими на Тробрианские острова, “туземцы” (*natives*) спрашивают “просто и искренно”, к какому роду из четырёх кланов они принадлежат. “Непросто объяснить, – пишет Б. Малиновский, – что тотемное четырёхкратное деление не составляет естественный порядок вещей всего человечества” [11, с. 495].

Этот порядок вещей включает и вопрос, потомки какого из тотемных животных могут быть вождями и “начальниками”, в том числе и в колониальном контексте. Тробрианская иерархия (на)родов связана с тем, как свинья, “чистое и благородное животное”, объявила собаку животным низшим, как питающуюся тем, что “подобно экскрементам” (то есть будучи замеченной поедающей плоды растения, которые считаются съедобными только в случае голода). После этого свинья стала обладать властью отличать существ “низкого происхождения”, представители которых не могут быть вождями.

Каким образом в подобном социокультурном контексте род отличается от народа как общность на основе самоидентификации? Вопрос возникает потому, что, как пишет Тишков, “миф (версии) об общем происхождении” являются основой народа как этнической общности, включая политически оформленные представления о родине. Согласно Малиновскому, место (“дыра”), откуда на поверхность вылезли тотемные животные, на местном языке означает “дом”, или место, где впервые поселились люди. Иными словами, эти представления о рождении есть также и представления о родине (см. критерии определения этнического сообщества В.А. Тишкова выше). Таким образом, можно сказать, что тробрианская теория деления человечества на кланы не менее примордиальна, чем теория этноса Ю.В. Бромлея. Как показывает этнографическое исследование М. Янга, предметом которого стал сам Б. Малиновский, тробриане считали его объяснение ранговых иерархий родов неправильным [12, с. 14–16]. Это интересно для понимания контекста концептуальных инноваций, по отношении к которым представители исследуемой реальности могут выражать сомнения. Напомню, что с конструктивизмом Тишкова в отношении этноса и этничности не согласились ни представители общественности Кабардино-Балкарии, ни Высшей политической школы им. И. Ильина РГГУ, ни этнологи М.В. Крюков и К.Л. Банников.

Здесь возникают два возможных варианта, позволяющие считать население Тробрианских островов народом. Первый вариант априорный, иными словами, тробриане народ вне зависимости от того, как и в каких категориях они воспринимают себя как общность. Действительно, Ю.В. Бромлей считал племенные системы родовой экзогамии первобытной формой этноса [13, с. 200–212, 244–274]. В соответствии со вторым вариантом это население *становится* народом – общностью с этническим самосознанием – в эпоху колониальных связей. Это будет примером того, что Тишков анализирует как “сегодняшнюю *групповость*” на основании исторически “новых инструментов и форм групповых коммуникаций” и “жизненных стилей” (с. 6, 33). В последнем случае для колониальной и “современной” идентичности тробриан может быть важным не только, и не столько их родовое происхождение от четырёх тотемных животных, сколько деление человечества на англичан, австралийцев и других “европейцев”, с одной стороны, и на местное население – с другой. Возможны и другие классификации. Например, категории населения различаются по “вере”. Здесь важно противопоставление тробрианцев католическим и протестантским миссионерам с их версиями биологического родства, вступающими в конфликт с тробрианскими представлениями, а также классификация по империям. В последнем случае идентичность тробриан определяется их принадлежностью к сообществу британских подданных, которую они чтут, обращаясь в колониальные суды с семейными спорами, о чём писал Малиновский, в то время как идентичность его самого двойственна, поскольку он был подданным Австро-Венгрии, а вёл свою ставшую знаменитой полевую работу на Тробрианских островах (в то время территория Британской империи) во время Первой мировой войны.

Перечисленные связи можно рассматривать все вместе в свете понятия “идентификационных качелей” Тишкова. Но применительно к тробрианам такой подход предполагает разъяснения последним относительно того, что человечество делится не на четыре тотемных рода, а на народы, империи и религиозные группы. Это также может зависеть от превращения тробрианской онтологии человечества в культурное наследие, сохраняемое в этнографических музеях или в борьбе за особый автономный статус в рамках государства Папуа Новая Гвинея. Однако вопрос о культурном наследии и этнографических музеях в книге В.А. Тишкова упоминается, но не рассматривается. Этот вопрос требует отдельного исследования, включая изучения туристического и коммерческого интереса “к *этно* как к чему-то отличительному и аутентичному в противовес нивелирующему воздействию глобализации”. Этот вопрос уже оказывает влияние, но будет ещё сильнее воздействовать “на нашу дисциплину, включая её категориально-понятийный аппарат, стиль и язык изложения научных текстов”, замечает автор книги (с. 75).

Возникновение “идентификационных качелей” связано с глобальной диффузией понятий этничности и нации, то есть с их концептуальной историей в эпоху Нового времени. Б. Андерсон рассматривает этот процесс в отношении нации, относя его к эпохе модерности. Т.Х. Эриксен делает следующий важный шаг: он связывает генеалогию понятия “этничность” с историей этого термина, показывая контраст между одним из смыслов *ethnicus* (“язычник” в средневековом греческом и латыни) и современным повседневным употреблением, когда термин чаще относится к тематике меньшинств и расовых групп [7, с. 5].

Тишков согласен с Эриксеном в том, что интеллектуальная история термина “этничность” началась в 1960-е годы, “когда происходили изменения в постколониальной геополитике и движения этнических меньшинств в промышленно развитых странах” (с. 29).

Он подвергает критике исследования Д.В. Арзютова, С.С. Алымова и Д. Андерсона за преувеличение причинных связей между появлением концепта “этнос” и социально-политической историей Российской империи (с. 85–86), справедливо указывая на роль в этом народоведения XIX в.

Думаю, труд В.А. Тишкова выиграл бы, если бы была выстроена генеалогия терминов “народ” и “этнос” в России в рамках истории возникновении этнографии как науки о национальностях [14]. Но историография в рецензируемой книге ограничена проблематикой “национального вопроса” раннего советского времени в работах Ф. Хирш, Т. Мартина, Р. Суни, Ю. Слёзкина и др. Более того, возникает вопрос о соотношении подхода Тишкова и этой академической традицией: “Лояльность к этнической общности... мы называем этническим самосознанием (идентичностью)”, и это, с его точки зрения, “составляет главный предмет этнологической науки” (с. 265). То есть, “этничность” предполагает, что члены этнической группы имеют представление об этой категории, понимают, что они являются именно *этнической* группой. Это следует из того, что Тишков согласен с К. Чандра в том, что примордиальная перспектива должна быть признана как реальная для членов этнического сообщества (см. выше). Но как далеко заходит примордиализм? Означает ли глобальное распространение термина также и диффузию его содержания? Иными словами, каковы онтологические основания этничности в современном мире?

Это мой третий вопрос. Он возникает, если рассматривать диффузию понятий этничности и нации как один из факторов глобальной модерности по Т.Х. Эриксену (с. 252). Вслед за С.В. Соколовским Тишков справедливо отмечает, что онтологический поворот в антропологии начала XXI в. произошёл в российской науке в применении либо к проблематике космологии коренных народов, либо к материализму западной антропологии науки (Б. Латур). Здесь, например, продуктивно понятие “множественного биологического тела” (Э. Мол), несмотря на доминирующий на Западе мультикультурализм как множество разных точек зрения относительно одной и той же природной реальности. Не менее справедливо в книге отмечается, что антропологи не рассматривают этничность через призму онтологического поворота и что причина этого – “герметичные картины” культурных единиц, “какие уже присутствовали в классическом структурализме” и культурном релятивизме (с. 263–264). С этим выводом нельзя не согласиться. Тишков рассматривает этничность как процесс в гораздо менее “герметичной” перспективе, приближая свой теоретический подход к теории практики, выстраивая “процессуальную природу” этничности в исторически подвижном и многокультурном современном обществе, где нет “культурных изолятов” (с. 27).

В использовании онтологического поворота для понимания этничности В.А. Тишкову, как говорится, и карты в руки. Это не призыв автору идти в новое поле. Многое в рецензируемой книге предстаёт как *этнография этнографии*, рассмотренное на основе его многолетнего поля по изучении российской этнологии изнутри. Богатый этнографический архив автора достаточен, чтобы поставить вопрос, считают ли постсоветские российские этнологи, что природа одна, а этнических культур много. Или речь идёт об относительной гомогенизации культурного разнообразия, если исходить из того, что определение этничности и у Тишкова, и у учёных, которых он цитирует, предполагает единую систему критериев этнической “группности”? Если так, то следует ли понимать этот относительно гомогенный культурный партикуляризм как сосуществующий с “множеством природ” (с. 264)? Можно допустить в качестве рабочей гипотезы для дальнейшего обсуждения, что этничность в этом поле дискуссии является версией “множественного тела”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

1. Bourdieu P. (1980) Le mort saisit le vif: les relations entre l’histoire réifiée et l’histoire incorporée. *Actes de la recherche en sciences sociales.* 1980, no. 1 (32), pp. 3–14.
2. Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса. *Этнографическое обозрение*. 1992. № 1. С. 5–19.

   [Tushkov V.A. Soviet ethnography: overcoming crisis. *Ethnographic review*. 1992, no. 1, pp. 5–19. (In Russ.)]
3. Langlitz N., Dan-Cohen T. (2025) What Ever Happened to the Anthropology of Science? From the Science Wars to the Post-Truth Era. *Annual Review of Anthropology*. 2025, no. 54, pp. 81–96.
4. Haraway D. *Primate Visions: Gender, Race and Nature in the World of Modern Science*. London: Routledge, 1989.
5. Latour B. *We Have Never Been Modern.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1993, 100-103.
6. Gellner E. *Nations and Nationalism.* Cornell University Press, 1983.
7. Gellner E. Gellner E. *Culture, Identity, Politics.* Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
8. Eriksen Th.H. *Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives*. London and Sterling, VA: Pluto Press, 2010.
9. Eriksen Th.H. *Tyranny of the Moment: Fast and Slow Time in the Information Age*. London and Sterling, VA: Pluto Press, 2001.
10. Bourdieu P. The Social Space and the Genesis of Groups. *Theory and Society.* 1985, no. 6(14), pp. 723–44.

11. Malinowski B. *The Sexual Life of Savages in North-Western Melanesia: An Ethnographic Account of Courtship, Marriage, and Family Life Among the Natives of the Trobriand Islands, British New Guinea*. London: Routledge and Kegan Paul Ltd., 1929.
12. Young M.W. *The Ethnography of Malinowski: The Trobriand Islands 1915–18*. London: Routledge & Kegan Paul Ltd, 1979.
13. Бромлей Ю.В. *Очерки теории этноса*. М.: Наука, 1983.
[Bromlei Yu.V. *Essays in Ethnos Theory*. Moscow: Nauka, 1983. (In Russ.)]
14. Knight N. *Constructing the Science of Nationality: Ethnography in Mid-Nineteenth Century Russia*. PhD Dissertation, Columbia University, 1995.